

ФОРУМ

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

18

1988

18

1988

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

18

1988

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

Петр АБОВИН-ЕГИДЕС, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Николай ДРАГОШ, Лев КОПЕЛЕВ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Сергей МАКСУДОВ, Михайло МИХАЙЛОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Михаил ХЕЙФЕЦ, Борис ШРАГИН.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr. W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauerner-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» e. v., München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

Владимир Малинкович

ДВЕ ОТТЕПЕЛИ

(Этюд на тему реформ)

Один советский ученый сказал недавно: то, что происходит сейчас в Советском Союзе, не имеет аналогов в истории. Действительно, нынешняя перестройка — явление во многом уникальное. И все же прямые аналогии напрашиваются сами собой — с «Пражской весной», с ленинско-бухаринским НЭПом, с «хрущевской оттепелью».

Попробуем сопоставить события наших дней с тем, что случилось в стране 30 лет назад — во времена XX—XXII съездов, при Никите Сергеевиче Хрущеве.

В интересной статье Юрия Буртина «Вам, из другого поколения» («Октябрь» № 8, 1987), где автор — впервые, пожалуй, в советской печати — вскрывает суть «застойных явлений» эпохи Брежнева-Суслова, период «хрущевской оттепели» характеризуется следующим образом:

«...это был... единый процесс, объективный исторический смысл которого состоял в демократизации, в замене сталинского «казарменного коммунизма» качественно иным типом социализма, базирующимся на принципиально иных основаниях. В экономике — не на принуждении к труду, а на материальной заинтересованности в его результатах; в системе управления — на демократическом (вместо авторитарно-бюрократического) централизме, с расширением самостоятельности «мест» и элементами контроля «снизу»; во внешней политике — на идее мирного сосуществования двух миров, на поисках возможностей взаимопонимания и сотрудничества...»

Основываясь на этой оценке, Ю. Буртин делает вполне правомерный вывод: процесс 1956—64 гг. «однонаправленный с нашей перестройкой». С этим выводом нельзя не согласиться, но необходимо все-таки отметить: процессы «хрущевской оттепели» и «горбачевской перестройки» хотя и подобны, но не тождественны.

Причины, побудившие Хрущева пойти на разоблачение сталинских преступлений, были не столько экономическими, сколько политическими. Причем узко политическими, т. е. затрагивающими интересы небольшой, хотя и очень влиятельной, социальной прослойки — чиновников партаппарата.

Конечно, от сталинских репрессий, сталинских методов управления страдало все многомиллионное население огромной державы (и не только СССР, но и стран-сателлитов); конечно, советская промышленность и особенно сельское хозяйство и тогда были малопродуктивными, и любой толковый экономист мог бы предсказать приближение хозяйственного краха, но, по-видимому, непосредственным побудительным мотивом к началу десталинизации был инстинкт самосохранения у людей из ближайшего окружения Сталина. Совершив в «год великого перелома» переворот (революцию или контрреволюцию — название не имеет значения), о возможности которого предупреждал еще в 1925 г. Н. Бухарин, Сталин сменил систему партийной диктатуры на режим личной деспотии. Режим этот оказался смертельно опасным для всех без исключения, в том числе и для сподвижников Сталина (уж как, к примеру, старался утвердить культ Сталина его верный опричник Постышев, но и он стал жертвой репрессий). В 1953 г., попав в немилость к Сталину, почувствовали опасность Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян. В своих «Воспоминаниях» Хрущев пишет, что в последний год жизни Сталин очень редко приглашал к себе Кагановича и Ворошилова и совсем не приглашал Молотова и Микояна. Никита Сергеевич утверждает, что он, Берия и Маленков «очень встревожились за судьбу Молотова и Микояна», когда узнали, что Сталин отказался ввести их в Бюро Президиума ЦК. Встревожились они, конечно, не только за Микояна, Молотова и

Ворошилова (последнего Иосиф Виссарионович в узком кругу называл английским шпионом), но и за себя — особенно после того, как Сталин устроил разнос Маленкову и Хрущеву.¹ После смерти Сталина всех, кто его окружал, объединило и на какое-то время сблизило желание избавиться себя и весь высший слой партаппарата от возможных репрессий со стороны того из них, кто сможет добраться до вершины пирамиды власти. Потому-то убежденные сторонники сталинских методов руководства Молотов, Каганович, Ворошилов не помешали Хрущеву разоблачить Сталина на XX съезде.

Очевидно, у самого Хрущева были и иные причины начать десталинизацию — не последнюю роль, видимо, играло его стремление, добываясь полноты власти, отодвинуть в сторону своих ближайших конкурентов, которые активнее, чем он, соучаствовали в сталинских преступлениях.

Как бы то ни было, поведение Хрущева в 56 году гораздо проще объяснить личными мотивами, чем его обеспокоенностью общей ситуацией в стране.

Советские общество в ту пору никак не выявляло недовольства. Люди помнили репрессии начала и конца 30-х, не отвыкли еще от перегрузок времен недавней тяжелой войны, да и послевоенные трудности многими воспринимались как неприятные, но неизбежные последствия гитлеровского вторжения. Хрущеву и в голову не могла прийти мысль о том, что надо идти на какие-то серьезные уступки народу — ведь общество ничего не требовало. Сразу же после смерти Сталина Маленков и Хрущев провели, правда, сельскохозяйственную реформу, значительно облегчившую положение крестьян, но реформу эту, увы, нельзя назвать радикальной (и Сталин допускал определенные послабления — например, позволил крестьянам иметь приусадебные участки). Уже находясь у власти, Хрущева понял, точнее,

1. См. Н. Хрущев, Воспоминания, Chalidze Publications, New York, 1979, сс. 106-112..

почувствовал, значение экономических факторов — он лихорадочно, не имея единого плана, что-то менял, перестраивал, но к радикальным экономическим преобразованиям так и не приступил, — они были намечены на 1965 год, а к тому времени Хрущева уже убрали.

В отличие от Хрущева, Горбачев начал перестройку по причинам преимущественно *экономическим*.

В начале 80-х годов Советский Союз оказался на грани хозяйственного кризиса. По свидетельству Г. Шахназарова, одного из ближайших советников Горбачева, никто в Политбюро сначала и не помышлял о политических реформах, демократизации, гласности. Даже десталинизацию, которая сейчас проводится очень непоследовательно, начинать пришлось потому, что иначе нельзя было бы объяснить населению необходимость слома созданной Сталиным жестко централизованной системы управления экономикой, породившей кризис, и возвращение к принципам ленинской экономической политики. Горбачев не скрывает, что планируемые реформы по духу своему будут подобны НЭПу. Для того, чтобы горбачевские начинания были успешными, нужно разбудить творческую инициативу масс. Но люди не верят — боятся, что все их усилия будут напрасными, что в один прекрасный момент все вернется «на круги своя». Ведь в советском прошлом недолгие «хорошие» периоды всегда сменялись «плохими» — так в 29-30 гг. Сталин очень быстро ликвидировал НЭП и восстановил «военный коммунизм». Чтобы вселить в людей уверенность в то, что подобное не повторится, и понадобилась нынешним реформаторам критика Сталина — для доказательства того, что ленинский НЭП необходим был «всерьез и надолго», а социализм вполне может превратиться из тоталитарного, с государственной монополией на орудия и средства производства, в «строй цивилизованных кооператоров». Словом, сначала заговорили о параллелях с НЭПом, а потом уже, идя на уступки обществу, о преодолении сталинизма. Напомню, что год-полтора назад Горбачев уже говорил о новом варианте ленинской экономической политики и все еще называл «сталинизм» выдумкой империалистической пропаганды.

Итак, реформы Хрущева и Горбачева вызваны разными причинами: в первом случае они были политическими, во втором — преимущественно экономическими. И проводили перестройку эти два советских лидера по-разному. Сравним, к примеру, их подход к одной из наиболее важных внутривластных проблем — к проблеме освобождения политзаключенных. Хрущев несомненно, действовал более решительно, освободив и реабилитировав сотни тысяч политических узников. Этим он сразу же завоевал признание и доверие (которое, к сожалению, оправдывал далеко не всегда) либерально настроенной интеллигенции. Юрий Буртин пишет в уже упомянутой статье:

«О времени, в просторечии называемом «эпохой Хрущева», часто говорят с пренебрежительной усмешкой... такое высокомерие представляется и неисторичным, и нравственно сомнительным. Одни только распахнутые ворота лагерей и мужество признания — перед всем миром — в «массовых репрессиях» против собственного народа, беспримерных по своей жестокости и масштабам, — одни они уже достаточны для того, чтобы вспоминать об этом времени как об одной из высших страниц отечественной истории.

Горбачев очень осторожен. Он освободил досрочно лишь около трехсот политзаключенных и никого не реабилитировал — большинство же узников совести всё еще находится в неволе. И это, несмотря на постоянное и сильное давление Запада, гораздо более сильное, чем при Хрущеве. Новый генеральный секретарь никак не решится освободить чуть больше десятка заключенных лагеря особого режима, имена которых хорошо известны всему миру. Он не делает этого, хотя, по-видимому, понимает, какие внешнеполитические выгоды можно извлечь, избавившись от позорного определения «нарушитель прав человека». Да и во всех других вопросах Горбачев, не в пример Хрущеву, действует слишком уж осмотрительно. По принципу «два шага вперед — один назад».

Многое можно объяснить личными качествами двух советских руководителей. Хрущев склонен был к спонтанному волеизъявлению (не всегда это шло на пользу делу),

был безусловно человеком смелым и часто делал больше того, что было в интересах партийной верхушки. Он часто (плохо ли, хорошо ли) проявлял собственную инициативу. Все, что делает сегодня Горбачев, он делает вынужденно.

Можно ли на этом основании сделать вывод, что автор доклада на XX съезде был личностью более выдающейся, чем нынешний генсек? Пока, думаю, такой вывод делать рано — Хрущев уже завершил свой жизненный путь, у Горбачева, возможно, самые главные свершения еще впереди. Нельзя недооценивать и разницу ситуации, в которой начинали реформы Никита Сергеевич и Михаил Сергеевич.

После смерти Сталина большинство членов Президиума ЦК было кровно заинтересовано в том, чтобы избавиться от висящего над ними домоклова меча, от страха перед всемогущим, всепроникающим КГБ, и потому они дружно ополчились против руководителя этой организации. Когда Берию и его подручных убрали, КГБ оказался обезглавленным, а значит, и обессиленным. Хрущев мог не опасаться этой организации, приступая к освобождению политзаключенных и разоблачению сталинских преступлений. Опасными были сами высшие партаппаратчики, для которых то, что говорил Хрущев на XX съезде, было явно «чересчур». Они и попытались устранить Хрущева через год после съезда, но, к счастью, безуспешно. Семь лет спустя уже новый, подобранный самим Хрущевым, состав Президиума ЦК все же убрал беспокойного, неудобного для партаппарата лидера.

Горбачев не может не бояться КГБ. Эта организация разрослась в 70-е годы безмерно, оснащена самым современным (преимущественно импортным) оборудованием, имеет подробные досье со списками «грехов» едва ли не на всех советских граждан, в том числе, конечно, и на руководителей страны. В последние годы сила и влияние КГБ постоянно возрастали. Еще при жизни Брежнева шеф органов безопасности стал самым влиятельным человеком в государстве, а после его смерти он получил пост генерального секретаря ЦК. Андропов, чувствуя приближение экономической

катастрофы, и начал перестройку. И аппарат КГБ он поставил на службу преобразованиям. Он же приступил к замене старых, брежневских, кадров «пятидесятилетними» энергичными людьми из второго эшелона власти. И сам Горбачев, видимо, ставленник Андропова и его аппарата, от которого он до сих пор зависит. Отметим, что реформа КГБ — последняя в ряду реформ, планируемых Горбачевым.

Проблема, однако, в том, что реформа, начатая Андроповым, и нынешняя «горбачевская» принципиально различны. Андропов намерен был несколько модернизировать экономику, но главный упор делал на борьбу с коррупцией, массовым воровством, всеобщей «расхлябанностью», с так называемыми нетрудовыми доходами. Логика преодоления застоя вынудила Горбачева идти дальше. Пока он просто «закручивал гайки», КГБ его активно поддерживал. Но как только Горбачев приступил к действительно радикальным реформам экономики и необходимой для их успеха демократизации, не мог не возникнуть конфликт между сторонниками и противниками таких реформ. Вполне реальны опасения, что в новых условиях КГБ и часть новых партийных руководителей — «технократов» из Политбюро — изменят свое отношение к генеральному секретарю ЦК. Уступит ли он им или продолжит начатый путь, опираясь на поддержку общества, — вопрос, от которого зависит будущее перестройки.

События последних месяцев демонстрируют, что Горбачев готов идти на очень значительные уступки консерваторам. Дело Ельцина буквально шокировало западных наблюдателей. Поразило не только то, что был снят со своего поста один из наиболее активных лидеров перестройки, но то, как проходило это снятие. Ельцина единодушно клеймили как «политического авантюриста», нанесшего «удар в спину партии», его ближайшие сотрудники. Сильного, по-видимому самолюбивого и властного, человека заставили унижаться, публично заявлять, что он «очень, очень виноват». Содержание же доклада, с которым Ельцин выступил 21 октября на пленуме ЦК, а значит и суть его разногласий с большинством(?) цекистов неизвестны, по-

тому как материалы пленума никто не собирается публиковать (вот вам и гласность!).

Затормозился процесс освобождения политзаключенных. С неформальными группами и объединениями и независимыми издательствами поступают, «как Бог на душу положит», — их прямо не запрещают, но и не предоставляют им официального статуса и всячески мешают их нормальной деятельности. С эмиграцией стало чуть лучше, но это улучшение, очевидно, объясняется прямым давлением Запада, особенно Соединенных Штатов, с которыми СССР как раз сейчас пытается наладить сносные отношения.

11 декабря председатель Госкомитета по делам издательств Михаил Ненашев заметил на пресс-конференции: «Кооперативные издательства в СССР создаваться не будут!» Еще совсем недавно, лишь несколько месяцев назад, известные советские писатели и поэты Фазиль Искандер, Вениамин Каверин, Булат Окуджава, Давид Самойлов писали и говорили о том, что их идея создать кооперативное издательство «Весть» нашла поддержку «наверху» и осталось только уладить кое-какие технические вопросы. Очевидно, новые советские руководители, поначалу благорасположенные к идее кооперативных издательств, теперь решили сохранить государственную монополию на печатное слово.

Обострившиеся в последнее время национальные проблемы Горбачев, судя по всему, вовсе не собирается решать. Во всяком случае в юбилейном (и программном) докладе Горбачев посвятил сложнейшему национальному вопросу лишь пару малосодержательных абзацев.

И в том, ради чего затевался весь сыр-бор, — в проведении экономических реформ — неожиданная задержка. В начале 1987 года планировалось перевести в будущем, 88-м, году всю промышленность на условия полного хозрасчета. В августе (как раз тогда, когда Горбачев исчез «в отпуск»), план пересмотрели, и сейчас намечено на новые условия хозяйствования перевести лишь 60% предприятий. Да и то при условии, что переход не помешает выполнению текущих плановых заданий, которые, кстати, вовсе не должны быть директивными, если последовательно проводить в жизнь новый закон о предприятии.

Словом, отступление на всех фронтах. Отступление это может означать приближение конца реформ, если не будет новой волны — волны общественной поддержки перестройки, которая, не исключено, поможет напуганным нынче «реформаторам наверху» вновь обрести энергию для продолжения ранее начатого дела.

В середине 60-х общественность серьезного сопротивления контрреформаторам не оказала. Способна ли она защитить реформы сегодня?

*

Как и в хрущевские времена, сейчас самой активной частью общества является творческая интеллигенция. Это не означает, конечно, что основную массу советских граждан, социально и политически себя никак не проявляющих, можно не принимать в расчет. При решении некоторых очень важных вопросов именно поведение молчаливого большинства будет определяющим — от этого будут зависеть, к примеру, успех или неуспех развития индивидуального и кооперативного предпринимательства, перестройка системы ценообразования и многое другое. Но идеологию социально активных групп все же формирует преимущественно творческая интеллигенция.

Во времена Хрущева всех (во всяком случае — многих) объединяла общая эйфория в связи с появившимися вдруг новыми возможностями и общее же неприятие сталинизма. Конечно, довольно много людей уже тогда сознавало, что объяснять все ужасы прошлого только проявлением «культы личности» нельзя, что недостаточно реабилитировать лишь жертвы 1937 года, забыв о миллионах «раскулаченных», о голоде 1933-го, о судьбе бывших военнопленных... Но ведь и сделано было немало. И неожиданно открывшееся свободное пространство надо было освоить. И его осваивали, оставляя на потом недоделанное Хрущевым. После Берлинской стены, Карибского кризиса, дела Б. Пастернака и выставки МОСХ'а интеллигенция «обиделась» на Хрущева, и потому кое-кто даже обрадовался, когда его устранили. Понимание того, что же на самом деле произошло в октябре 64-го пришло очень скоро, так как всем стало очевидно, что

брежневское руководство потихоньку берет обратный курс — к Сталину. Полное отрезвление наступило после процесса Синявского-Даниэля, арестов на Украине и интервенции в Чехословакию. Такой возможности, по-видимому, никто не предусматривал в начале 60-х. Похоже, что вообще мало кто думал тогда над альтернативными решениями и мало кого всерьез беспокоило то обстоятельство, что все достигнутое после XX съезда никак не закреплено, что все очень легко можно повернуть назад. Все упивались временем «взвешенной духовности» (по выражению Льва Аннинского) и вели себя довольно легкомысленно. Не очень уж всерьез анализировалось прошлое, редко кто пытался извлечь из него уроки. Так и проглядели момент, когда история сделала очередной зигзаг.

От упоения тех лет почти ничего не осталось, кроме ностальгических воспоминаний. Четверть века сплошных разочарований избавили интеллигенцию от каких-либо иллюзий. Даже те, у кого реформы Горбачева вызывают неподдельный энтузиазм, сомневаются: «А удержится ли все это? Будет ли развиваться дальше? Не последует ли очередное изменение курса?» Сознание же других настолько разъедено скепсисом, что они не способны видеть и явно положительное — такой уж раз и навсегда выбран ракурс в годы «застоя».

Вскоре после снятия Хрущева, в середине 60-х, произошел серьезный общественный конфликт. Ресталинизации оказали открытое сопротивление лишь немногие — те, кто ушел в диссиденты, чтобы потом оказаться в концлагере или эмиграции. У большинства же интеллигентов решимости на сопротивление не хватило. Многие переживали в то время внутренний кризис. Отравляющая сознание горечь отказа от демократических идеалов и интуитивно-охранительное самооправдание порождали сложные психологические комплексы, формировали своеобразные типы личности. Мировоззренческая позиция интеллигента часто во многом зависела от его поведения в эти годы — от того, поддержал ли он оппозицию, самоустранился ли от участия в общественной жизни или же приспособился и стал прислуживать сильным. Общество, так и не успевшее окончательно

сложиться при Хрущеве, очень быстро распалось, разбилось на малые осколочные группки, на молекулы, а то и просто на атомы. Для многих это были годы одиночества.

И все же брежневско-черненко́вские десятилетия не были паузой в духовном развитии общества. В эти годы многое было продумано, проанализировано, прочувствовано (куда глубже, чем во времена хрущевской эйфории) в микроскопических социальных ячейках или каждым самостоятельно. Как только немного потеплело, выяснилось, что лишь очень немногих сегодня полностью удовлетворяют предлагаемые горбачевской командой решения — решения, которые двадцать лет назад показались бы радикальными. Сейчас все хотят большего и, главное, каждый своего. Незаметно на первый взгляд, подспудно в годы «застоя», произошло идеологическое размежевание интеллигенции. Сейчас оно выявилось.

Симптом общественного размежевания — возникновение множества различных неформальных групп, которые никак не могут найти общий язык друг с другом. Но и среди той части интеллигенции, что работает на перестройку в рамках официально дозволенного (я не касаюсь здесь позиции тех, кто вынужденно, из соображений мимикрии, участвует в происходящих процессах), можно выделить несколько ведущих направлений:

«Неоленинцы». Для них характерен интерес к последним работам Ленина (к ленинскому «завещанию»), активный антисталинизм, стремление реабилитировать партийные фракции, особая симпатия к НЭПу и его проводнику Бухарину, неприятие национализма, шовинизма, антисемитизма («интернационализм»), верность идеалу социализма в виде «строя цивилизованных кооператоров». К этой группе относятся журналисты, писатели, историки из так называемого «авангарда перестройки» (А. Рыбаков, Е. Яковлев, М. Шатров, Ю. Афанасьев, В. Коротич, Г. Бакланов, Е. Евтушенко). В основном это бывшие «шестидесятники». У них, по-видимому, есть единомышленник и в самом Политбюро ЦК — Александр Яковлев, да и сам Горбачев время от времени демонстрирует им свою поддержку. Это направление могло бы быть наиболее перспективным, но

трудно быть уверенным в готовности «неоленинцев» сопротивляться в случае контрастступления консерваторов.

«Либералы». Они не считают нужным к месту и не к месту цитировать Ленина — к социалистическим, да и всяким другим догмам они, видимо, равнодушны. В оценке сталинизма их точка зрения существенно отличается от позиции «неоленинцев». Для «либералов» неважно, соответствовали или нет деяния Сталина требованиям исторической необходимости, их не занимают возможности альтернативных путей партийной истории. По их мнению, основная причина, породившая сталинизм, — внутреннее рабство человека, рабские традиции в народе, живучесть мифа, признающего вседозволенность насилия. Раскрепощение человека — духовное, политическое, экономическое — главная забота «либералов». Либералов немало среди писателей, критиков, журналистов, экономистов (О. Чайковская, Л. Аннинский, А. Битов, Ф. Искандер, Б. Окуджава, Н. Шмелев, Ю. Буртин, Ю. Карякин, И. Виноградов, А. Стреляный...). В своих требованиях они смелее других и иногда кажется, что уж они-то не отступят, что их выбор окончательный (хотя и среди них есть люди, легко уступающие нажиму сверху).

«Прагматики». Их прагматизм отличается от традиционно западного, поскольку стремятся они не следовать требованиям жизни, а искать компромиссные решения, что позволили бы приспособить старую машину, в которой заменили мотор и многие другие очень важные детали, к работе в новых условиях. Они за капитальный ремонт старого, но не за принципиально новое. Экономические реформы для них важнее других, но и на их скорейшем осуществлении «прагматики» не настаивают — боятся пересмотра системы цен, возможной безработицы, боятся отказаться от обязательного планирования. Они легко отказываются от сказанного ранее, часто меняют свою позицию, сохраняя хорошие отношения с «технократами» в партийном руководстве. Все это вовсе не означает отсутствие у них желания радикально реформировать страну — просто они хотят достичь этого с минимальными потерями.

Похоже, что к «прагматикам» принадлежит и ведущий экономический советник Горбачева академик А. Аганбегян.

Новый «национал-большевизм». Вспомним национал-большевизм 20-х годов. И Устрялов, и редактор «России» Исай Лежнев, и «сменовеховцы» противопоставляли русский *большевизм* европейскому коммунизму и утверждали: «Интересы советской власти будут фатально совпадать с государственными интересами России». Эту же мысль высказывают герои последнего романа Сергея Залыгина («После бури», журнал *Дружба народов*, 1980-85 гг.), возглавляющего сейчас лучший «толстый» журнал «Новый мир». Кажется неслучайным, что именно в «Новом мире» впервые за много лет обильно цитируются Лежнев и Устрялов (статья М. Чудаковой, «Н. М.», № 8, 1987). Восстановление преемственности истории государства Российского, *государственный патриотизм*, объединение всех тех, кто готов служить интересам России, независимо от идеологии и национальности, — вот, пожалуй, суть позиции, пока еще никак не оформленной, новых «национал-большевиков». Вполне возможно, эта позиция сможет получить самую широкую общественную поддержку, стать наиболее популярной. Не забудем, однако, что половина населения СССР — нерусские, для которых традиции Российской империи неприемлемы, и что российская государственность (речь идет именно о государстве, а не обществе) всегда плохо уживалась с идеями западного либерализма (один из наиболее авторитетных русских государственных деятелей П. А. Столыпин был, к примеру, откровенным противником европейских форм демократии).

«Русская правая». Для новых, как и для старых, «национал-большевиков» национальность российских граждан не имеет значения — они патриоты-государственники, а не националисты. Но и у откровенных русских националистов много приверженцев. Наиболее радикальное крыло — антисемитское общество «Память», наиболее популярные лидеры — писатели Виктор Астафьев, Василий Белов, Юрий Бондарев (в последнее время все более активно поддерживает их Валентин Распутин). Некоторые русские национа-

листы (среди них писатели Михаил Алексеев и Валентин Пикуль, художник Илья Глазунов), пытаются идеологически объединить великодержавный шовинизм с советским урапатриотизмом и делают это весьма успешно, судя по энтузиазму, с которым воспринимает такого рода «окрошку» полуобразованная публика. Для всех русских националистов характерна в той или иной мере ксенофобия. И все же было бы ошибкой рассматривать сегодня всю «русскую правую» как противников перестройки. Никто так резко не обличал саму суть сталинской коллективизации, как Василий Белов в «Канунах», и не писал с такой горечью о нашем недавнем прошлом, как Виктор Астафьев в «Печальном детективе». Большинство русских националистов в общем-то за «перестройку», но будущее страны они видят иначе, чем либералы и демократические социалисты, — уже не раз демонстрировали националисты свое неприятие плюрализма, а значит и демократии.

Национально-демократические движения нерусских народов СССР. У каждого из этих движений свои конкретные цели по защите родной культуры и истории, национальных прав своего народа, но все они выступают против русификации и неравноправного положения нерусских наций в составе Союза. Активность этих движений в период гласности необычайно возросла. Очевидно, в самое ближайшее время они станут ведущим фактором общественно-политической жизни.

Четкого размежевания по направлениям сегодня еще нет, да и вряд ли оно сейчас необходимо. Гораздо более важным представляется возможное объединение всех демократически настроенных элементов общества. Увы, значительная часть интеллигенции (как русской, так и нерусской) все еще не может выйти из глубокой апатии — того общественного анабиоза, в состоянии которого только и могли выжить многие в вязкой атмосфере «проклятых семидесятых».

«Теином в чаю» могли бы стать диссиденты. В затхлости и духоте брежневских лет их деятельностью прежде всего и обеспечивался минимальный приток необходимого для

жизни общества кислорода. Ради этого были принесены жертвы: десятки погибших (лучшие из лучших), тысячи политзаключенных, сотни политэмигрантов. Из тех, кто стоял у истоков правозащитного движения в середине 60-х, сегодня в стране остались лишь единицы — Андрей Сахаров, Лариса Богораз, Вячеслав Чорновил, Евгений Сверстюк, Сергей Ковалев... Совсем немного.

Трудные условия сопротивления произволу в 70-е годы, лагерные страдания превратили многих диссидентов в радикалов. Все громче звучат голоса тех, кто полагает, будто название «правозащитное» не соответствует духу движения сопротивления правящей в СССР системе. Говорят и о том, что правозащитники, предлагающие диалог властям (которые такого диалога пока не хотят), — это чуть ли не коллаборационисты. Во всяком случае они, по мнению диссидентов-радикалов, пачкают «чистую идею». Подобные обвинения несправедливы, чтобы не сказать больше. Именно те, кто выражает сегодня готовность к диалогу с различными общественными силами, в том числе и с властью имущими, действуют в согласии с первоначальными идеями движения за права человека. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с документами Инициативной группы защиты прав человека, Комитета прав человека, с материалами хельсинкских групп. Диалог — не отказ от принципов, не готовность к сотрудничеству любой ценой. Очевидно, каждый участник правозащитного движения имеет собственную позицию, имеет право на любые политические воззрения, но хотелось бы напомнить, что движение за права человека с самого начала провозглашало приоритет нравственных, а не политических целей. Но и с точки зрения политической перспективы сознательный отказ части диссидентов от диалога с властями может лишить их сегодня, во времена перестройки, широкой общественной поддержки. Не случайно, думается, все большее внимание привлекают к себе те неформальные группы и объединения, которые, хотя и не имеют, в отличие от диссидентов, за спиной героического прошлого, выступают с конструктивными предложениями. Радикализм позиции сейчас, когда общество лишь пробуждается к жизни, способен оттолкнуть

очень многих. Очевидно, вопрос о формах и методах демократического движения в условиях перестройки далеко не прост, и хотелось бы, чтобы читатели «Форума» приняли участие в его обсуждении. Мне же кажется, что только в случае открытости правозащитников диалогу, они могли бы стать важным (не думаю, правда, что ведущим) элементом формирования единой общественной силы, активно поддерживающей процесс демократизации.

Во времена первой «оттепели» Хрущев действовал преимущественно по своей инициативе. Демократически настроенные общественные круги, хотя и поддерживали лучшие из его начинаний, не смогли проявить себя в качестве активной силы и не оказали серьезного сопротивления ресталинизации.

Нынешние реформы также проводятся по инициативе сверху. Но общественное давление на партийное руководство уже сейчас, на первом этапе перестройки, сильнее, чем в «хрущевские годы». Будет ли начавшийся процесс демократизации непрерывным зависит, мне кажется, от того, удастся ли создать широкое, включающее различные социальные группы, движение за демократию. Объединяющим фактором уже сегодня может стать требование полной десталинизации.

декабрь 1987

ВРЕМЯ РЕШАЮЩИХ ПЕРЕМЕН

(Первое заседание дискуссионного клуба
содружества наук*)

Председатель Совета Клуба — член-корр. АН СССР
И. Т. Фролов ^{1**})

Сопредседатель — секретарь МГК ВЛКСМ

В. В. Копьев²

Организатор клуба — врач Г. Н. Залевский

Открытие и первое заседание — 29 мая 1987 г.

Тема: Время решающих перемен

Бутенко Анатолий Павлович³:

То, что происходит у нас теперь, не имеет аналогов в истории СССР. Эти процессы надо глубоко понять и вернуть социализму человеческое лицо. Нам нужен реальный социализм ради человека, раскрепощенного духовно и физически. Что нужно для того, чтобы правильно шла перестройка? Нужно ломать негативное сопротивление, которое неизбежно при динамичном развитии. Меньше эмоций, больше конструктивных предложений... У нас был казарменный социализм, левосектантский, деформированный, санкционированный сверху.

Афанасьев Юрий Николаевич⁴:

Историю надо рассматривать как часть социально-психологической экологии общества. Она — в каждом из нас, история — это способность к самоопределению в обществе.

...Очень трудно жить без Вятки, Твери, Ижевска, Рыбинска⁵. Живешь в обстановке многослойной фальсификации, постоянного ощущения неуютности. Перестройка и ложь несовместимы... Что нам делать для ускорения

* «Архив Самиздата» N 6063

** См. Примечания в конце статьи.

перестройки? Прежде всего — решительно пересмотреть состояние исторической науки. Руководство Института истории во главе с академиком-секретарем Тихвинским⁶ не спешит, уходит от решения проблем. В выступлениях, докладах маститых ученых ощущается безответственность, боязнь откровенного разговора о состоянии исторической науки. Есть и более глубинные явления. Необходимы знания о всех конкретных исторических событиях. Мы переживаем агонию сталинской системы. Хрущев пытался развенчать культ личности. Ему мешали. Он не сумел осмыслить столь сложный процесс и сам оказался раздавленным этой системой... Перестройка — это процесс длительный, борьба. Трудно было начать и преодолевать новые и новые трудности, убеждать... Одна из причин этих негативных явлений — это застой нашей исторической науки, неверное толкование истории, пристрастие к декларациям... Один из омертвелых постулатов — монолитное единство нашего народа. Но когда сняли эти обручи с народа, стали выпадать такие явления, как, например, общество «Память», панки, металлисты, выступления молодежи в Алма-Ате. О «Памяти». Это общество сформулировало свою программу, некое кредо. Мы должны выразить вслух свое отношение и сказать прямо, что сторонники этого общества пытаются осуществить на практике погромную идеологию, призывают пустить кровь.

Голос из зала: Это не так, это неверно!

Афанасьев:

Действия этого общества — реакция на те изъяны, которые формировали сознание советских людей. Мы отбрасывали всегда все то, что нам не нравилось в классиках. Мы обедняли толкование Чернышевского, делали его односторонним, прямолинейным, а он таким не был. Демократия развивалась у нас не в диалоге, не в конфликтности. У нас совсем не знают Владимира Соловьева, Николая Бердяева и других интересных философов.

Мы не серые, сплошные, мы разные. Единство народа должно подразумевать различие наций, оно не может строиться на единой основе. Посмотрите, какое различие

цивилизаций: Сибирь, Средняя Азия, Закавказье... Необходимо размежевание с реакционерами, противниками перестройки! Нельзя строить жизнь в нашем обществе на насилии, погромах.

Яковлев Егор⁷:

Я не ученый, попал сюда по недоразумению. Я практик... Вот, случился пожар в Загорске. Наш журналист обратился к святому отцу за информацией. Святой отец спросил: «А вы согласовали этот вопрос с главным редактором?» Журналист ответил утвердительно. Отец: «А он согласовал с ЦК?» Думаю, что этот отец не одинок⁸. Журналисты оказались не готовы осваивать те возможности, которые получили. Одна журналистка в Киеве хотела провести митинг. Обратилась в ЦК, ее направили в горком партии, оттуда — исполком. Так она шла, шла, покуда не дошла до милиции, а там, естественно, убоялись решить вопрос...

Демократическое развитие без законности — анархия. Но и законы не могут выполняться без демократизации.. Мэр одного города вошел в конфликт с горкомом партии. Горком не только не поддержал инициативу мэра, но и решил снять его. Тогда вмешался ЦК и убрал руководителей горкома.

Вопрос: Что вы думаете о «Памяти»?

Ответ: Это антисемитское, антисоветское движение. Оно не имеет никакого отношения к демократизации.

Вопрос: Почему не критикуют верхние эшелоны власти?

Ответ: Мне лично не известны запреты на эту критику.

Вопрос: Что вы скажете о «Письме 10-ти»?

Ответ: Письмо составлено Буковским. Текст был согласован по телефону с остальными. В газету «Монд» его отнес Максимов. Вскоре Эрнст Неизвестный одумался и отказался от участия⁹. Юрий Любимов находится в трансе: его очередной спектакль потерпел неудачу... Своим письмом они нанесли большой урон прогрессу и уронили престиж

перестройки во мнении Запада, нанесли тяжелый удар по третьей волне эмиграции.

Вопрос: Оказывает ли кто давление на сторонников перестройки?

Ответ: Демократизация — это улица с двухсторонним движением. В этом процессе встречается все.

*Бестужев-Лада Игорь Васильевич*¹⁰:

Существует государственная служба прогнозирования. Ее задача — заглянуть в будущее с единственной целью: посмотреть оттуда на настоящее... Будущее будет таким... оно зависит от того, как мы сумеем решить проблемы, стоящие перед нами... Демографический взрыв в Средней Азии и обратные явления в центре, в городах... В школе учат тому, что в жизни совершенно не нужно. Говорят о развале советской семьи, а число разводов составляет всего 2-3%.

О преступности. Имеются социальные корни преступности — например, черная, или теневая, экономика... На сберкнижках хранится 220 миллиардов рублей¹¹, столько же содержится в драгоценностях. И половину этой суммы, свыше 100 миллиардов, население хранит в кубышках. Таким образом, омертвевший капитал составляет сегодня 350 млрд. рублей.

Пьянство — это чума. Миллионы погибших, миллиардные убытки... генетическая катастрофа¹². Почему наука оказалась в стороне? Заформализовалась...

Если говорить о подготовке кадров, то это не что иное, как трагикомедия... Дебюрократизация науки звучит сегодня как демилитаризация Советского Союза. А что по поводу перестройки говорят на местах? «Теперь недолго ждать, в июне на пленуме скажут, что делать». Москва — третий Рим, а в городах и всяях как было, так и остается... Нужны сверхзадачи, а не эмоции. Вот философия многих рабочих: «Лучше не работать и получать 150 рублей, чем работать и получать тысячу».

*Шкаратан (историк)*¹³:

Нужно решить вопросы социального равенства. На XVII партконференции, 1932, было заявлено: «В стране не будет

классов эксплуатируемых и эксплуататоров»¹⁴. Однородность — смерть общества. Привилегии будут, но они должны быть адекватны отдаче. Здесь нужна справедливость. Только один пример: в Минздраве СССР 17 управлений, но одно лишь IV Управление при Минздраве¹⁵ забирает 50% средств, отпущенных на здравоохранение народа — для поддержания престарелых номенклатурных... Целые институты, некомпетентные, работают вхолостую... Не хватает культурных, эрудированных специалистов. Академик Раушенбах в «ЛГ» рекомендует не брать молодых студентов в армию¹⁶. Надо прекратить это позорное явление...

Затраты на содержание 650 тысяч персональных автомашин в 4 раза превышают издержки на общественный транспорт и составляют 4,5 миллиарда рублей... Нужны реальные оценки социальной структуры нашего общества. Простое деление на рабочих, крестьян и интеллигенцию давно не соответствует действительности. Академик Федосеев¹⁷ мешает прогрессу в этой области. Надо выявлять подлинные передовые слои общества... Рабочие и интеллигенты — за перестройку.

Совершенно несправедливо установлена рента за приусадебные участки: климатические условия не учитываются. Здесь нивелирование неуместно. Существует национальная проблема, в частности — иждивенческое отношение окраин к центру: одни берут лишнее, другие отдают лишнее (Средняя Азия заметно берет)...

Академия наук работает над темами, которые были утверждены еще во времена застоя.

Артюхин (Автодорожный институт):

Плюрализм приводит к оппозиции к власти. Мы развиваем демократию, и оппозиция необходима для сохранения системы.

Бутенко (ответы на вопросы):

Нет провокационных вопросов. Вопросы могут быть трудными или легкими... Ни одно решение не должно быть принято без двух-трех альтернатив. И только при большинстве голосов, но не при 100%!

Вопрос: Почему не может быть альтернативы коммунизму?

Ответ: (не записан).

Вопрос: Возможно ли сочетание отношений централизованных и рыночных?

Ответ Бестужева - Лада:

Это вполне совместимо. Во Франции, например, существуют плановая и рыночная экономика, но ведущая роль принадлежит рынку...

...За рубежом атомную энергетику ненавидят, как фашизм.

Вопрос: Как бороться со спекуляцией?

Ответы Афанасьева: Прежде всего надо анализировать причины, порождающие эти явления.

Вопрос: Ваше отношение к Троцкому?

Ответ: Ленин очень высоко ценил Троцкого. Он говорил, что Троцкий много сделал и как председатель Петроградского Совета, и как председатель РВС в годы гражданской войны. Оценка Ленина — по заслугам. Сталинская оценка противоречила ленинской¹⁸. Сталин объявил Троцкого, Каменева, Зиновьева, Бухарина, Рыкова, Томского врагами Советской власти. Но они не были врагами строя. Они олицетворяли противоречия в обществе. Нам необходимо восстановить ленинский подход к оппозиции.

Вопрос: Будет ли реабилитирован Бухарин?

Ответ: Не знаю. Несомненно одно: нелепые обвинения, фальсифицированные процессы будут отменены. Что касается политической реабилитации, то этот вопрос находится в компетенции ЦК¹⁹.

Вопрос: Сталин, сталинизм — это закономерность или случайность? А заодно — появление таких руководителей партии, как Хрущев, Брежнев, Горбачев — случайность или нет?

Ответ: Это закономерность, но не фатальность.

Вопрос: Если позволяет гласность, то сообщите, работает ли где-нибудь Раиса Горбачева?

Ответ: Нет, она официально нигде не служит. По общественной линии она является членом Культурного фонда.

Вопрос: Будет ли внесена ясность по поводу обстоятельств смерти Кирова и Орджоникидзе?

Ответ: Все это — наша больная совесть. Это наши вопросы, и мы должны их решить.

Вопрос: Сталин способствовал отступлению от ленинских принципов?

Ответ: Во многом. И это не только замедлило дело строительства социализма, но принесло огромные неоправданные жертвы.

Вопрос: Будет ли опубликован доклад Хрущева на XX съезде партии?

Ответ: Теперь этот доклад никого не удивит. Не в разоблачении истории репрессий сейчас суть, а в изучении экономического положения и решении насущных проблем. Однако доклад должен быть опубликован.

Вопрос: Когда станут доступны государственные архивы?

Ответ: Наши архивы превратились в бюрократические хранилища.

Вопрос: Ваше отношение к книге Нестерова «Связь времен»?

Ответ: Плохое²⁰.

(Женщина из Энергетического института).
Резко высказалась против строительства атомных электростанций. В США было 103 АЭС, но в 1979 году принято решение более такие станции не строить. Все 103 АЭС были демонтированы²¹. Американские ученые полагают, что соблюдение режима экономии компенсирует снижение выработки электроэнергии.

Бутенко:

Мы развивали социализм и получили его в придачу с культом личности. Затем построили развитой социализм и получили застой, бюрократическую систему узурпации власти. Этот процесс оказался неизбежным... Все говорят о

культе личности. Это в принципе неверно: был не культ личности, а культ *одной* личности — Сталина. А личность как таковая была растоптана.

Бестужев-Лада:

У нас иначе не получается: или икона, или карикатура.

Из зала: Я выступил в газете недавно, я писал о необходимости демократизации науки. Когда я подготовил статью для «Советской культуры», директор поставил меня перед альтернативой: «Или ты откажешься от публикации, или Институт откажется от тебя...» Я не отступил, и меня отлучили от Института и от науки.

Ведущий:

Мы приглашаем вас на следующее заседание Клуба, а президиум просим принять деятельное участие в вашей судьбе.

Из зала: (Тот же пострадавший): Спасибо. Я хочу добавить к этой истории одну деталь. Мое выступление в «СК» о демократизации науки совпало день в день с отлучением Николая Бухарина от его Института, ровно полвека назад...²²

С балкона: Товарищ Афанасьев, напрасно нас, активистов общества «Память», обвиняют в антисемитизме. Это не совместно с нашими убеждениями и противоречит христианской вере. Вы лично были хотя бы на одном нашем собрании?

Афанасьев:

Свои выводы я сделал на основании текста вашего воззвания и после публикаций в «Комсомольской правде»²³ и др.

Вопрос: Давно прошел срок, назначенный Дж. Орвеллом в его книге «1984». Согласно газетным публикациям («Известия», статья Мэлоу Стурма²⁴ и др.), Орвелл адресовал свою книгу капиталистическому миру. Если там содержится критика Запада, это полезно знать всем нам. Почему не публикуют Орвелла на русском?

Афанасьев: Согласен с вами. Эта книга должна быть издана у нас.

Бестужев-Лада: «Память», безусловно, антисемитское движение, но я лично за то, чтобы участники этого объединения публиковали свои взгляды. Тогда и критиковать их можно будет на конкретном материале.

Из зала (записка): Не пора ли поставить под жесткий контроль не только органы милиции, суда, но и КГБ? Роль органов безопасности в массовых репрессиях известна. Возможна ли перестройка, прежде всего перестройка сознания, без установления контроля за действиями КГБ?

Афанасьев: Прежде всего, нельзя валить все на КГБ. Контроль нужен, это несомненно, но нельзя забывать, что мы пережили общий застой и в экономике, и в социальной сфере, этот застой коснулся и КГБ.

Вопрос: Когда будет создан Институт общественного мнения?

Ответ: Над этим вопросом уже думают компетентные товарищи...

Вопрос: Не настала ли пора моральной реабилитации академика Сахарова?

Афанасьев: По-моему, такая реабилитация уже произошла.

Залевский Григорий Наумович: В Болгарии ликвидированы все министерства. Без работы осталось 17 тысяч чиновников. Затем провели выборы руководителей... Как видим, в разных странах по-разному подходят к решению проблем управления и перестройке всех сфер жизни...²⁵

Вопрос: Существует ли еврейская мафия в торговле?

Яковлев: Я живу рядом с «Гастрономом». Директор там русский, и он большой жулик...

Вопрос: Все же основным виновником застоя является КГБ. Почему не сказать об этом прямо? (Ответ не записан.)

Вопрос: Мы говорим и пишем о «социализме с человеческим лицом» в Чехословакии, о развитии демократии в Африке... У нас был казарменный социализм. В этом суть. Чтобы до конца преодолеть это наследие, необходимо прежде всего признать до конца все просчеты...

Из зала: Предлагаем объявить Сталина преступником! (Овации всего зала.)

Афанасьев (отвечая на вопрос): Сталин действовал сознательно. Нельзя списывать его преступления на незнание или болезнь.

Из зала: Будет ли установлен памятник жертвам массовых репрессий?

Ответ: Да, это необходимо.

Вопрос: Будут ли изданы у нас книги Солженицына, Авторханова, Роя Медведева и Антонова-Овсеенко о Сталине?

Афанасьев: В публикациях Солженицына присутствует оголтелый антисоветизм. В книгах других авторов имеется много фактического материала. Может быть, следует опубликовать отдельные главы из них, но этот вопрос требует тщательного изучения.

Вопрос: А где можно достать эти книги?

Ответ: Я их читал. Кто вам мешает ознакомиться с ними?

Москва, 29 мая 1987 г.

От редакции: Записи неполные, отрывочные и не всегда точные. Это не стенограмма.

Примечания

1. Иван Тимофеевич Фролов (1929 г. р.), на парт. раб. (1965-68). По воспоминаниям А. М. Некрича («Отрешись от страха. Воспоминания историка». Лондон, 1979, с. 265). помощник секр. ЦК КПСС П. Н. Демичева; гл. ред. ж-ла «Вопросы философии» (1968-77), отв. секр. ж-ла «Проблемы мира и социализма» (1977-80), зав. лаб. в акадмич. ин-тах; гл. ред. ж-ла «Коммунист» (1986-87); с мая (?) 1987 на работе в ЦК КПСС («Коммунист», 1987, № 8: 128). Чл.-кор. АН СССР с 1976; чл. ЦК КПСС с 1986.

2. Вячеслав Всеволодович Копьев, на конец 1984 — 1-й секр. Красногвардейского РК ВЛКСМ Москвы («Моск. комсомолец», 16. 12. 84); секретарем МГК ВЛКСМ стал по-видимому в 1985, - уже в нач. 1986 пред. штаба по подготовке и проведению фестиваля моск. студенчества в 1986.

3. Анатолий Павлович Бутенко (1923 г. р.), д-р филос. н., зав. отделом полит. и идеол. проблем Ин-та экономики мировой социалистич. системы АН СССР, проф. МГУ. Его «программные» статьи периода «перестройки»: «Перестройка и социальная борьба в обществе» («Моск. новости», 4. 1. 87, с. 12); «Теоретические проблемы совершенствования нового строя: о социально-экономической природе социализма» («Вопросы

философии», 1987, N 2: 17-29); «При свете гласности» («Моск. правда», 7. 5. 87); «Лики бюрократизма» («Сов. культ.», 23. 6. 87).

4. Имя Ю. Н. Афанасьева с недавнего времени стало широко известным. Но о нем самом почти ничего не писалось. Поэтому уместно дать здесь подробное примечание.

Юрий Николаевич Афанасьев (1934 г. р.), окончил МГУ и АОН при ЦК КПСС, в 1960-х раб-к аппарата ЦК ВЛКСМ, зам. пред. Цент. совета Всес. пионер. орг-ции («Журналист», 1984, N 4: 67; «Комс. пр.», 6. 4. 67), канд. в члены ЦК ВЛКСМ между 15 и 16 съездами ВЛКСМ (там же, 22. 5. 66). Был проректором Высшей комс. школы при ЦК ВЛКСМ («Журналист», там же; «Вопросы истории», 1980, N 12: 125; «Новая и новейшая история», 1982, N 4: 216) и (одновременно?) ст. науч. сотр. Ин-та всеобщ. истории АН СССР, затем зав. сектором истории культуры заруб. стран в том же ин-те (там же), руководитель группы ин-та по подготовке издания ЮНЕСКО «История науч. и культ. развития человечества» («Обществ. науки», 1984, N 2: 152). В 1983 стал ред. отдела истории ж-ла «Коммунист» («Журналист», там же), а с N 3 (февр.) за 1984 — членом редколлегии и оставался в ней вплоть до N 1 за 1987, т. е. до назначения, по-видимому, в конце 1986 ректором Моск. гос. историко-архивного ин-та (далее — МГИАИ) («Моск. новости», 11. 1. 87).

Как сказал о себе сам Афанасьев, он «вот уже 20 лет занимается изучением немарксистской историографии» (там же): канд. дисс., защищенная в АОН при ЦК КПСС в 1971 — «Совр. француз. буржуазная историография Великой октябрьской соц. революции» (по ней известна одна публ. — в ж-ле «История СССР», 1971, N 3: 197-208). Монография «Историзм против эклектики. Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии» (М., 1980), защищенная как докт. дисс. в том же, 1980 году (см. об этом в рец. В. П. Смирнова в ж-ле «Вопросы истории», 1980, N 12: 125; утверждена ВАКом 6. 2. 81 по разделу «История истории. науки»), заслужила удивительно оперативного хвалебного отклика-рецензии акад. И. И. Минца («Коммунист», 1980, N 17: 126-128; см. также «Sciences sociales», М., 1982, N 2 (271-274).

Благодаря Афанасьеву на рус. язык переведена и издается «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.» Ф. Броделя (т. 1, «Структуры повседневности: возможное и невозможное», М., 1986; вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева).

«Большой общественный резонанс» (выражаясь языком одного из критиков Афанасьева) получили публицистические выступления Афанасьева, первое из которых — «Прошлое и мы» («Коммунист», 1985, N: 105-116), а затем, в 1987: «Энергия исторического знания» («Моск. новости», 11. 1. 87); выступление в дискуссии по статьям Ольги Чайковской о судьбе Биб-ки им. Ленина («Лит. газ.», 11. 3. 87); «С позиций правды и реализма» («Сов. культ.», 21. 3. 87); выступление при открытии цикла чтений «Социальная память человечества» («Моск. новости», 5. 4. 87); его выступление на заседании «круглого стола» в Ин-те марксизма-ленинизма при ЦК КПСС 29. 4. 87 о догматизме в историч. науке и влиянии «Краткого курса» на нынешних сов. историков (изложение см. в: «Вопросы истории КПСС», 1987, N 7: 138); «Говорим о прошлом, но решается будущее социализма» («Моск. новости», 10. 5. 87; это — ответ историкам партии, отстаивающим

«доперестроечные» взгляды); первое интервью, данное заруб. кор. — «Прошлое није прошло» («Прошлое не прошло») в ж-ле «Нин», Белград, 24.5.87, с. 44-46; другие интервью — газ. «Стампа», Турин, 10.6.87; «Информашон», Копенгаген, 7.8.87 (здесь он представлен советником Горбачева по вопросам истории).

Отклики на выступления Афанасьева см. в «Сов. культ.», 5.5.87; «Моск. новости», 10, 24.5.87; а также в ст. историка сов. общества 1920-х преподавателя МГИАИ В. А. Козлова (по существу поддерживающего Афанасьева), приведшего неопубликованный отклик одного партисторика - «ретрограда» («Вопросы истории КПСС», 1987, N 5) ср. также: В. Мельниченко, «Правда истории» («Пр. Укр.», 31.7.87).

Публичная схватка между Афанасьевым и истпартчиками-ортодоксами произошла, когда в «Сов. культ.» выступил нач. Гл. архивного упр. при СМ СССР д-р ист. н., автор книг о «правом уклоне» в ВКП(б) Ф. М. Ваганов (4.7.87). Афанасьева поддержали философ Генрих Волков (там же) и историк гражд. войны В. Д. Поликарпов (там же, 9.7.87), подробно рассказавший о фактич. разгроме историч. школы А. Л. Сидорова П. В. Волобуева в нач. 1970-х (под предлогом борьбы с концепцией многоукладности экономики России как одной из предпосылок Окт. революции), ср. об этом с соотв. стр. в указ. кн. Некрича.

См. также читательские письма (там же, 28.7.87; «Моск. новости», 30.8.87); а также беседу с гл. ред. «Сов. культ.» Альбертом Беляевым (там же, 6.9.87).

5. Переименованные города: Вятка — Киров (переимен. в 1934), Тверь — Калинин (1931), Ижевск — Устинов (1985; в июне 1987 вскоре после начала чистки Мин-ва обороны Ижевску вернули свое имя, но в городе появился новый, Устиновский, р-н), Рыбинск — Андропов (1984).

6. Сергей Леонидович Тихвинский — академик-секр. Отделения истории АН СССР (с 1982), ему подчиняются все историч. академич. учреждения, в том числе ин-ты истории. См. Афанасьев о нем («Сов. культ.», 21.3.87). Ср. также выступление Тихвинского на Общем собрании Отделения истории «Январский (1987 г.) пленум ЦК КПСС и историч. наука» («Вопросы истории», 1987, N 6: 3-13). Дир-р Ин-та истории СССР Семен Спиридонович Хромов; дир. Ин-та всеобщей истории Зинаида Владимировна Удальцова.

7. Егор Владимирович Яковлев род. в Москве 14.3.30 в семье Владимира Ивановича Яковлева (в 1919-1920-х отв. работник Одесского, а затем Всеукр. ЧК, Наркоминдела Украины; позже на хоз. работе; во главе треста «Северолес»; скончался в 1935), окончил МГИАИ; был на комс. работе, с 1954 член КПСС; с 1955 сотр. «Моск. пр.», «Ленинского знамени», «Сов. Рос.», «Пр.»; во 2-й пол. 1960-х, до N 6 за 1968, гл. ред. ж-ла «Журналист»; в 1972-75 — в ж-ле «Проблемы мира и социализма»; 1975-86 — в «Изв.»; с авг. 1986 г. ред. «Моск. новостей» (вместо ставшего зав. Упр. информации МИД СССР Геннадия Герасимова); автор публицистич. книг, спектаклей, телефильмов о Ленине (биогр. сведения см.: «Журналист», 1986, N 9: 47; Егор Яковлев, «Я иду с тобой», «Молодая гвардия», 1965, N 1; отд. изд. вышло тогда же; и др. источники).

8. Пожар в Троице-Сергиевой лавре 28.9.87. Ст. «Пожар в Загорске» написана спец. кор. «Моск. новостей» Виктором Лошаком («Моск.

новости», 12. 10. 86; ред. АС доступна лишь по-англ.). Журналист беседовал с ректором Академии и Семинарии архиеп. Дмитровским Александром.

О пожаре см., также: «Журнал Моск. патриархии», 1987, N 1: 17-20; «Наука и религия», 1987, N 3: 26-27.

9. Имеется в виду «Заявление для печати», которое от имени «Интернационала сопротивления» было опублик. в газ. «Фигаро» (не в «Монде»), 7-8. 3. 87 под назв. «Пусть Горбачев даст нам доказательства». Оригинальный текст опублик. в «Рус. мысли» 20. 3. 87. В переводе на рус. с франц. — «Моск. новости», 29. 3. 87, с послесловием Егора Яковлева «Доказательства от обратного».

Об отказе скульптора Эрнста Неизвестного от подписи под «письмом десяти» сов. средства информации не сообщали. Соб. корр. «Лит. газеты» в США Иона Андронов, сославшись на двух «близких друзей» скульптора, написал, что Неизвестный «сильно... раскисает в том, что позволил, не прочтя текст, использовать для подписи свое имя» («Лит. газ.», 15. 4. 87). В изложении моск. радио (1-я программа 22. 5. 87, передача «Межд. положение. Вопросы и ответы») корр. «Лит. газеты» уже непосредственно сам говорил с Неизвестным...

10. Игорь Васильевич (в получ. копии «Владимирович») Бестужев-Лада (1931 г. р.), д-р ист. н., проф., зав. сектором социального прогнозирования и проектирования Ин-та социологич. исследований АН СССР («Социологич. исслед.», 1987, N 2).

11. «К началу 1986 года... сумма вкладов превысила 220 миллиардов рублей» («Пр.», 19. 2. 86).

12. См. об этом его ст. «Чума XX века» («Неделя», 1987, N N 32-35).

13. Овсей Ирмович Шкаратан (1931 г. р.), ст. науч. сотр. Ин-та этнографии АН СССР, автор исследований по социальной истории рабочего класса СССР.

В получ. копии «Шкоратан (?)».

14. Ср. с полит. установкой 2-й пятилетки, прозвучавшей в докладе В. М. Молотова на этой конф., об окончат. ликвидации кап. элементов, которая «означает ликвидацию класса эксплуататоров, а без эксплуататоров нет и эксплуатируемых». Следовательно, «и о классах в собственном смысле слова уже говорить нельзя» («XVII конф. ВКП(б). Стенографич. отчет», М., 1932).

15. IV гл. упр. при Минздраве СССР (в просторечии — «Кремлевская б-ца»); после назнач. Е. И. Чазова министром во главе упр. стал Дм. Дм. Щербаткин («Мед. газета», 23. 3. 87).

Недавно создано новое Гл. научно-технич. упр., в которое вошли Ученый мед. совет и Упр. по внедрению...; а также — Высшая аттестационная комиссия (там же, 19. 8. 87).

16. Борис Викторович Раушенбах поддержал мнение философа В. М. Межуева о том, что призыв в армию студентов по окончании ими 1-го или 2-го курса ин-тов вредно сказывается на обучении их после возвращения из армии («Лит. газ.», 13. 5. 87). Эта точка зрения вскоре получила отпор со стороны зам. нач. Генштаба ген.-полк. М. Гареева (ст. «Еще раз об образованности», там же, 3. 6. 87).

17. Петр Николаевич Федосеев — вице-президент АН-СССР, пред. Секции обществ. наук Президиума АН СССР (т. е. ему подчиняются все гуманитарные отделения).

18. По-видимому, конспектировавший внес в ответ Афанасьева много неточностей: среди опубликованного наследия Ленина не найдено определенно хвалебных развернутых хар-к деятельности Троцкого во главе Петроград. Совета (1917) и т. п. О роли Троцкого в октябре 1917 высказался как раз Сталин («...партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому» в «практической организации восстания») в «Правде» от 6. 11. 18 (позже абзац, посвященный Троцкому, из сочинений Сталина выбрасывался).

Мнение Афанасьева о том, как Ленин оценивал Троцкого во время Гражданской войны, более квалифицированно записано кор. ж-ла «Нин», там процитирована речь Ленина на закрытом заседании VIII съезда РКП(б) в 1919, впервые опубликованная только в 1970 («Ленинский сб.», XXXVII, М., 1970).

19. О неизбежной реабилитации Бухарина и др. Афанасьев сказал кор. датской газ. «Информашон» (7. 8. 87), что это произойдет, по его мнению, скоро, но до или после 7. 11. 87, он не знает.

20. Федор Федорович Нестеров, «Связь времен: Опыт историч. публицистики», М., изд-во «Молодая гвардия», изд. 1-1980 (в 1981 удостоена 1-й премии на Всес. конкурсе об-ва «Знание» на лучшее произвед. научно-популярной лит-ры), 2 — 1984, 3 — 1987. Автор — канд. филол. н. (диссертация защищалась в МГИМО в 1965 по творчеству египетского публициста С. Мусы /1887-1958/); зав. каф. Ун-та дружбы народов им. Патриса Лумумбы («Вопросы истории», 1980, N 9: 131); автор статьи «Общественная мысль Египта в период с конца XIX в. по тридцатые годы XX в.» (опубл. в «Трудах» Ун-та в 1968); член редколлегии сб. «Против буржуазной фальсификации истории» (изданного там же в 1972).

24. 3. 80 выступил со своего рода программной статьей в «Правде» — «Двойное дно антисоциализма» о расизме Запада: русофобии как Гитлера, так и правителей США, Англии и др. западных стран с одной стороны, и — Китая с другой.

«Связь времен» — попытка сказать об оригинальном, неизменном и положительном в рус. нац. характере, начиная с Моск. Руси и кончая нашим временем: привычка к гос. централизации и политич. дисциплине, народный патриотизм (последнее подразумевает особую привязанность русских к своему гос-ву и безусловное служение ему) и отсутствие комплекса «народа-господина» по отношению к иноплеменным народам.

На книгу было много похвальных рецензий: «Комс. пр.», 9. 8. 80; «Сов. Рос.», 21. 8. 80; «Вопросы истории», 1980, N 9: 131-134; «Огонек», 1981, N 4: 17 (автор — Марк Николаевич Любоумдров, театровед из Ленинграда); «Наш современник», 1981, N 1: 187-191 (автор — проф. В. В. Каргалов; он же издательский рецензент 2-го изд. книги Нестерова, он же источник многих отсылок в этой книге); «Москва», 1981, N 8: 212-214; «Молодая гвардия», 1981, N 11: 313-317. Несколько особняком стоит рецензия в «Новом мире», 1982, N 1: 263-265. Ее авторы (А. А. Преображенский и М. Д. Курмачева) не возражают против идеологических намерений Нестерова, но показывают несостоятельность многих положений книги с точки зрения исторической. О книге Нестерова см. также Mikhail Agursky in Robert Conquest (ed.), «The Last Empire. Nationality and the Soviet Empire», Станфорд, 1986, с. 103-104. См. также критику Ю. Н. Афанасьевым Ф. Ф. Нестерова в одной обложке с

прозаиком В. С. Пикулем, публицистом Н. Н. Яковлевым и др. («Сов. культ.», 21. 3. 87).

21. На 1980 в США было зарегистрировано 74 действ. атомн. реактора («Statistical Abstrakt of the United States 1986», табл. 986). К 1986 — 93 («Nuclear Power Reactors in the World», Вена, 1986, табл. 7). После крупной аварии на АЭС «Тримайл айленд» 28.3.79 были немедленно закрыты 7 подобных реакторов, а 5 реакторов, остановленных, до аварии на профилактику, не были пущены в ход в запланированные сроки (начали работать лишь в августе 1979).

22. Соотв. статьи в «Сов. культ.» за начало 1987 не найдено.

Наиболее близким по теме из газетных мат-лов является письмо в ред. канд. геолого-минералогич. н. геохимика В. З. Рубейкина «Без боя не сдадутся» (12. 2. 87). (На начало 1980-х он печатался в изданиях Всес. НИИ экономики минерального сырья и геологоразведочных работ — ВИЭМС.)

Дата «отлучения» Бухарина от его ин-та (чтобы воспользоваться ею в качестве ориентира для поисков статьи) сама по себе не легко находима. По крайней мере ни опубл., ни авторитетные устные источники ее не знают.

Ин-т, которым руководил Бухарин, — Ин-т истории науки и техники АН СССР (хотя пост в 1937 для Бухарина был уже чисто номинальным: с осени 1936 он фактически был под домашним арестом).

(Для справки: Ин-т образован в Л-де в 1932. На 1933 зам. директора был акад. А. М. Деборин, учен. секр. — М. А. Гуковский («Весь Л-д на 1933»). Летом 1936, несмотря на протесты Бухарина, ин-т был перебазирован в Москву, с ущербом для собранных мат-лов («Вестник АН СССР», 1936, N 8-9: 102, 1937, N 4-5: 9). О разгроме ин-та, арестах сотрудников см.: «Враги народа» (передовая статья) (там же, N 1: 6-7); «Февральский пленум ЦК ВКП(б) и наши задачи» (передовая статья) (там же, N 4-5, с. 8-9); А. А. Зворыкин, «Ликвидировать последствия троцкистско-бухаринского вредительства на фронте истории науки и техники» (там же, с. 15-24).

После Бухарина директором стал В. В. Осинский (там же, с. 134). Очевидно, он был во главе ин-та всего неск. месяцев — арестован осенью 1937 («Огонек», 1987, N 24: 7).

23. Ст. Елены Лосото «В беспамятстве. Куда ведут руководители так называемого объединения «Память» («Комс. пр.», 22. 5. 87).

24. Ст. Мэлоура Стуруа «1984 и «1984» («Изв.», 15. 1. 84).

25. Укрупнения и преобразования отраслевых и ряда других мин-в (но отнюдь не всех) и комитетов начались в январе 1986 и продолжают до сих пор, причем с 1. 1. 88 подлежат закрытию и те органы, которые были созданы в 1986 (напр., Гос. плановая комиссия, которой еще недавно отводилась роль «экономического штаба по вопросам стратегического планирования», — Гриша Филиппов, чл. Политбюро ЦК, секр. ЦК Болгар. КП, «Опыт БКП в руководстве экономикой», ж-л «Партийная жизнь», 1987, N 15 /август/: 79). В связи с последними перестройками (включая создание областей вместо округов) ожидают сокращения 19000 функционеров («Франкфуртер альгемайне», 31. 8. 87).

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ

1. РЕФОРМЫ ИЛИ ПУШКИ?

Забастовки в Чехово и на автозаводе в Ликино высветили мрачную картину: самофинансирование, госприемка — и изношенное до предела устаревшее оборудование. На крупнейшем в стране автобусном заводе станкам за 40! А в Чехово, где бастовали водители автобусов (!), машины никуда не годились. Час едешь, день ремонтируешь. С введением госприемки на ликинском заводе в брак стало уходить до половины продукции, и, чтобы выполнять план, рабочих заставляли трудиться по 10 часов в день и без выходных. Но плана они все равно не осилили и лишились премиальных. После полутора месяцев такой работы коллектив не выдержал и забастовал. Забастовка длилась три дня и закончилась частичным успехом. Предприятию подбросили 800 тысяч рублей в фонд зарплаты; обещали еще до конца года закупить нового оборудования (в том числе, за границей) на 25 миллионов рублей, а потом еще столько же; обещали при заводе создать строительный комбинат, чтобы улучшить положение с жильем.* Подобные забастовки, вероятно, — не единичное явление. Борис Ельцин, выступая 12 октября перед дипкорпусом в Москве, говорил о «возрастающей социальной напряженности, вызванной падением заработков на предприятиях с госприемкой, и, в еще большей степени, введением самофинансирования, ставящим плохо работающие заводы на грань самороспуска.» Ясно, что не имея на то очень серьезных оснований, Ельцин не был бы столь откровенным с западными дипломатами.

Судя по всему, оборудование устарело и износилось на большинстве предприятий гражданской промышленности.

* Все по данным «Московских новостей» за 18. 10. 87

Горбачев говорил об этом открытым текстом, когда в прошлом году ставил задачу форсированного развития машиностроения.

Итак, в перестраивающейся стране социализма рабочие вновь эксплуатируются, как в «добрые» сталинские времена. А впереди еще повышение цен.

В 60-х годах литературовед и эссеист И. Юзовский, ныне покойный, напечатал в «Новом мире» эссе «Польские театради», в котором, исследуя психологию фашизма и тоталитаризма, писал: «Всё, что возможно, рано или поздно может стать необходимо.» То есть, если человек считает возможным для себя украсть, то рано или поздно это может представиться ему необходимым. Если возможно губить людей во имя высоких целей, — это тоже может сделаться необходимым. Похоже, что и для нынешнего советского руководства слишком многое возможно! Реформы вводятся без необходимой подготовки, вновь по-советски — в спешке, за счет здоровья и жизни людей. Причем вводятся реформы ополовиненные: самофинансирование без самоуправления, т. е. без контроля коллектива над администрацией (о том, что и самофинансирование вводится не полное, сейчас говорить не будем). А это значит, что коллективы могут больше чем прежде зависеть от произвола администрации.

Очевидно: прежде, чем начинать реформы, надо было провести модернизацию всех устаревших и изношенных предприятий.* Конечно, проводить такую модернизацию надо было бы в условиях повышенной внутривидовой демократии, предоставив инженерам и рабочим — «совету трудового коллектива» — право вето (на случай, если они сочтут, что модернизация проводится не так, как надо) и создав какие-то арбитражные инстанции.

* Может возникнуть вопрос, нельзя ли, пока суд да дело, переводить на самофинансирование те заводы, оборудование которых находится в хорошем состоянии? Но я придерживаюсь той точки зрения, что переводить на новые рельсы необходимо сразу все предприятия и все сферы экономики (т. е. всю промышленность, торговлю, сельское хозяйство, прикладную науку, транспорт, связь), так как в экономике все взаимосвязано и неэффективность одних предприятий и отраслей будет подрывать эффективность других, переведенных на хозрасчет.

Однако упреждающая модернизация промышленности, проводимая в сжатые сроки, потребует колоссальных средств и квалифицированных рабочих рук. Есть только одна возможность получить их без усиления эксплуатации и ограбления людей — резко свернуть военное производство или перевести его (там, где это возможно) на мирные рельсы. И еще — уйти из Афганистана (забрав с собой коллаборационистов). Вот уже скоро три года Горбачев у власти. За это время очень многое можно было сделать в этом направлении — гораздо больше, чем сделано.

Свертывание военной промышленности советское руководство могло бы начать до заключения всяких договоров — в одностороннем порядке. Сегодня в СССР танков и подводных лодок больше, чем во всех остальных странах мира вместе взятых (если не считать Китая)! Однако рост военного производства в последние годы даже увеличился. Свертывание военного производства высвободило бы не только огромные средства, но и массу квалифицированных работников, которых так не хватает в гражданской промышленности.

Советские руководители прекрасно знают, что Запад не собирается нападать на СССР. «Они не начнут войны!» — сказал Горбачев на закрытой встрече с писателями в июне 1986 г. Советские руководители также знают, что такое демократический механизм и какое давление в сторону разоружения начала бы оказывать на свои правительства западная общественность в случае ухода советских войск из Афганистана и свертывания в СССР военного производства. Заключение договоров о ядерном и прочем разоружении стало бы значительно более легким и быстрым делом. Доверие Запада необходимо было бы закрепить полным освобождением и реабилитацией всех узников совести, демократизацией процедуры выезда и возвращения в страну, уважением прав нерусских народов, решительным пресечением антисемитизма, допущением настоящей (как в Чехословакии в 1968 г.) гласности и свободы создания независимой, кооперативной прессы.

Все перечисленные меры (начиная с Афганистана и разоружения) укрепили бы и доверие собственного народа к

перестройке и стимулировали бы творческую инициативу людей, а это также необходимое условие для успеха реформ. Укрепление доверия Запада к СССР открыло бы и возможность получения выгодных кредитов и создало бы условия для торгового благоприятствования. Появилась бы возможность закупать в больших количествах новейшее оборудование для модернизации промышленности. Я не уверен, что без таких закупок вообще удастся провести модернизацию, тем более, в сжатые сроки.

Предвижу обвинение в утопизме: разве консерваторы в партии, генералы, советский военно-промышленный комплекс позволят провести все упоминаемые меры! Наверное, не позволят, если... не предварить эти меры демократизацией партии и, прежде всего, ЦК — этого подобия парламента. Таким образом, мы приходим к тому, что начинать надо было бы с демократизации партии. И пример был: чехословацкие реформаторы в 1968г. начали с демократизации партии и страны. Правда, именно из-за этого и «кончили» они очень скоро (в августе 1968!), но у Советского Союза нет Большого брата и протягивать руку «братской помощи» некому.

Возможно еще возражение: в чехословацком партийном руководстве было много людей, озабоченных судьбами страны и социализма, и там поэтому относительно легко было проводить демократизацию, — но как это можно сделать в руководстве КПСС?

Я вижу для этого только один путь: использование ленинского завещания о необходимости довыборов в ЦК рядовых членов партии, рабочих (сейчас надо добавить — и интеллигентов), — так, чтобы они составляли не менее половины состава ЦК и могли бы служить опорой для проведения дальнейших реформ.* Горбачев может сколько угодно выдвигать наверх своих людей, но если они будут из номенклатуры, то станут ему чужими в тот момент, когда он захочет на основы их классового господства. Большинство в ЦК должны составлять люди, которым перестройка и демократизация ничем не угрожают.

*Подробнее я писал об этом в «Форуме» № 16.

Сейчас становится все более очевидным то обстоятельство, что у Горбачева и его людей не было разработанной концепции действий и, в частности, они не предвидели того сопротивления, на которое теперь наталкиваются их реформы как в номенклатурных кругах, так и в среде рабочих. Возникает тупиковая ситуация: если Горбачев будет добиваться последовательного проведения реформ, то окончательно восстановит против себя и консервативное большинство в партруководстве и большую часть рабочих.

И мы видим, как Горбачев начинает отступать. Отступление это началось еще до июньского пленума (отступление от самоуправления), но заметно усилилось после его странного отпуска (более похожего на домашний арест), во время которого Горбачева к отступлению, видимо, еще подтолкнули.

В заключение этой заметки хочу оговориться. Может быть, я и ошибаюсь, думая, что необходима упреждающая модернизация предприятий (у нас недостаточно информации о состоянии советской экономики), но в чем я абсолютно уверен, так это в том, что в любом случае необходимо упреждающее свертывание военного производства и уход из Афганистана в максимально короткие сроки. Без этого вряд ли удастся провести реформы.

II. ОТСТУПЛЕНИЕ ГОРБАЧЕВА ОТ САМОУПРАВЛЕНИЯ

После своего таинственного отпуска Горбачев, судя по всему, явно отступил от своей линии на расширение гласности. Я имею в виду, в частности, его заявления о необходимости пресекать демагогов, подстрекателей, экстремистов и прочие антисоциалистические элементы, пытающиеся, якобы, использовать гласность в своих интересах. Заметно меньше стало появляться в печати острых, критических выступлений, аналитических статей.

Отступил Горбачев и от линии на обеспечение прав человека. Не проводится реабилитация бывших полит-

заключенных, до сих пор не освобождены все узники совести. Усилились атаки на национальные движения крымских татар (крымским татарам власти, видимо, решили не давать права на возвращение в Крым), литовцев, эстонцев, латышей. Некоторое увеличение эмиграции объясняется явно внешнеполитическими причинами. Доклад Горбачева на юбилее 70-летия революции показал, что он отступил и от линии на десталинизацию. Наконец, отступил Горбачев и от курса на трудовое самоуправление. И если значение отступления от гласности и демократизации очевидно, думается, большинству мыслящих людей в Советском Союзе, то значение отступления от самоуправления требует обсуждения. Слишком неразвиты еще в стране представления о самоуправлении и почти неизвестна теория и практика самоуправления за пределами СССР.

Начиная обсуждение, вынесем за скобки вопрос, как далеко намеревался Горбачев (в период январского пленума ЦК) пойти, внедряя самоуправление. Будем говорить об объективном значении самоуправления (и о значении отступления от него) для дела демократизации страны, оздоровления ее экономики.

Прежде всего, отметим самое очевидное. Провозглашая на январском пленуме курс на самоуправление, Горбачев совершил, действительно, революционный шаг. Еще совсем недавно даже само слово «самоуправление» (применительно к трудовым коллективам) было в СССР под запретом.

Вспомним, что Горбачев говорил о самоуправлении на январском пленуме:

«Только через последовательное расширение самоуправления возможно наше продвижение вперед в производстве, науке и технике... Наделение общих собраний и советов трудящихся, трудовых коллективов полномочиями по решению вопросов, связанных с производством, социальными и кадровыми делами, — станет крупной политической мерой при переходе к настоящему народному самоуправлению... Особо следует выделить вопрос о выборности руководителей предприятий, производств, цехов... В условиях полного хозрасчета для рабочих и колхозников далеко не безразлично, кто стоит во главе предприятия, цеха, участка, бригады.

Раз благополучие коллектива ставится в зависимость от способностей руководителей, то трудящиеся должны располагать и реальными возможностями влияния на их выбор, контролировать их деятельность.»

И это только небольшая часть высказываний Горбачева о самоуправлении на этом пленуме ЦК. После этого последовало «всенародное обсуждение» законопроекта о предприятии, которое впервые проходило весьма серьезно. Люди уже начинали верить в перестройку и выдвигали конструктивные предложения и поправки, направленные на расширение самоуправления. Например, предлагали не утверждать наверху избранных руководителей предприятий; позволить самим коллективам определять численность и структуру управленческого аппарата; ликвидировать контрольные цифры, нормативы распределения доходов и т. д.

Все это было совсем недавно — весной этого года. И вот теперь, после отпуска, Горбачев неожиданно заявляет, выступая в Мурманске: руководителей для предприятий должны подбирать главки и министерства. В этом его выступлении нет ни слова о выборах. Выборы, наверное, будут проводиться — закон неудобно так быстро переделывать, но, видимо, столь же формально, как и все другие выборы в СССР.

Что же, кроме нового и более глубокого погружения в скепсис, цинизм, пассивность, может вызвать это отступление Горбачева? И ведь сам же он говорил: «Если не втянем народ, ничего не выйдет!» Не забудем, что ныне народ — это не только рабочие и крестьяне, но и инженеры, техники, агрономы, служащие и т. д. От их усилий судьба экономики зависит теперь не меньше, а больше, чем от усилий рабочих, и они объективно больше рабочих заинтересованы в самоуправлении. Не только потому, что хотят иметь лучшие заработки, но и потому, что смогут свободнее реализовывать себя в труде, не будут зависеть от коррупции и произвола администрации. Сегодня, в эпоху новой технической революции, на жестком контроле сверху далеко не уедешь. Это отметила академик Т. Заславская:

«Труд все более специализируется, и люди, выполняющие ответственные работы, нередко являются лучшими, если не

единственными, специалистами в своих областях. Кто может квалифицированно проконтролировать их работу? ...Современный тракторист фактически в одиночку обрабатывает огромное поле. Ткачиха или прядильщица обслуживает десятки станков, и уследить за качеством ее работы со стороны невозможно... В современных условиях перспективен не столько внешний контроль, ...сколько сознательный самоконтроль квалифицированных работников.» (ЭКО, № 3, 1986, стр. 6).

Словом, если «не втянуть народ», то действительно никаких надежд на благие перемены не останется.

И Анатолий Стреляный, выступая перед комсомольским активом МГУ (15 мая 1987г.), сделал важное замечание: «Горбачев медлит с расширением социальной базы перестройки, и это ведет к гибели нашего дела и самого Горбачева».

Но теперь, отступая от самоуправления, Горбачев пошел уже на сужение социальной базы перестройки. А ведь еще предстоит повышение цен и, вероятно, не однократное (тут только начни — пример Польши, Югославии, Венгрии), предстоит интенсификация труда без достаточной модернизации оборудования.

Это, повторю, то, что лежит на поверхности. Горбачев, очевидно, не должен был говорить о введении самоуправления, не продумав, какое это вызовет сопротивление со стороны чиновной бюрократии и каким образом сможет он его преодолеть. Было бы уж лучше совсем не говорить о самоуправлении или объявить о нем, как о следующем этапе. И ведь он же сам очень хорошо сказал: «Нельзя отступать: во всем, за что мы ни беремся, — отступать нельзя. Если мы дрогнем, начнем отступать — всё. Фронт нашей перестройки разрушится».

*

А теперь поговорим о том, что могло бы дать самоуправление на первом этапе перестройки, еще как «присадка» к госсocialизму. Самоуправление здесь не только повысило бы заинтересованность в добросовестном

труде, но и помогло бы обновить «директорский корпус», без чего немислимы какие-либо серьезные реформы экономики. Большинство нынешних директоров не умеют работать по-настоящему, умеют лишь пресмыкаться перед начальством и обманывать его, презирают подчиненных, народ, готовы эксплуатировать людей.

В то же время самоуправление помогло бы сломить сопротивление срединной, самой реакционной бюрократии. Директор, избранный коллективом и подотчетный только ему, может уже не бояться молний сверху, у него будет громоотвод.

На это обстоятельство, между прочим, все время указывают активисты польской «Солидарности», польские социологи и экономисты, призывающие власти ввести подлинное самоуправление на основании проекта, разработанного теоретиками «Солидарности» и рабочими, представителями крупнейших предприятий, в 1981 г. (В «Форуме» № 16 я цитировал обращение в Сейм 36-ти польских ученых). Для Советской России это обстоятельство еще важнее, чем для Польши. Советская бюрократия много мощнее, укоренилась глубже и сильнее будет сопротивляться.

Введение самоуправления смягчило бы и реакцию населения на колебания цен и на процесс сокращения избыточной рабочей силы: исчезли бы многие поводы обижаться здесь на государство, так как положение людей в значительной степени зависело бы от них самих. Уменьшилась бы опасность конфронтации между трудящимися и государством.

Далее, самоуправление позволило бы широкому кругу творчески активных людей включиться в общественную и политическую жизнь, дало бы им в руки рычаг, социальный механизм влияния на дела как собственного предприятия, своего района, так и всей страны. Я имею в виду опыт Пражской весны, когда рабочие советы предприятий создавали свои региональные и общенациональные представительные и координационные органы и начинали играть роль своеобразной партии заводских трудящихся.

Ну и конечно, самоуправление, контроль рабочих советов предотвратили бы самоуправство администрации,

коррупцию и самообогащение руководителей предприятий — «директорский капитализм», тот самый, что процветает в Венгрии и Югославии. В СССР «директорский капитализм», в случае его реализации, может иметь просто катастрофические последствия. Надо знать советских «менеджеров». Начнется «нашествие подлецов и насильников, какими являются типичные русские бюрократы», как об этом однажды сказал Ленин. (За время, прошедшее с тех пор, они лучше не стали!) Беззастенчивее будут наживаться (теперь уже почти на законном основании!), нещаднее эксплуатировать рабочих, хамить, унижать подчиненных. Заведут своих стахановцев, холуев, доносчиков, и им будут подкидывать. А мастерство все равно ценить не будут: сами-то они не будут полными хозяевами, а потому и в успехе дела прямо заинтересованы не будут.. И жесткой конкуренции не будет. Самые «предприимчивые» начнут «объегоривать» и государство, и потребителей. Советские же рабочие не привыкли и не умеют защищать свои права, а профсоюзы насквозь прогнили... Одним словом, я хотел бы ошибиться.

Почему же все-таки отступил Горбачев от самоуправления? И отступил, как я уже отмечал, еще до «отпуска», т. е. сравнительно добровольно. Явные причины: натиск директоров и консерваторов и пассивность «инженерно-рабочего класса». Но есть, на мой взгляд, и вина интеллигенции. Она оказалась неспособной оказать необходимое давление на власть и, в частности, не смогла начать пропаганду самоуправления, чтобы активизировать рабочих. Как то смогла сделать интеллигенция в Чехословакии и Польше.

Какие возможности для такой пропаганды могли бы быть у советской интеллигенции? Через официальную прессу, избрав, выдвинув, протолкнув на руководящие посты искренних сторонников демократии. Как то опять же было в Чехословакии и Польше.

И последний вопрос: стоило ли огород городить — добиваться самоуправления, пропагандировать его, если неизвестно, способен ли к нему народ, да и хочет ли он его? Выяснить это можно только в ходе дела, в ходе общей демократизации. Конечно, надежнее было бы, если бы «инженерно-рабочий класс» не ждал, пока демократию

спустят сверху, а «востребовал» бы ее по польскому примеру, но здесь у нас еще меньше оснований для упреков, чем в случае с интеллигенцией, учитывая деморализующее влияние советской жизни на рядовых людей. И поэтому партийным реформаторам и близким к ним интеллигентам, сомневающимся в способности народа к самоуправлению, можно сказать: докажите сначала серьезность своих намерений и попытайтесь растопить скепсис, пробудите сознание народа, а потом судите, к чему он готов и чего хочет. Добились бы, например, прекращения афганской войны, освобождения и реабилитации всех узников совести, настоящей гласности добились бы. И провели бы демократизацию партии (довыборы ЦК, свобода фракционной деятельности, гласность в работе партруководства). Наконец, закон о предприятии и самоуправлении надо было бы разрабатывать не за дверью с семью печатями, а в открытой комиссии, где преобладали бы выборные представители заводов (допустим, крупнейших), как то было сделано «Солидарностью» в Польше. И в заключение — референдум по вопросу: хотят ли люди самоуправления? Вот тогда бы все было ясно в отношении готовности народа и его устремлений.

ноябрь 1987

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Вячеслав Чорновил

ПРАВДУ НАДО СКАЗАТЬ ВСЮ

(Открытое письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС
М. С. Горбачеву)

Уважаемый Генеральный секретарь!

Весь мир сейчас с заинтересованным вниманием следит за Вашими трудными попытками воплотить в жизнь ряд новых для советского общества демократических идей. Но, хотя Вы называете происходящие в стране перемены революционными, приходится с огорчением констатировать, что это пока преимущественно «революция слов». Чтобы сломать крепкий хребет партийно-советской бюрократии, Вам явно не хватает активных и честных союзников и помощников. Их значительно прибудет, если перестанем замалчивать отодвигать на задний план перестройки такие серьезные вопросы, как право на свободную критику и легальную оппозицию и национальный вопрос.

Позвольте же поделиться с Вами соображениями по этим проблемам человеку компетентному, свыше двадцати лет ходящему в «диссидентах» и «националистах», испытавшему на себе почти весь набор средств подавления инакомыслия (кроме разве что «психушки»): запрет на профессию, административные гонения, травля родных и друзей, 4 суда, в том числе по подленько сфабрикованному уголовному делу, 15 лет тюрем, лагерей, ссылки и т. п.

Так называемое диссидентство нельзя, конечно, сводить к «кучке отщепенцев» (по недавней брежневско-андроповской терминологии) и ограничивать несколькими тысячами репрессированных за «антисоветскую пропаганду», «клеветнические измышления», религиозные убеждения. Мы —

только верхушка айсберга, отдельные (иногда случайно выхваченные из массы) представители тех здоровых сил, которые противостояли застою и бюрократизации советского общества, а в нерусских республиках — еще и великодержавно-шовинистической политике денационализации.

Исподволь готовя в недрах застоя сегодняшние перемены, подыскивая единомышленников, постоянно рискуя сделать преждевременный шаг и быть выброшенным из правящей верхушки, Вы тоже ведь были в брежневском руководстве партии своего рода диссидентом. И так ли далеко от Ваших взглядов, изложенных на июньском пленуме ЦК 1987 года, то, например, что писалось почти двадцать лет назад в полемической самиздатской статье, за которую мне отмерили тогда 9 лет лагеря и ссылки: «Кроме нашей сверхцентрализации, современный мир знает другой принцип развития экономики, предусматривающий самое широкое самоуправление отдельных экономических районов или даже отдельных промышленных комплексов и предприятий при сведении роли центра только к консультативно-корректирующей. Хрущевские совнархозы и затеянная теперь экономическая реформа в СССР (речь шла о провалившейся реформе 1965 года — В. Ч.) — это фактически непоследовательные и несмелые шаги в том же направлении, вызванные кризисными явлениями в нашей экономике. Но эти шаги не давали и не дадут ожидаемого эффекта, пока будет существовать бюрократическоцентрализованный тормоз, давящий всякую инициативу снизу. Вопрос: централизация или широкое самоуправление — это ведь не только национальный вопрос...»

А мысли о неблагополучии в национальном хозяйстве Союза, критику языковой политики в республиках, за которую нас еще недавно тянули в тюремные камеры, повторяют сегодня с трибун и в печати видные советские писатели (вряд ли это — внезапное прозрение, вероятнее всего они тоже были в те годы скрытыми диссидентами, тоже мыслили иначе, чем Брежнев, Андропов, Щербицкий...). Значит, стоило еще лет 15-20 назад прислушаться к голосам «антисоветчиков» и «националистов»!

Похоже, кое-кому неохота сегодня признать за так называемыми диссидентами приоритет в постановке практически всех тех «перестроечных» проблем, о которых теперь заговорили с разной высоты трибун срочно перестроившиеся (в основном на словах) из бюрократов в демократы партийно-советские функционеры и которыми просто упиваются, демонстрируя несколько запоздалую смелость и принципиальность, литераторы типа нынешнего редактора «Огонька» Коротича или примеченного, говорят, лично Вами Б. Олейника, все стенания которого о печальном состоянии родного языка суть выхолощенные перепевы мыслей тех репрессированных в 60-70-е годы честных украинских патриотов, которых Б. Олейник, обласкиваемый государственными премиями, высокими гонорарами и командными должностями в Союзе писателей Украины, не стеснялся тогда публично обливать грязью.

Вполне логичен вывод, что именно в жестоком подавлении всякого инакомыслия, духа критики и сомнения — одна из главных причин того застоя общественно-политического, духовного и экономического, в который была ввергнута страна в прошедшее смутное двадцатилетие. И так же логично думать, что одной официальной, регламентируемой, подконтрольной партийным органам гласности для духовного оздоровления общества и движения вперед недостаточно и что необходимо в тех или иных формах допустить то, что можно называть инакомыслием, легальной оппозицией или просто независимой критикой. Если во всех принципиальных случаях необходимы ссылки на Ленина, то можно вспомнить, как терпимо относился он к оппозиции и оппозиционерам в самой партии, как советовал выискивать зерна истины даже в критике злой эмигрантской печати, как учил соратников и преемников: «надо не видеть «интригу» или «противовес» в инакомыслящих или инакоподходящих к делу, а ценить самостоятельных людей».

Конечно, терпимость к оппозиции, являющаяся элементарным условием всякой демократии, будь она социалистическая или буржуазная, придется не по вкусу и тем, кто искоренение инакомыслия сделал для себя прибыльной профессией и лестницей карьеры, и особенно — не выносящему никакой критики Его Преподобия Советскому

Бюрократу, под дымовой завесой «идейной борьбы» творившему, да и продолжающему творить (чуть поосторожнее), то, что сейчас скромно называется «социальной несправедливостью». За примерами идти недалеко: в то время, как львовские чекисты были заняты облавами на поэтов, художников, критиков, выискивая крамолу в самых невинных поэтических строчках, как местные партработники и пропагандисты с упоением склоняли на собраниях и в печати наши имена и сводили счета с нашими семьями, — беззастенчиво, особо не маскируясь (кого бояться? власть своя...), предавалась барским разгулам распоясавшаяся группа партийно-советских аппаратчиков во главе с таким удельным князьком — кандидатом в члены Политбюро ЦК КПУ первым секретарем Львовского обкома партии Добриком¹. Могут ли сегодня поверить наши земляки в перестройку, а мелкие воришки — устыдиться и раскаяться, если вместо скамьи подсудимых этот брежневский подкидыш, казнокрад и взяточник укатил в резервную московскую квартиру, а его приспешники, немножко покаявшись и отделавшись только легким испугом, срочно «перестроились» и продолжают учить украинский народ коммунистической принципиальности и социалистической морали... Где гарантия, что, дождавшись иных времен, такие привилегированные приспособленцы, колеблющиеся, как в известном анекдоте, «только вместе с линией партии», не перестроятся в обратную сторону, не приклеят Вам, Михаил Сергеевич, звучный ярлычок (вспомните Вашего предшественника по реформам «волюнтариста» Хрущева или «автаркиста» Шелеста на Украине) и, маскируя свое паразитирование на народной шее, не организуют очередной поход против новых «врагов народа», «антисоветчиков», «диссидентов» и «националистов»?

Возврат к репрессивному прошлому почти неминуем, пока на своих местах в кабинетах оперативников и следователей КГБ, в прокурорских и судейских креслах сидят все те же люди, которые творили прямое беззаконие в

1. Виктор Федорович Добрик, с 28.11.73 1-й секр. Львов. обкома, 20.3.87 освоб. «за ослабление руководства обл. парт. орг-цией и допущенные в работе серьезные недостатки».

прошлые годы, разбухший в послехрущевский период аппарат КГБ (по косвенным данным — раза в три, если не больше) не будет сокращен до разумных пределов и использоваться по прямому назначению (разведка и контрразведка, охрана границ и т. п.), а не для слежки за всем советским народом и надзора за национальными культурами.

Возврат к репрессивному прошлому тем более возможен, что до сих пор существуют политические лагеря, не вышвырнуты из уголовного законодательства позорящие нас перед цивилизованным миром статьи 190-1 и 70 УК РСФСР (и дословно тождественные статьи в кодексах других республик), а официальная гласность по сей день не сказала ни правды, ни даже полуправды о политических репрессиях в СССР в брежневско-андроповский период, в частности на Украине, где под безнравственным руководством некоего Федорчука, бывшего председателем КГБ и членом Политбюро ЦК КПУ, репрессии приняли особо извращенный и циничный характер (большинство членов Украинской хельсинкской группы этот ретивый радатель за госбезопасность с помощью примитивных провокаций репрессировал как «хулиганов», «насильников», «наркоманов» и т. п.). До сих пор часть политзаключенных, жертв периода застоя и безгласности, продолжают изучать Ваши речи о демократическом обновлении советского общества у зарешеченных тюремных окошек, другим свободу преподнесли в качестве милости (хотя каяться и просить помилования у народа должны бы их преследователи). Третьи, полностью отбывшие долгие сроки, подвергаются всякого рода дискриминации. Пример недалеко: завтра утром меня, когда-то сотрудника республиканских и областных газет и телевидения, публициста и литературного критика, сменил на дежурстве в заводской кочегарке бывший инструктор обкома партии, потом — кандидат филологических наук, преподаватель университета, автор пущенного под нож, после ареста, сборника стихов, лагерный и ссылочный срок которого не намного меньше моего — 12 лет². Такая же ситуация и у остальных освободившихся.

2. Михаил Осадчий.

Но, может, затаив обиду на советскую власть за свои искалеченные судьбы, мы сами ушли в глубокую внутреннюю оппозицию и не хотим иметь дела с советскими издательствами, культурными учреждениями, печатными органами, мечтая только о заграничных? Да нет же! Попытки официально вернуться к творческой жизни мы делали и делаем. И получаем ответы, что работы по профессии для нас «нет и не предвидится» (цитирую письменный ответ бывшего сотрудника КГБ, переброшенного возглавлять в области сначала культуру, а потом издательское дело), что печатать нас смогут только по сигналу «оттуда» и т. п.

В такой ситуации остается напомнить, что творческий человек, будь он по необходимости кочегаром или плотником, всегда будет искать выход своей творческой энергии, своему интеллектуальному потенциалу. И, если не оказалось желания направить этот потенциал в общее русло демократической перестройки общества, уж не обессудьте, если мы займемся этим сами и сами найдем себе читателя, зрителя и слушателя.

Сообщаю, что несколько украинских журналистов и литераторов, официально подвергнутых запрету на профессию и на печать, и я в их числе, легально возобновляем издание общественно-политического и литературного журнала «Український вісник», выходявшего в тяжелейших условиях в 1970-72 годах и полностью отвечавшего сегодняшним требованиям гласности. (Заявление в соответствующие инстанции с изложением программы издания и просьбой обеспечить минимальные возможности для выхода журнала, хотя бы личную неприкосновенность его сотрудников, подается отдельно.)

Существует также идея создать отдельно от официальных творческих союзов, куда нас не пускают, собственное объединение гонимых украинских литераторов, журналистов, художников, пусть даже тиражи наших самоизданий составят несколько экземпляров, а выставки ограничатся частными квартирами. Впрочем, при случае, совсем не помышляя о противогосударственных кознях, мы не откажемся напечататься или выставиться везде, где это

возможно, хотя бы и за границей. Это законное право каждого автора.

Надеемся, что эти попытки осуществить на деле такую необходимую сейчас нашему обществу подлинную гласность будут встречены Вами и Политбюро ЦК КПСС с пониманием.

*

Если в вопросе инакомыслия все же замечаются кое-какие положительные сдвиги (освобождение части политзаключенных, резкое сокращение репрессий, молчаливое допущение, пока в основном только в центре, некоторых демократических форм оппозиции, как демонстрации, легальный самиздат и др.), то самый важный для многонациональной страны, объявившей себя союзом суверенных социалистических государств, национальный вопрос оказался сегодня в самом глухом тупике перестройки. В теории (в том числе в Ваших выступлениях на съездах и пленумах) совершенно отсутствует анализ действительного положения и повторяются все те же известные еще со сталинских времен общие фразы о «расцвете и сближении», с тем же предостережением о недопустимости консервирования национальных пережитков (хотя на практике таким изгоняемым уже почти 60 лет «пережитком» оказались в первую очередь национальные языки нерусских членов «равноправного» союза).

Недавнее выступление в Грузии одного из членов Политбюро³, если оно отражает и Вашу точку зрения, заставляет думать, что никакие альтернативы проводившейся до сих пор в СССР сталинской национальной политике пока не найдены. Об этом свидетельствует и реакция на известные алма-атинские события, в которых увидели только проявление местного национализма и поспешили сделать практические выводы, уменьшая в вузах, учреждениях процент казахов, коренной национальности республики, и увеличивая представительство наезжих русских,

3. Выступление Егора Лигачева 2. 6. 87, текст смотри «Заря Востока», 3. 6. 87.

обрусевших украинцев и др. И никто почему-то не вспомнил предостережение Ленина об особой чувствительности ко всяким национальным унижениям и не усомнился в правильности назначения руководителем суверенной республики человека со стороны, пусть даже талантливого организатора, но не знающего ни языка, ни национальной культуры и традиций народа. Многие у нас на Украине считают: для того чтобы перестройка наконец дошла до нашей республики, давно пора убрать с руководящих постов всю «команду» Щербицкого в центре и на местах, отравленную бюрократизмом, коррупцией, шовинизмом (последним, как подметил Ленин, любят грешить «обрусевшие инородцы»⁴). Но вместе с тем как пощечина 50-миллионной нации выглядело бы появление во главе КПУ (что при нашей организации власти фактически значило бы — во главе украинского советского государства) нового Постышева или Хрущева, даже если этот современный «варяг» будет активным приверженцем перестройки и демократизации.

На практике перестройка в национальном вопросе ограничивается пока тем, что деятелям национальных культур, прежде всего писателям, дали возможность *поговорить* (поверхностно, без углубления в причины, без упоминания о полностью или частично размытых функциях государственности входящих в союз наций) об удручающем положении национальных языков и всего культурного наследия своих народов. Впрочем, для равновесия дали высказаться и шовинистам: вызвавшая многочисленные протесты статья академика Трубачева в «Правде»⁵; письма в «Литгазету» с удивительным рецептом искоренения коррупции: переброской руководителей между Узбекистаном и Украиной; наконец, многозначительное подчеркивание в центральной печати, что взбунтовавшиеся казахские студенты оказались выходцами из чисто казахских южных районов республики, где оканчивали не русские (читай: интернацио-

4. «К вопросу о национальностях или об «автономизации» (В. И. Ленин, ПСС, т. 45: 361).

5. Олег Трубачев, чл.-кор. АН СССР, «Славяне. Язык и история» («Правда», 28. 3. 87).

нальные»), а казахские (надо думать — «националистические») школы...

Не думаем, впрочем, что наши писатели нашли лучший способ лечения зашедшей далеко болезни, предлагая решать вопрос на местах увеличением количества «национальных» школ, театров, изданий. Такие паллиативы не помогут и, кроме бешеного сопротивления русского и обрусевшего бюрократического аппарата, вызовут непонимание даже части населения своей же республики, язык которой в брежневских конституциях не назван государственным и давно уже принудительно вытеснен со всех основных сфер не только культурной, но в первую очередь государственной, партийной и общественной жизни.

Пересмотр национальной политики, практические шаги по возвращению ее к ленинским нормам должны начинаться в высших эшелонах партийной и советской власти. Если, конечно, Ваши слова на встрече с журналистами об уважительном отношении к «национальным чувствам, и к истории, и к культуре, и к языку всех народов, за полное и *фактическое* (подчеркнуто мной — В. Ч.) равенство»⁶ — не обычная дань той риторике, которой любили услаждать слух доверчивого обывателя Ваши предшественники.

Нам мыслится приблизительно такой комплекс самых необходимых мероприятий по возвращению к ленинским нормам национальной жизни Союза.

Необходимо провести специальный пленум ЦК КПСС, где с таким же мужеством и откровенностью, как говорили Вы на июньском пленуме об экономике, сказать всю правду о действительном положении нерусских наций и народностей в СССР, о фиктивном характере их государственности, о полном несоответствии этого ленинским заветам, изложенным в статьях, считающихся политическим завещанием Ленина партии, особенно в знаменитой работе «К вопросу о национальностях или об «автономизации»⁷.

Ленинская идея «коренизации» государственной и общественной жизни советских республик (на Украине под

6. Встреча в ЦК КПСС 13. 2. 87 («Правда», 14. 2. 87, с. 2).

7. В. И. Ленин, ПСС, т. 45: 356-362.

названием «украинизации» ее проводили в жизнь ленинцы (Скрыпник, Чубарь, Петровский) в отношении языка (чем она, конечно, не ограничивалась) четко сформулирована в письме Ленина XII съезду партии: «Надо ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в инонациональных республиках, входящих в наш союз, и проверять эти правила особенно тщательно».

Как и нэп, новую национальную политику в связи с рождением Союза ССР Ленин планировал не на несколько лет, а «всерьез и надолго», на все обозримое будущее. И если мы заговорили наконец об экономическом волюнтаризме Сталина, так как все беды советской экономики коренятся в его методах коллективизации и индустриализации, в возврате к приемам «военного коммунизма», в голом администрировании и насилии, то почему же молчим о таком же волюнтаризме «вождя народов» в национальном вопросе, о подмене ленинской национальной политики сталинской, которую, к сожалению, продолжает пока и возглавляемое Вами Политбюро.

Именно Ленину принадлежит повторявшийся по инерции в партийных резолюциях до начала 30-х годов, а потом упраздненный Сталиным вместе с головами тысяч «буржуазных националистов» тезис, что главной опасностью в национальном вопросе был и остается русский великодержавный шовинизм, так как местный национализм всегда бывает производным от него и является естественной реакцией зависимой, меньшей нации на шовинизм большей, господствующей. И заметил этот шовинизм Ленин не у вчерашних черносотенцев, оказавшихся «не у дел», а в рядах собственной правящей партии (вспомним знаменитое предложение Ленина «поскрести» многих партийцев, чтобы под личиной коммуниста обнаружить «великорусского шовиниста»). Этот основополагающий ленинский тезис о «главной опасности» полностью применим к сегодняшней обстановке и должен быть восстановлен в правах.

Думается, при подготовке к такому пленуму членом ЦК КПСС полезно было бы познакомиться и с нашими критическими выступлениями по национальному вопросу, огульно названными при Брежневе и Андропове «буржуазно-националистическими», особенно с известной книгой укра-

инского литературного критика Ивана Дзюбы «Интернационализм или русификация?», где обобщены и марксистско-ленинские взгляды на национальный вопрос, и действительное положение самой крупной (после русских) нации Советского Союза, так как за прошедшие после написания книги 22 года положение не только не изменилось, но благодаря стараниям щербицких, федорчуков и пр. значительно ухудшилось. (Кстати, на последнем пленуме правления Союза писателей Украины, поднимая вопрос о языковой политике на Украине, выступающие почти дословно повторяли положения хорошо известной им работы И. Дзюбы, но ни у кого не нашлось смелости и благородства хотя бы упомянуть с благодарностью имя молча сидевшего в том же зале человека, сказавшего эту же правду в годы застоя и безгласности, попавшего за это в тюремные застенки, где ему изощренно «ломали хребет», принуждая каяться и просить помилования, чем обрекли на долгие годы творческого бесплодия... Факт, хорошо характеризующий уровень гласности сегодня на Украине.)

Серьезно анализируя национальные проблемы Союза, Вы, хочется думать, не попадетесь на удочку подобострастных уверений некоторых полупатриотов-полукарьеристов от литературы, что «рука Москвы», мол, ни при чем, что вся беда только в доморощенных «обрусевших инородцах», на свой страх и риск Бог знает что творящих в своих республиках. Такая вот красивая сказочка о добром папе Карло в центре и лютых Карабасах-Барабасах на местах... Но «обрусевшие инородцы», представители хорошо известного в нашей истории янычарства, сами по себе не рождаются, а являются продуктами «большой политики». И рука Сталина, перечеркнувшая ленинскую национальную политику, организовавшая страшный голод на Украине в 1933 году, истребившая цвет украинской интеллигенции, — это была именно «рука Москвы». Рука Хрущева, хотя и прекратившего репрессии, но не менявшего сталинскую национальную политику, санкционировавшего иезуитскую школьную реформу, приведшую к быстрому искоренению украинской национальной школы во всех средних и крупных городах республики (чуть лучше положение только в некоторых западных областях, менее «интернационализо-

ванных», хотя и здесь добрики хорошо поработали), к изгнанию родного языка из вузов, — это тоже была «рука Москвы». Рука Брежнева, выбросившая из конституций «суверенных» республик самый существенный признак этой суверенности — упоминание о родном языке как о государственном (отстоять его ценой народных бунтов удалось только закавказским республикам), заменившая П. Шелеста, мало-мальски беспокоившегося об интересах своего народа и его культуры, лакейски покорным Щербицким, который сразу же взвинтил темпы русификации, — это тоже «рука Москвы». Как и рука Андропова, пославшего на Украину из центрального аппарата КГБ для погрома национально-культурного возрождения 60-х годов «обрусевшего инородца» Федорчука. Очень хотелось бы верить, что сейчас, в условиях начатой Вами демократизации и гласности, «Москва» наконец протянет «младшим» братьям по «равноправному» союзу руку без традиционной «ежовой рукавицы».

Внимательно, а не ради подходящей к конъюнктуре цитатки читая последние работы Ленина по национальному вопросу, совсем нетрудно заметить, что «обрусевших инородцев» Ленин упоминает как частный факт (в связи с «пересолами» Сталина и Орджоникидзе), главную же угрозу видит в «злоупотреблениях истинно русского свойства», которые неминуемо несет с собой централизация, и постоянно предостерегает против «нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ». Лучше не скажешь!

На пленуме, партконференции или очередном съезде партии надо, наконец, решить вопрос об изъятии из партийной программы положения о предстоящем где-то в туманном будущем «слиянии наций» (предложение такое уже выдвигал в печати, кажется, Чингиз Айтматов). Теоретически не обоснованный, выдернутый из Маркса (мыслившего победу социализма сразу во всех или большинстве развитых стран и под «слиянием» понимавшего прежде всего идеологическое и экономическое единство этого несостоявшегося социалистического конгломерата, а не искоренение национальных культур, тем более не поглощение одним

языком и одной культурой остальных), искусственно приспособленный к условиям одной многонациональной страны, этот сомнительный тезис оказался хорошим «теоретическим» подспорьем для «типичного русского бюрократа», «подлеца и насильника» и его выкорыща «обрусевшего инородца». Не в состоянии справиться с другими партийными планами и прогнозами («в основном» построить за 20 лет коммунизм, управиться с заданиями пятилетних планов, накормить полуголодную страну и т. п.), «типичный русский бюрократ» наворачивал там, где не надо много ума и умения, достаточно административного рвения, то есть активно «сближал» нации: доводил до абсурда централизм, искусственно перемешивал население, успешно изгонял нерусские языки из партийных, советских органов, хозяйственных и культурных учреждений, из школ, вузов, кино, печати, книгоиздательства, клеймил как проявление «буржуазного национализма» любое возражение или критику, строптивых давил и притеснял, не останавливаясь перед таким неотразимым аргументом утверждения своей правоты, как тюрьма...

Программа партии в идеале — документ научный, указывающий конкретные задачи и конкретные пути. Так стоит ли там гадать на кофейной гуще, что будет через столетия с великим многообразием национальных языков и культур мира (лучшие умы человечества, не околдованные партийными догмами, думают, что сведение этого многообразия к единому знаменателю было бы невозможной потерей для общечеловеческой культуры), и поощрять таким образом воинственный шовинизм, которому не терпится учредить столь желаемое для каждого диктатора и бюрократа единообразие, не откладывая дела в глубь веков?

Проанализировав действительное состояние национальных дел в нашем союзе, партийный пленум мог бы разработать и конкретные меры по возвращению к ленинской национальной политике. Дело не должно ограничиться только отменой одиозных пунктов хрущевского закона о школе, предоставляющего беспрецедентное в мировой педагогике «демократическое» (как считает секретарь ЦК КПУ Ельченко) право родителям в суверенных республиках (кроме России!) самим определять какие там

должны быть школы — русские или «национальные», и даже право самим ученикам решать, учить или не учить им язык своей якобы суверенной республики как предмет (конечно, кроме абсолютно обязательного русского!).

Национальный вопрос должен решаться во всей полноте: и расширением прав союзных республик о политической, экономической, культурной жизни, в том числе в решении общесоюзных и международных вопросов, и, конечно же, возвращением национальным языкам в полном объеме государственных и общественных функций. Для этого в конституциях республик нужно восстановить провозглашение национальных языков государственными и реализовать это на практике. Как это делать, какие нужно принять в Союзе и в республиках законодательные акты и практические меры, поможет решить опыт ленинской политики «коренизации» 20-х годов. Некоторые украинские законы того времени, подписанные такими видными деятелями большевистской партии, как Петровский и Чубарь (например, постановления ВЦИК и Совнаркома УССР 1925 года «О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата» или 1927 года «Об обеспечении равноправия языков и о содействии развитию украинской культуры»), написаны как бы для сегодняшнего дня.

Только так, только начав перестройку национальной политики сверху, можно будет преодолеть последующий за этим взрыв шовинизма (Вас начнут пугать «буржуазным национализмом» и даже распадом Союза, хотя дело будет идти к его укреплению как действительного, а не фиктивного) и бешеное сопротивление русской и обрусевшей бюрократии. Но поверьте: Вы найдете понимание и среди еще не отравленной шовинизмом лучшей части русского народа, а в остальных республиках получите самую активную поддержку и вспышку творческой энергии во всех делах перестройки, которую мы, представители нерусской половины населения Союза, окончательно примем тогда как *нашу*, проводимую не только в интересах всех классов и слоев населения (кроме бюрократии), но и всех наций и национальностей Советского Союза.

И последнее. Во многих Ваших выступлениях, например на съезде комсомола, повторялась мысль о необходимости честно и мужественно сказать всю правду о прошлом, не оставляя белых пятен, не обходя сложных, подчас драматических моментов нашей истории. Такие попытки уже делаются. Пересматриваются некоторые страницы истории партии и страны, углубляется критика «культы личности» Сталина, прерванная приходом к власти в 1964 году неосталинистов, в культуру (преимущественно в русскую) возвращаются некоторые забытые или запрещенные имена и произведения.

Так как в нашей республике этот процесс, по существу, еще и не начинался (вялые разговоры на писательских собраниях и в печати, практически не реализуемые, не в счет), напомним некоторые важнейшие белые пятна в нелегкой истории Украины только последних десятилетий, которые без разрешения или даже инициативы центра (вот где нужна «рука Москвы»!) освещаться по-новому не будут в силу господства десятилетиями утверждавшихся оценочных штампов, а также известного правила уже нескольких поколений украинских советских и партийных руководителей (панически боящихся обвинений в «местничестве») «быть большими католиками, чем сам Папа Римский».

Попытки писать историю Украины XX века только как историю большевистской партии на Украине привели к замалчиванию многих фактов социальной и национальной борьбы украинского народа в первые десятилетия XX века, связанных с деятельностью украинских социалистических партий (УСДРП, УПСР и др.), и такого феноменального явления, как мощный взрыв после февральской революции 1917 года национального самосознания и национально-государственной самодеятельности украинского народа. Не изучается совсем и изображается только черными красками даже начальный период Украинской Центральной Рады — первого украинского парламента, возникшего в марте 1917 года на волне народного подъема. Известно, что Ленин сначала поддерживал и Раду, и созданные ею всеукраинские

военный и крестьянский съезды, и даже провозглашенную 20 ноября 1917 года автономную УНР (Украинскую Народную Республику) — первое государственное образование Украины после ликвидации русским царизмом в XVIII веке остатков украинской автономии. Еще и в декабре 1917 года, когда уже наметились принципиальные расхождения между УНР и Советской Россией, и даже в самом начале 1918 г., когда существовало созданное в Харькове 25 декабря 1917 года советское правительство Украины, Ленин еще признавал независимость УНР, продолжал вести переговоры с Центральной Радой, окончательно прерванные только 12 января 1918 г.

Если в социалистической Польше отмечается как выдающееся историческое событие возрождение в 1918 году Польского государства, несмотря на его буржуазный и антисоветский характер, войну с советской Россией, «военно-фашистскую диктатуру» Пилсудского и т. п., то на «суверенной» Украине словом не обмолвятся о предстоящем 70-летию создания первого Украинского государства, предшествовавшего советскому. Боимся сказать правду и о том, что возникшая после развала Австро-Венрии ЗУНР (Западно-Украинская Народная Республика) оказалась единственной реальной силой, боровшейся с польской экспансией за западноукраинские земли, а полураздетые и плохо вооруженные стрельцы УГА (Украинской Галицкой Армии), противостоявшие вышколенной во Франции польской армии, были национальными героями, а не врагами и изменниками. Но это значило бы признать и то, что варварское разрушение в начале 70-х годов стрелецкого мемориала на Яновском кладбище во Львове, созданию которого не воспротивилась польская «военно-фашистская диктатура» и который не тронул даже Сталин, — акт вандализма, недостойный цивилизованного общества.

Нуждаются сегодня в пересмотре и однозначные оценки как «главарей украинской буржуазно-националистической контрреволюции» деятелей украинских социалистических партий — выдающегося писателя, классика украинской литературы Владимира Винниченко и не менее выдающегося историка мирового имени Михайла Грушевского. Последнему не помогло даже то, что он вернулся из эмиграции, стал

академиком АН УССР и АН СССР, успел умереть своей смертью и даже удостоился прайтельственных похорон в 1934 году. Пока нет и речи о переиздании (с современными комментариями) научных трудов Грушевского, в том числе многотомных «Истории украинской литературы» и «Истории Украины-Руси», объявленной «буржуазно-националистической». В то же время многотомные сочинения русских буржуазных историков Соловьева и Ключевского издают и переиздают, ничуть не смущаясь тем, что они историю Украины рассматривали «с великодержавных позиций» (цитирую Украинскую Советскую Энциклопедию).

Недостойная возня затеяна сейчас на Украине вокруг имени В. Винниченко, многие произведения которого (роман «Солнечная машина» и др.) известны во всем мире, имя которого было когда-то среди кандидатов на Нобелевскую премию по литературе, многотомные издания которого выходили на Советской Украине в 20-е годы. По инициативе секретаря ЦК КПУ Ельченко вопрос о литературных достоинствах произведений Винниченко подменен вопросом о его политической деятельности. Оказывается, удобнее печатать русских белоэмигрантов, чем украинского национал-коммуниста, которого даже «свои» дважды устранили от руководства правительством УНР за «левизну» и который в 1920 г. по приглашению ЦК ВКП(б) полгода провел в Москве и на Украине, был назначен на ответственные посты в украинском советском правительстве, но не нашел общего языка с заправлявшим тогда на Украине Раковским (впоследствии троцкистом и «врагом народа») и вернулся на Запад, откуда направлял послания Сталину с просьбами пощадить социализм...

Якобы принятое наконец решение ограничиться сборничком ранних рассказов Винниченко — яркий пример «перестройки по-малороссийски». Как и то, что первую за 55 лет скромнейшую публикацию (несколько романтических стихов) украинского писателя-коммуниста Мыколы Хвильевого, пустившего себе пулю в висок в страшном 1933 г. со словами преданности советской власти и протеста против сталинизма, изъяла недавно из готовой полосы одной из киевских газет та цензура, которой для художественной литературы у нас якобы уже не существует... Никак не могут

простить известному писателю ни его призыва ориентироваться не на «Москву», а на «психологическую Европу» (то есть выходить на всемирную духовную орбиту самому, а не повторять зады русской культуры), ни создания одним из первых в советской литературе образа партийного бюрократа, ни его смерти-протеста.

А где книги друга Хвылевого, известного государственного и партийного деятеля ленинской школы, главного проводника политики «украинизации», академика АН УССР, автора десятков печатных трудов по разным вопросам науки, культуры, партийной жизни Мыколы Скрыпника, тоже покончившего в 1933 году с собой и посмертно преданного анафеме? Мало реабилитировать и назвать «верным ленинцем», надо еще и напечатать!

Не буду называть ничего, наверное, не говорящие Вам имена других украинских писателей, ученых, тех деятелей науки и культуры, которых не успели поднять из забвения в годы хрущевской «оттепели» и совсем не торопятся сделать это сейчас. Хотелось только подчеркнуть характерную для нынешнего руководства республики тенденцию максимально тормозить процессы, набирающие тем временем обороты в центре.

Самым обширным и самым позорным белым пятном в советской истории Украины является глухое молчание свыше 50 лет об организованном Сталиным и его опричникам (типа Постышева, которого прочат в наши национальные герои...) подлинном геноциде украинской нации — страшном голоде 1932-33 годов, унесшем многие миллионы жизней. В одном только 1933 году мой народ потерял больше, чем во всей Второй мировой войне, прокатившейся в двух направлениях по нашей земле. Где же памятники жертвам бесчеловечного социального эксперимента? Где мемориалы? Нет и, наверное, никогда не будет. Не осталось даже могил... Невольно вспоминаются написанные именно о голоде 33-го года (и доселе не напечатанные) строки известного украинского советского поэта Ивана Драча, проклинавшего историю, «вскормившую молчаньем молчаливейший в мире народ». Домолчались до того, что где-то в чужих странах создаются парламентские комиссии для изучения этой одной из самых страшных страниц

истории XX века, сравнимой только с гитлеровскими преступлениями. А советские историки только сейчас невыразительно мямят что-то об «отсутствии достоверных документов, точной статистики» для освещения «этой трагической страницы нашей истории» (см. газету «Радянська Украина» от 19. VII. 87 г.).

Правду народу надо сказать всю, не суживая рамки сталинского террора только 1937-38 годами и истреблением партийных и военных кадров (имею в виду Ваше выступление перед руководителями средств массовой информации и творческих союзов в июле). По какому такому счету жизнь партаппаратчика или армейского офицера ценится дороже жизни погибшего в голодных муках украинского крестьянина или того невинного младенца, которого обезумевшая мать рубила на части, чтобы накормить остальных умиравших от голода детей (такие страшные картины были в год торжества коллективизации «по-сталински» не единичны...).

Украинская наука и культура тоже понесли основной урон еще до 1937 года. Надо наконец сказать правду о сфабрикованном ГПУ в 1929-30 годах «деле» мифического СВУ (Союза освобождения Украины), положившем начало массовому истреблению украинской интеллигенции и свертыванию украинизации, и заодно вернуть нашей культуре имена осужденных на этом процессе известных писателей и ученых.

В те же годы была ликвидирована независимая от московского патриарха Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ) и репрессирована ее иерархия. Сейчас эта церковь, как и насильственно упраздненная в 1946 году Украинская греко-католическая церковь, существует за границей, а на Украине паству этих двух украинских церквей принудительно подчинили русскому православию. Интересная ситуация, когда люди, считающие себя убежденными атеистами, силой перегоняют верующих из одной церкви в другую, тоже еле терпимую, но все же свою, русскую... Не пора ли исправить и эту грубую политическую ошибку сталинских времен и, соблюдая конституционные гарантии, разрешать верующим решать свою религиозную принадлежность самим, без подсказок органов госбезопасности?

В то самое время, когда сотни тысяч «кулаков» и «подкулачников» устилали трупами далекий путь в Сибирь, а в украинском селе свирепствовал голод, истреблялись бывшие деятели УНР, УКП (Украинской коммунистической партии), ученые из Всеукраинской академии наук, лучшие украинские писатели, художники, артисты, режиссеры... Суд был скорым и неправым: 1 декабря 1934 года убили Кирова, а уже 15 декабря поставили к стенке лучшего украинского прозаика Григория Косынку и других «террористов»...

А когда можно будет сказать правду о трагедии тоже выкошенной голодом Кубани, преимущественно украинский этнический облик которой «исправлялся» с особым ожесточением: в один год были ликвидированы все украинские культурные институции, физически уничтожена или выдворена с Кубани украинская интеллигенция, украинским казакам, потомкам славных запорожцев, меняли в документах сведения о национальности, а фамилии изменяли на русский лад. Кубанский опыт радикального «решения» национального вопроса был использован впоследствии в северной части украинского Полесья, почему-то присоединенной к Белоруссии (большая часть Брестской области, включая Брест и Пинск, и несколько районов Гомельской обл.), где украинское население принудительно записали белорусами, но проводится политика не «белорусизации», а обрусения.

Трудно, но нужно упомянуть и такую свежую еще страницу украинской истории, как партизанская и подпольная борьба в Западной Украине 40-х -- начала 50-х годов. Хотя бы потому, что «истинно русский человек» и «обрусевший инородец» щедро наделяют сегодня кличкой «бандеровец» и уроженца западной части Украины, и всякого, кто постоянно говорит на украинском литературном языке, а не на украинско-русском «суржике» и проявляет хотя бы минимальное национальное самосознание.

Казалось бы, как отнести к белым пятнам бурную историю вооруженной борьбы в Западной Украине? Это ведь излюбленная тема советской пропаганды, десятилетиями специализирующейся на разоблачении «украинского буржуазного национализма» (обратите внимание на терминологию).

гию: великодержавный шовинизм если когда-нибудь скороговоркой упоминается, то без определения «русский», а буржуазный национализм неминуемо «украинский», «татарский», «литовский» и т. д.). Но говорят, что полуправда опаснее лжи. Легче всего разоблачать отдельных лиц из националистического подполья, писать о «зверствах бандеровцев» (как будто зверства были только с одной стороны!). А надо бы посмотреть спокойнее и шире, докопаться до причин этого массового народного движения, в котором вначале принимали участие не какие-то отдельные бандиты, прятавшиеся по бункерам, а десятки и сотни тысяч, поддержанные большинством населения Западной Украины. Без такой поддержки и на одном слепом терроре, конечно, невозможно было почти десятилетие противостоять мощной государственной машине. Рано или поздно придется признать, что движение, представленное разными социальными слоями (от беднейших крестьян до студентов, интеллигенции), было не социальным, а прежде всего национальным, направленным против сталинской национальной политики и террористических методов ее навязывания.

Бытовавшие в 20-х — нач. 30-х годов в Западной Украине просоветские настроения почти полностью развеялись после голода 1933 года на Советской Украине и погрома украинской советской культуры. Но хотя в сентябре 1939 года никакого всенародного ликования по поводу прихода Красной Армии на самом деле не было, но не было и никакого сопротивления советской власти на присоединенных к СССР западноукраинских землях. Мощным катализатором антисоветских настроений, толкнувшим массы к вооруженной борьбе, была не столько националистическая пропаганда ОУН, сколько неполных два года энкаведистского террора: многочисленные аресты (одними из первых за решетку угодили единомышленники освободителей, бывшие члены КПЗУ — Коммунистической партии Западной Украины), истязания и расстрелы, вывозы населения, наконец, истребление всех без разбора узников переполненных тюрем при отступлении в первые дни войны (фашисты, конечно, в своих целях хорошо разрекламировали эти зверства). Поэтому при приближении Советской Армии к

Западной Украине в 1944 году многие местные жители уходили в подполье или бежали на Запад, пополняя ряды украинской эмиграции. (Кстати, сегодня завоевать ее симпатии удалось бы не бодрыми радиоголосами из денационализованного Киева и не лживой газетенкой, несшей в годы брежневского застоя «Вести с Украины» о небывалом якобы расцвете украинской культуры, а конкретными шагами по восстановлению национального суверенитета Украины, которые незамеченными не останутся.)

Касаясь запретной темы о действительном характере событий в Западной Украине, вынужден оговориться, что в моем приднепровском роду извечных хлеборобов и недавних сельских интеллигентов «бандеровцев» не было, но случались комнезамовцы (комбедовцы) и честные коммунисты (за что и поплатились как раз в упоминаемом Вами 1937 году). И совсем не однозначно смотрю я на некоторые проявления национального движения 20-40-х годов в Западной Украине. Но право на такой критический взгляд я выстрадал по тюрьмам, где сидел вместе с участниками этого движения, в отличие от некоторых коллег по профессии, пропивавших в это время по львовским и киевским забегаловкам заработанные при помощи площадной брани премии имени Галана.

Нам бы научиться смотреть на свое недавнее прошлое хотя бы у соседей-поляков, которые пусть не сразу, но смогли увидеть в борьбе с польским вооруженным подпольем трагедию раздвоенного патриотизма. Но мы вынуждены смотреть на трагические страницы своей истории не собственными глазами, а прищуренным взором «истинно русского человека», привыкшего видеть в каждом полноценном украинце «бандеровца» и «буржуазного националиста».

И, наконец, о совсем недавних событиях. Возможно, еще одно белое пятно в украинской истории возникнет с годами, если будем молчать или говорить полунамеками о том, что происходило на Украине в 60-70-е годы. За рассуждениями о застое, бюрократизме, за разговорами о судьбах отдельных людей и произведений можно просмотреть общую картину происходившего. Между тем по аналогии с двадцатыми

годами, вошедшими в историю Украины под именем «расстрелянного возрождения», шестидесятые могут называться «удушенным возрождением».

Попытки втиснуть понятие «шестидесятники» в рамки чисто литературного обновления неправомерны. В после-сталинские годы на Украине спонтанно возродились глубинные силы национального самосознания, проявившие себя не только в литературе и искусстве.

Надо откровенно признать, что репрессии украинских «шестидесятников» после устранения Хрущева были не чем иным, как великодержавно-шовинистической реакцией на украинское национально-культурное возрождение. И если первую волну арестов и судов украинской интеллигенции (1965-66 гг.) удалось приостановить широким общественным протестом, то вторая репрессивная волна (1972-73 гг.) была закроена шире и масштабнее. Аресты сопровождались мощным наступлением на украинских писателей, деятелей культуры, ученых, всех, кого беспокоила судьба родного языка, родной культуры, кто вообще мыслил нестандартно. Появились разгромные статьи в печати, началось изъятие изданных ранее книг, стали практиковаться вынужденные покаяния и публичные проработки (в несколько стертом виде повторялась ситуация начала 30-х годов). От активного участия в создании духовных ценностей нации были устранены совсем или на долгие годы многие талантливые писатели, критики, переводчики, историки, художники, режиссеры. Другие опустились до конъюнктурных творений, недостойных их таланта. Зато возвысились конъюнктуристы и проходимцы типа директора Института литературы АН УССР Шамоты или секретаря ЦК КПУ Маланчука. Резко усилилась русификация: украинский язык окончательно изгонялся из всех сфер государственной, общественной и культурной жизни, по личному примеру Щербицкого от него отказались партийные организации. Третья волна репрессий (1977-1980 гг.), связанная с разгромом украинского хельсинкского движения и отличавшаяся особым цинизмом и наплевательством в отношении советских законов, проходила уже в условиях полного застоя.

Из многих удушенных в те смутные годы талантов, которые сегодня могли бы активно включиться в процесс

перестройки и демократизации, хотелось бы особо выделить украинского поэта Васыля Стуса, погибшего в карцере Пермского лагеря особого режима уже при новом руководстве КПСС — в сентябре 1985 года. В. Стус — поэт-мыслитель такого масштаба, что его имя останется в истории нашей литературы навсегда. Но до сих пор имя Стуса на родине окружено заговором молчания. Все инстанции остаются глухи к просьбам и требованиям родственников, друзей и почитателей выдающегося украинского поэта, а немного осмелевшие в последнее время украинские писатели все же боятся даже упомянуть имя своего замученного коллеги. Поэтому последняя надежда на Вашу помощь. Просим разрешить перевезти тело поэта с лагерного кладбища на Урале для захоронения на родине в Киеве. Просим вернуть наследникам поэта все его рукописи, изъятые в 70-80-е годы, особенно стихи, переводы, статьи, заметки последних пяти лет жизни (все, до последней строчки, отобрано и находится в КГБ УССР). Мы требуем реабилитировать доброе имя поэта, дважды осужденного по смехотворным с точки зрения сегодняшнего дня обвинениям, и издать на Украине его произведения.

Как и без творчества Васыля Стуса, представление об украинской культуре и общественной мысли будет неполным и односторонним без блестящих эссе Е. Сверстюка, стихов и прозы М. Руденко, И. Калынца, М. Осадчего, И. Сокульского, без выставок художников П. Заливахи и С. Шабатуры, научных, литературоведческих и публицистических статей И. Свитлычного, М. Горыня, П. Скочка, Ю. Бадзьо, В. Марченко, И. Кальнеца, наконец, без всех статей и книги «Интернационализм или русификация?» И. Дзюбы. Пора честно признать, что все эти талантливые и неравнодушные люди в годы застоя были осуждены по нелепым обвинениям, реабилитировать и издавать их. Пока же их имена (кроме допущенного в печать за раскаяние в патриотизме И. Дзюбы) окружены глухой стеной молчания.

Из моего письма получится увесистый гроссбух, если попытаюсь перечислить все белые пятна украинской истории и культуры, назвать все забытые или оплеванные имена. Но теплится надежда, что возникающая сейчас в советском обществе атмосфера поможет много осветить прожектора-

ми гласности. Этой же цели будет служить в меру своих скромных возможностей и возобновляемый нами журнал «Український вісник».

*

Шире изложить затронутые в этом письме вопросы я попытаюсь также лично, если мне позволят встретиться с членом Политбюро Яковлевым, который известен как приверженец политики гласности и демократизации.

В прошлое двадцатилетие на все петиции «диссидентов» к партийно-советским руководителям ответ был один через суд, как правило закрытый. Но еще хуже, когда на поднятые «снизу» проблемы и выстраданные мысли внимания не обращают вообще. Не исключено, что и это письмо, направляемое мной в ЦК, удостоится только беглого просмотра одним из сотрудников аппарата. Думаю поэтому, что у открытого письма больше шансов привлечь внимание партийного руководства к жизненно важной для здоровья советского общества национальной проблеме. Да и решать такие вопросы в условиях подлинной гласности пристало не келейно, а всем народом (точнее – всеми советскими народами).

С уважением

Вячеслав Чорновил,

украинский журналист

5 августа 1987 года

290014, Львов-14, Нищинского, 14, кв. 6

КОЕ—ЧТО О «ДЕМОКРАТИИ ПО — БРЕЖНЕВСКИ»*

Весной 1987 года я лично отвез в КГБ СССР для ознакомления и обсуждения тезисы «Открытого письма Генеральному секретарю ЦК КПСС, которое в значительно измененной редакции было сдано в ЦК КПСС 5 августа 1987 года. В первом варианте письма много писалось о репрессиях 70-х — начала 80-х годов и проводилось немало примеров репрессивного произвола, которые из окончательного текста для уменьшения размера письма пришлось изъять. Отдельные фрагменты первоначального варианта могут представлять интерес для читателя, как и реакция на тезисы со стороны КГБ СССР. Приводим несколько отрывков (весь текст занимал 15 страниц):

«...Еще в Мордовии, ближе познакомившись с политзаключенными из других республик, я отметил самобытный «федорчуковский» почерк украинского КГБ. После Даниэля и Синявского (я их в лагерях уже не застал) чисто литературными «делами» снабжала лагеря и тюрьмы почти одна Украина. При этом отбор авторов и художественных произведений для уголовных квалификаций поражал каким-то диким субъективизмом. Невозможно понять, почему одних поэтов, критиков только пугали, вынуждали к публичному раскаянию, иногда лишали возможности печататься, а других отправляли на долгие годы в тюрьмы. Пример: Иван Драч и Василь Стус — два талантливых поэта, имена которых останутся в истории украинской культуры. Один сегодня — признанный поэт, лауреат Шевченковской премии, другой лежит под номером на лагерном кладбище в Урале, а значи-

*Из самоиздатского журнала «Український вісник». Перевод с украинского сделан в «Архиве самиздата» (N° 6107), Мюнхен.

тельная часть его творчества (даже переводы) надежно хранится в КГБ УССР. Но ко времени первого ареста Стуса это были люди одной идеи, одних взглядов на украинские проблемы, на задачи украинской литературы. И сегодня Драч с трибуны украинского писательского съезда сказал те слова о жгучих проблемах Украины (о забытых миллионах жертв искусственного голода 1933 года на Украине, о проблемах изгнанного на задворки языка нации, о вмешательстве в литературные дела администраторов всех мастей, о слежке за писателями и пр.), которые сказал бы на его месте и Василь Стус. Если сравнить произведения двух поэтов, то у Драча в те годы можно было найти даже более острые стихи, чем те, за которые Стусу в 1972 году приклеили ярлык «антисоветчика».

С точки зрения элементарного здравого смысла самым выдающимся «свершением» Федорчука на ниве борьбы с украинской поэзией следует признать осуждение на 9 лет лагерей и ссылки талантливого поэта Игоря Калынца. Можно лишь посочувствовать львовским кагебистам, которым пришлось искать призывы к «подрыву или ослаблению» советского строя в формально усложненной поэзии Калынца, которая меньше всего годится для «пропаганды и агитации». (...) А в приговоре Михайла Осадчего оказались даже стихи, напечатанные перед тем в областной прессе. Случился казус. «Экспертом» на суд взяли бездарного (но очень «правильного») львовского писателя Кныша, который, конечно, гневно клеймил стихи, названные антисоветскими. И тут подсудимый напомнил эксперту, что именно он, Кныш, когда-то рекомендовал именно эти стихи к печати и отзывался о них весьма правильно... С именем Осадчего связано и обстоятельство, свидетельствующее, что и среди сотрудников КГБ случались (правда, как исключение) честные люди, которые понимали, что делают совсем не то, чем следует заниматься органам безопасности. Следователь Харитонов отказался обвинять Осадчего за далеко не «пропагандистские» стихи, несколько литературно-критических отзывов и повесть, на которую еще до ареста автора была положительная рецензия из республиканского журнала, — и был отстранен от ведения следствия...

Чисто «литературным» был приговор в 1973 году литературному критику Евгению Сверстюку, чьи эссе (в том числе об огульно поносимом романе Олеся Гончара «Собор», который теперь издается после 20-летнего перерыва) могли бы стать украшением украинской критики, если бы не удивительные с точки зрения здравого смысла их криминальные оценки.

Да и мой приговор 1973 года был преимущественно «литературным». Начинать я как литературный критик, и всегда у меня было много напечатанных и рукописных поэтических сборников, литературных статей, заметок и так далее. Из этой массы почти наугад при обыске 12 января 1972 года выхватили какую-то часть стихов (прочитать всё оперативники были не в состоянии, на это ушло бы несколько дней; да и какие из них ценители!), из них в свою очередь, уже с помощью горе-экспертов, отобрали «антисоветские»... Не обошлось без «недоразумений»: при обыске стихи смешали, определить авторов было тяжело — поначалу особое возмущение следователя вызвали стихи Василя Симоненко и Ивана Драча, в основном уже напечатанные...

Время уже призвать к ответственности и тех, кто фантазировал эти удивительные для послесталинских времен приговоры, и тех беспринципных литературных «экспертов», загипнотезированных самим фактом арестов и полученными прямо или косвенно указаниями, — которые сделали такие мерзкие выводы в своих закрытых рецензиях для КГБ, что, если бы эти жуткие документы смутных времен сегодня напечатать, ни один порядочный человек не подал бы руки этим шарлатанам от науки типа профессора Львовского университета Цюха и Дорошенко (уже покойного), докторов и кандидатов наук Матвейчука, Здоровеги, Неборячка, Грицютенко и др. (называю несколько львовских имен, но киевские «эксперты» были не лучше).

(...) Перестарался Федорчук и в таком противозаконном и глубокоаморальном деле, как фабрикация чисто уголовных дел по политическим причинам. Отдельные такие случаи бывали и в других республиках, но председатель украинского КГБ превратил это в правило, сделав хулиганами, наркоманами, насильниками и т. п. и часть членов

Украинской хельсинкской группы, и других вольнодумцев (Горбаль, Чорновил, Розумный, Лесив, Долишний, Овсиенко, Плахотнюк, Смогитель и др.). Особо показательное мое дело 1980 года, которое я в свое время умышленно популяризировал, надеясь таким образом приостановить преступную практику украинского КГБ. Именно украинского, хоть провокация по отношению ко мне была организована в Якутии и фабрикацией занимались вроде бы милиция и прокуратура, а не КГБ. (...) У меня есть даже доказательства, что КГБ Якутии возражал против этой авантюры и добился в апреле 1980 года согласия центрального аппарата КГБ на мое освобождение из-под ареста. Но в дело решительно вмешался Федорчук, решение об освобождении отменили. Даже осенью 1983 года, когда по инициативе якутского КГБ прокурор Якутии опротестовал мой приговор и меня досрочно освободили с какой-то компромиссной формулировкой, случилось это вопреки сильному сопротивлению украинского КГБ, где уже не было Федорчука, но жили его традиции.(...)

Чистейшей воды фабрикацией было одно из последних организованных Федорчуком на Украине «дел» — осуждение на 10 лет лагеря львовского ученого-психолога Михайла Горыня. После возвращения в 1971 году из первого заключения он вел себя довольно сдержанно, поводов для обвинений не давал. (...). Но не понравился и независимостью суждений, и тем, что был авторитетом среди научной и творческой интеллигенции. И с Горынем поступили по известному со сталинских времен принципу: был бы человек, а дело найдется. Отвратительным в этом «деле» было и то, что, полностью подготовив его в своем оперативном отделе, львовские кагебисты подбросили потом его для внешнего представительства другим — милиции и прокуратуре (редкий случай, когда дело по ст. 62 УК УССР вела прокуратура, а не КГБ). (...) Что касается сути «дела» Горыня, то следует заметить, что такого явления, когда сами оперативники составляют какие-то тенденциозные творения антисоветского содержания, а потом во время обыска или перед ним украдкой подбрасывают человеку эти фальшивки и сами же их «находят», до присылки

на Украину из центрального аппарата КГБ Федорчука у нас не было, и хочется надеяться, что никогда не будет.

(...) Последнее дело Микола Горбала, повторно арестованного осенью 1984 года в день окончания лагерного срока по фиктивному обвинению в изнасиловании, показало, что злой дух Федорчука витал в его кабинете и после прихода нового хозяина. В новом приговоре Горбалу — и какие-то материалы на него, которые были собраны еще до провокации с «изнасилованием» (значит, умышленно держали их пять лет, чтобы было за что судит снова, а фактически судили дважды за одно и то же), и посланные из лагеря протесты против фиктивного дела (назвали насильником — сиди и терпи), и даже свидетельства о его будто бы «пропаганде» в уголовном лагере, организованные у уголовных подонков, способных за пачку чая или упаковку кофеина не только оболгать человека, но и убить его... Жаль, что «дело» Горбала на Украине успели протолкнуть через суд уже после апрельского пленума ЦК КПСС 1985 года, положившего начало радикальным изменениям в жизни советского общества.

(...) Освободив и реабилитировав всех украинских политзаключенных, нужно было бы устранить и некоторые более мелкие последствия федорчуковского хозяйничанья на Украине. Для 70-х — начала 80-х годов типичными были случаи дискриминации родственников, друзей и единомышленников репрессированных людей: изгнание с работы, травля детей, которым не давали возможности продолжить образование, публичная клевета, в том числе в печати. После Федорчука таких явлений на Украине стало меньше, но окончательно они не перевелись.

Начиная с середины 60-х годов органы КГБ провели на Украине по политическим мотивам сотни обысков, не только у арестованных, но и у их родственников, знакомых, иногда у совершенно посторонних людей. Из-за нечеткости ст. 62, а тем более статьи 187-1 УК УССР оперативники и следователи не совсем хорошо представляли, что они ищут, и гребли все подряд: записные книжки, фотографии, выписки из прочитанного, стихи, литературные статьи, книги... Особенно раздражали их любые отпечатанные на машинке тексты и фотокопии (помню, как после первого обыска у меня в

сентябре 1965 года киевский следователь Коваль махал у меня перед носом фотокопией раздела из книжки мемуаров Юрия Смолича и грозно говорил: «Видите, чем вы занимались!!»). Как правило, все изъятое ни в обвинение не попадало, ни обратно не возвращалось. Такое вот странное отношение к личной собственности! У одного моего знакомого изъяли в начале 70-х годов и до сих пор не вернули даже студенческие конспекты произведений классиков марксизма-ленинизма (!). У другого, ничего не обнаружив, забрали книги советских изданий 60-х годов (роман О. Гончара «Собор», книгу С. Плачинды «Неопалимая купина» и др.). У меня некоторые обыски напоминали грабеж. Так, в январе 1972 года забрали транзисторный приемник «ВЭФ», магнитофонные ленты чистые и с записями песен Высоцкого и др., не включенные затем в обвинение многочисленные перепечатки стихов (среди них поэмы Ахматовой «Реквием» и Твардовского «По праву памяти»), конспекты прочитанного и многое другое. Забрали дорогую импортную пишущую машинку, на которой я печатал только литературные материалы (даже официальные заявления на всякий случай на ней не печатал). Особо пострадала моя научная библиотека, в которой было много книг старых изданий совершенно не пропагандистского характера (художественные произведения, периодика, мемуары и так далее). Не заботясь доказательством какого-либо незаконного их использования, у меня изъяли десятки дорогих букинистических и антикварных книг. Моя библиотека при мне и уже после моего ареста пережила около десяти обысков. И хоть состав старых книг в ней не менялся, «гости» всякий раз считали нужным прихватить если не десяток-другой, то хотя бы несколько книг... Ни одной из них мне до сих пор не вернули. Или такая «мелочь», как своевольное отключение весной 1980 года, перед моим последним арестом, телефона у моей жены. Сделали это без каких бы то ни было предупреждений, без «профилактических» отключений, как это бывало у других, без конкретного объяснения причин (несколько месяцев жене морочили голову «ремонтом линии», только через год написали о нарушении какойто статьи устава связи, но в чем это нарушение состояло, не говорят до сих пор). И молчит телефон уже восьмой год, а на

наш номер отзывается теперь сотрудник КГБ, который живет на соседней улице... Почему бы для восстановления справедливости не ликвидировать последствия и этих своевольных действий, в общем вроде бы и незначительных, но для каждого пострадавшего очень болезненных?..»

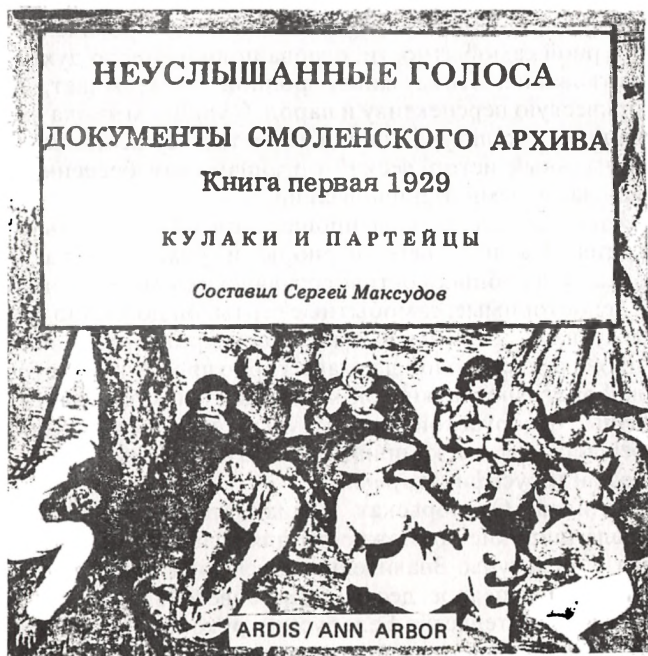
Как приведенные здесь, так и еще ряд фрагментов в окончательный текст моего письма М. Горбачеву не вошли, но направленность и выводы обоих текстов тождественны. После ознакомления с «тезисами», врученными накануне, разговаривал со мной ответственный работник КГБ СССР, который наотрез отказался назвать свою фамилию и должность, сказав только, что зовут его Владимиром Борисовичем и что его служебный уровень для беседы со мной достаточен. В нескольких часовом разговоре мой собеседник отделивался общими местами; о перестройке, демократизации, гласности и других идеях М. Горбачева первым не упоминал вообще, а на мои постоянные напоминания реагировал очень сдержанно. Пытался защищать критикуемых в моих «тезисах» Щербицкого и Федорчука и доказывал, что аресты и суды прошедшего двадцатилетия были законными, так как правильность выдвинутых следователями обвинений подтверждали такие независимые (по его словам) от КГБ инстанции, как прокуратура и народные суды.

Из всего разговора в КГБ СССР больше всего врезался в память четко выраженный моим собеседником тезис, который, очевидно, отражает точку зрения КГБ (это подтверждает и неразрешенная до сих пор проблема политзаключенных, репрессированных в брежневские времена). Он был сформулирован так: «Каждому этапу развития советского общества соответствует свой уровень развития демократии». Пояснилось, что именно такой демократии, какая у нас была в минувшее двадцатилетие, требовал тогдашний уровень развития общества, а поэтому действия КГБ и других карательных органов были тогда совершенно правильными. Сегодня мы поднялись на другой уровень общественного развития, соответственно которому развивается и демократия.

Такая «диалектическая» теория чрезвычайно выгодна для Владимира Борисовича и его коллег из госбезопасности.

Потому что позволяет от всего совершенного ранее умыть руки. И вправду, если не существует демократии и законности «вообще», а есть сегодня демократия «горбачевская», которой предшествовала соответствовавшая своему времени демократия брежневская, то почему бы не успокоить совесть мыслью, что недостаточному уровню общественно-го развития 30-х — 40-х годов полностью соответствовал и тогдашний уровень демократии «по-сталински» (с ее ягодовскими, ежовскими и бериевскими разветвлениями)?... Только вот если одна «демократия» требовала для подъема «уровня общественного развития» на более высокую ступень миллионов человеческих жертв, вторая — тысяч искалеченных судеб, то какой пищи потребует третья?

Новая книга:

НАДЕЕМСЯ НА ВАШУ ПОДДЕРЖКУ

*(Письмо 28 деятелей культуры Белоруссии
Генеральному секретарю ЦК КПСС
М. С. Горбачеву)*

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Обращаемся к Вам по крайне волнующему вопросу судьбы белорусского языка. В нынешнее время, время обновления во всех сферах жизни советского общества, время пересмотра наших достижений, недостатков и ошибок, вопросы гармонического и полнокровного развития национальной культуры требуют особого внимания.

Язык — душа народа, наивысшее проявление его культурной самобытности, основа полноценного духовного существования. Пока живет родной язык, живет, имеет историческую перспективу и народ. С упадком языка чахнет, деградирует культура, народ перестает существовать как национальный исторический организм, как бесценная составная часть земной цивилизации.

Язык нашего народа прошел долгий и сложный путь развития. Были у него периоды и упадка и расцвета. Выросший из общих восточнославянских корней, приобретший неповторимые, самобытные черты, он достойно служил нашему народу — имел статус государственного языка в крупной средневековой державе, гордо прозвучал со страниц первой восточнославянской книги, дал миру замечательные образцы белорусской литературы. А в тяжкие годы запрещался и всячески принижался угнетателями — полонизаторами и русификаторами.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла широкие возможности для развития белорусского языка и культуры. Значительные успехи в этом деле были достигнуты в первое десятилетие советской власти. Компартия и правительство Белоруссии, руководствуясь ленинскими принципами и коренными интересами народа, провели

в 20-е годы белоруссизацию всех сфер жизни общества — государственного и партийного аппарата, школ, университета, других учебных учреждений, что решительным образом способствовало расцвету белорусской советской культуры и росту сознания широких народных масс.

Однако отступления во время культа личности от ленинских принципов национальной политики, вульгарно-социологический подход к решению сложных задач развития литературы и искусства и, наконец, репрессии в отношении национальной интеллигенции в 30-е годы нанесли белорусской культуре непоправимый урон. Последняя война усугубила разрушительный процесс.

Несмотря на это еще целое десятилетие после войны на всей территории республики существовала широкая сеть школ на родном языке. С середины 50-х годов, во время волюнтаризма, интенсивно ликвидировались белорусские школы в городах, ряд белорусских периодических изданий был переведен на русский язык, родной язык был вытеснен почти из всех сфер общества.

В последние два десятилетия этот процесс усугубился. Положение с белорусскими школами в сельской местности значительно ухудшилось. Теперь они зачастую являются белорусскими лишь номинально, поскольку большинство предметов, особенно в старших классах, преподается по-русски. Сотни сельских школ уже официально переведены на русский язык обучения. Катастрофически уменьшается численность учеников, обучающихся в белорусских школах. Так, в 1983 г., в первый класс с белорусским языком обучения пришло, судя по тиражу белорусского «Букваря», 44 тыс. учащихся, а в 1986 — 34 тыс., что составляет только 25 % от общего числа первоклассников-семилеток, т. е. в нынешнем году только четверть всех первоклассников республики пошла в школу с белорусскими букварями.

К тому же в обучении на белорусском языке в системе народного образования нет никакой преемственности. В совершенно запущенном, плачевном состоянии находится дошкольное воспитание на родном языке. Белорусскоязычные вузы, техникумы, училища отсутствуют. Вот уже несколько десятков лет педагогические институты республи-

ки не занимаются подготовкой учительских кадров для школ с белорусским языком обучения.

Наглядно показывает положение родного языка в БССР книгоиздательское дело. Достаточно сказать, что удельный вес художественной литературы (в печатных листах-оттисках), которую выпускают республиканские издательства на русском языке, возрос с 89,9 % в 1981 г. до 95,3 % (!) в 1984 г. Практически нет в Белоруссии и кинематографии на родном языке. Из полутора десятков театров в республике лишь три белорусские. Белорусский язык как рабочий язык и язык делопроизводства почти не употребляется ни в партийных, ни в советских, ни в государственных органах и учреждениях республики.

В последнее время как реакция на такое положение наблюдается заметный рост национального самосознания. Это в свою очередь вызывает отрицательную реакцию со стороны бюрократии. Лиц, которые пользуются родным языком, нередко автоматически зачисляют в «националисты». Поэтому даже просто последовательное пользование белорусским языком требует определенного гражданского мужества.

Мы переживаем сложный период в истории белорусского народа, когда требуются решительные меры: действия по спасению (именно спасению, ибо отдельные меры поверхностно-косметического характера положения не исправят) родного языка, родной культуры, а следовательно белорусского народа от духовного вымирания. Для этого, на наш взгляд, необходимо осуществить в первую очередь следующие мероприятия:

а) приступить к введению белорусского языка в качестве рабочего в партийные, государственные (прежде всего это касается министерств просвещения, культуры, высшего и среднего специального образования, связи, государственных комитетов по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, по кинематографии, по телевидению и радиовещанию, Академии

наук) и советские органы и учреждения республики;

б) ввести обязательный выпускной экзамен по белорусскому языку и литературе (сочинение) в средней школе и по белорусскому языку (диктант) в восьмилетней (неполной средней) школе, независимо от того, на каком языке ведется обучение в этих школах;

в) ввести обязательный для всех абитуриентов (кроме прибывших из-за пределов БССР и СССР) вступительный экзамен по белорусскому языку и литературе (сочинение) во всех высших учебных заведениях и по белорусскому языку (диктант) в средних специальных учебных заведениях (техникумы) республики.

Белорусский язык является одной из основ существования государственности белорусского народа, и поэтому он должен охраняться законодательными актами. Его использование во всех сферах государственной и общественной жизни должно обеспечиваться и стимулироваться всеобъемлющим комплексом мероприятий, органическую часть которых составляют и мероприятия по патриотическому воспитанию («комплекс предложений по коренному улучшению положения родного языка, культуры и патриотического воспитания в Белорусской ССР» на 6 страницах прилагаем). Мы считаем, что предварительным условием осуществления этих мероприятий должно быть обновление кадров, не заинтересованных в развитии культуры и образования на белорусском языке, в Министерстве высшего и среднего специального образования, Министерстве культуры, Госкино, Гостелерадио Белорусской ССР.

Уважаемый Михаил Сергеевич! Мы не прибегли в этом письме к цитированию известных суждений о развитии национальных культур и языков выдающихся мыслителей, положений по этому вопросу классиков марксизма, глубоко-

ких мудрых высказываний В. И. Ленина, равно как и не стали ссылаться на общеизвестные программные документы по этому вопросу партийных съездов. Мы постарались изложить факты и наши суждения о мерах, на наш взгляд необходимых для исправления сложившегося положения с родным языком в республике.

Наши предложения (разумеется, далекие от полноты), представленные в виде приложения, основываются на существующих в республике реалиях и вызваны отсутствием тех необходимых компонентов, тех слагаемых, которые питают живительной силой каждую развитую культуру, каждый национальный язык.

Уверены, что изложенные нами проблемы найдут Ваше понимание, надеемся на Ваше личное участие и поддержку в их разрешении. Думаем, что это письмо может представить интерес и быть полезно в работе предстоящего пленума ЦК КПСС по идеологической работе.

Мы убеждены, что только по-ленински мудрое, справедливое решение вопроса взаимодействия культур и языков, действительное, реально обеспеченное их равноправие, всестороннее и полнокровное развитие — залог и гарантия истинно интернационалистических отношений между народами нашей страны, отношений подлинной дружбы и взаимопонимания.

С глубоким уважением

Содаль В. И., член союза журналистов СССР, редактор тележурнала «Родные слова» Гостелерадио БССР;

Мирочицкий Л. П., кандидат исторических наук;

Марковец В. П., член союза художников СССР, лауреат премии Ленинского комсомола Белоруссии;

Кохановский Г. А., кандидат исторических наук, член Союза писателей СССР;

Кулик Е. С., член союза художников СССР;

Лецко Е. Р., член Союза писателей СССР, кандидат филологических наук;

Ращинский А. В., член союза композиторов СССР;

Лаврель Б. М., старший научный сотрудник научно-исследовательского института педагогики Минпроса БССР;

Лыч Л. М., кандидат исторических наук ;

Зайковский Э. М., кандидат исторических наук ;

Веренич В. Л., кандидат филологических наук ;

Толстой В. С., кандидат исторических наук ;

Арочка Н. Н., доктор филологических наук, ведущий специалист Института литературы АН БССР, член Союза писателей СССР ;

Рязанов А. С., член Союза писателей СССР ;

Щемелев Л. Д., народный художник БССР, лауреат Государственной премии БССР ;

Конон В. М., доктор философских наук, ведущий сотрудник Института философии и права АН БССР, член Союза писателей СССР ;

Бородулин Р. И., член Союза писателей СССР, лауреат Государственной премии БССР им. Янки Купалы и премии Ленинского комсомола Белоруссии ;

Панченко П. Е., народный писатель БССР, лауреат государственных премий СССР и БССР ;

Быков В. В., народный писатель БССР, лауреат Ленинской премии ;

Дударев А. А., член Союза писателей СССР, член Союза театральных деятелей СССР, лауреат государственной премии СССР, лауреат премии Ленинского комсомола ;

Адамчик В. В., член Союза писателей СССР, лауреат литературной премии им. И. Мележа ;

Витка Василь, член Союза писателей СССР, заслуженный деятель культуры БССР, лауреат Государственной премии БССР, лауреат международной премии Х.-К. Андерсена ;

Станюта С. М., народная артистка БССР, лауреат Государственной премии БССР ;

Лужанин Максим, член Союза писателей СССР, заслуженный деятель культуры БССР, лауреат литературной премии им. Якуба Колоса;

Агунович Э. К., член Союза художников СССР, заслуженный работник культуры БССР;

Пархоменко В. В., заслуженная артистка БССР, лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады, дипломат Всемирного конкурса молодежи и студентов;

Кудравец А. П., член Союза писателей СССР, главный редактор журнала «Неман»;

Брыль Янка, народный писатель БССР, лауреат Государственных премий СССР и БССР, лауреат литературной премии им. Якуба Коласа.

15 декабря 1986 г.,
г. Минск

ПРИЛОЖЕНИЕ

Комплекс предложений по коренному улучшению положения родного языка, культуры и патриотического воспитания в Белорусской ССР.

1. В области идейно-воспитательной работы

— партийным и комсомольским работникам в органах печати и в устных выступлениях, лекторам в системе политического просвещения, пропагандистам показывать и подчеркивать значение родного языка в воспитании советского патриотизма;

— широко использовать средства массовой информации для ознакомления населения республики с богатыми традициями белорусской культуры, славной и трагической историей народа, показывать богатство и красоту родной речи;

— проводить настойчивую разъяснительную работу среди молодежи по пропаганде фольклора как антипода

буржуазной массовой культуры, памятуя, что самой действенной контрпропагандой является приобщение молодежи, как сельской, так и городской, к традициям народной культуры.

2. В области народного образования

— должен соблюдаться важнейший принцип — языковая преемственность в системе народного просвещения и высшего (а также среднего специального профессионального) образования; просвещение на родном языке не может нормально развиваться при отсутствии дошкольного воспитания и высшей школы на родном языке;

— перевести дошкольные детские учреждения на белорусский язык: в сельской местной — все, в городах и городских поселках — в количестве, пропорциональном национальному составу населения;

— разработать программы и методические рекомендации для белорусскоязычных дошкольных учреждений, а также для дошкольных учреждений с русским языком обучения с учетом специфики республики;

— обеспечить детские дошкольные учреждения книжками-картинками, играми, грампластинками с записями детских песен, стихотворений и сказок, диафильмами и другими пособиями для воспитательной работы на белорусском языке;

— перевести все школы в сельской местности на белорусский язык обучения, восстановив в первую очередь преподавание на родном языке в тех школах, которые теперь являются белорусскими только номинально;

— открыть школы с белорусским языком обучения во всех городах, городских поселках в количестве, пропорциональном национальному составу населения;

— ввести в школах с русским языком обучения изучение белорусского языка с первого класса;

— создать новые учебники (для младших и старших классов) и книги для чтения по истории Белоруссии, в

которых бы объективно освещались исторические события, а также вклад белорусского народа во всемирную историю и культуру;

— в школах с белорусским языком обучения ввести преподавание иностранных языков на белорусском языке в качестве вспомогательного; для этого выпустить учебники на основные иностранные языки специально для этих школ, а также иноязычно-белорусские и белорусско-иноязычные словари;

— обеспечить школы учебными, познавательными и научно-популярными диафильмами и фильмами, грампластинками с записями художественных произведений и другими пособиями на белорусском языке;

— ввести в школах (предположительно с шестого класса) в качестве факультативного предмета диалектологию (в сельских школах — с уклоном на местные говоры); подготовить и издать соответствующее учебное пособие;

— создать научно-методический журнал «Белорусский язык и литература в школе»;

— осуществить перевод техникумов и училищ, в первую очередь тех, которые готовят кадры для системы просвещения и культуры (педагогические, музыкальные, художественные, культпросветучилища и др.), а также для сельского хозяйства, на белорусский язык обучения;

— перевести вузы, занимающиеся подготовкой кадров для культуры (институт культуры, театрально-художественный институт, консерваторию), сельского хозяйства, а также гуманитарные факультеты университетов на белорусский язык обучения; на остальных факультетах и в других вузах создать белорусские отделения;

— осуществить переход на белорусский язык обучения всех педагогических институтов республики, в том числе института иностранных языков;

— организовать широкую сеть курсов для подготовки и переподготовки кадров в изучении и совершенствовании знания белорусского языка; подготовить и выпустить «Курс ускоренного изучения белорусского языка» с комплектом

грампластинок, а также в необходимом количестве толковый словарь белорусского языка, русско-белорусский и белорусско-русский словари.

3. В области науки

— осуществить научные разработки по охране языка от неоправданных иноязычных заимствований, а также по развитию белорусского языка на собственной основе в соответствии с развитием науки, техники и всех сфер жизни общества;

— активизировать и расширить диалектологические исследования белорусского языка, в частности в области народной терминологии (технической, астрономической, зоологической, ботанической и т.д.) с последующим изданием соответствующих словарей;

— шире развернуть исследования истории белорусской культуры и литературы минувших эпох; приступить к изданию серии «Памятники белорусского языка», «Памятники белорусской литературы», «Памятники общественной мысли Белоруссии» (факсимиле, при необходимости адаптирование, комментарии) и пр.;

— организовать регулярные долгосрочные командировки белорусских ученых-специалистов по истории Белоруссии, истории белорусской культуры, литературы, искусства — в зарубежные страны для работы в архивах, библиотеках;

— издавать книги научных сотрудников Отделения общественных наук АН БССР (по истории, философии, праву, искусствоведению и др.), а также других отделений (по региональной тематике) на белорусском языке;

— перевести на белорусский язык издание всех серий журнала «Вестник БГУ им. В. И. Ленина» и журнала «Здравоохранение Белоруссии»; издавать все серии журнала «Весці АН БССР» на белорусском (привести в соответствие фактический язык журнала с тем, который объявляется в тематических планах).

4. В области книгоиздания, культуры и искусства

— Организовать постоянный выпуск на белорусском языке популярных массовых изданий (отрывные календари, книги по домоводству, кулинарии, садоводству, краеведению, о лекарственных растениях, грибах и т. д., приключенческая и научно-фантастическая литература, словарь иностранных слов т. д.); прекратить существующую практику дублирования центральных издательств в выпуске этих книг на русском языке;

— коренным образом изменить отношение к изданию переводной литературы (художественной, популярной, научно-познавательной, научной, научно-фантастической, детской и юношеской) на белорусском языке; поставить на государственную основу подготовку кадров переводчиков с иностранных языков и языков народов СССР на белорусский; практиковать ежегодную стажировку молодых переводчиков в зарубежных странах и республиках СССР; подготовить и издать большие иноязычно-белорусские словари по всем основным языкам мира и языкам народов СССР; учредить литературную премию (например, имени М. Богдановича) для переводчиков на белорусский язык;

— наладить издание на белорусском языке подписных «Библиотеки всемирной классики», «Библиотеки всемирной детской литературы», «Библиотеки приключений и фантастики», «Библиотеки всемирной исторической литературы», собраний сочинений классиков всемирной литературы;

— Создать республиканское издательство «Мастацтва» («Искусство») с целью коренного улучшения положения в деле популяризации и пропаганды сокровищ национальной культуры;

— постоянно пропагандировать материальное и духовное наследие белорусского народа; издать монографии и альбомы: «Слуцкие пояса», «Миниатюры белорусских рукописных книг», «Белоруссия на старинных гравюрах», «Украшения белорусских старопечатных книг», серию альбомов «Архитектура Белоруссии» (по разным эпохам и

стилям), серию альбомов «Сокровища белорусской культуры в музеях мира», альбом произведений классиков белорусского изобразительного искусства и др., «Популярную энциклопедию истории Белоруссии», факсимильные издания рукописных и старопечатных книг, прежде всего наследие первопечатника Ф. Скарины, и т. д.;

— в целях пропаганды белорусской литературы и культуры, увеличения числа переводчиков белорусской литературы на языки народов мира, расширения международных культурных связей организовать ежегодный семинар для зарубежных переводчиков с белорусского языка; учредить для них литературную премию (например, имени М. Гусовского); аналогичную премию учредить для переводчиков с белорусского языка на языки народов СССР;

— Наладить в республике выпуск грампластинок с целью коренного улучшения пропаганды белорусской народной и профессиональной музыки;

— выпускать художественные, мультипликационные, документальные фильмы в республике на белорусском языке, фильмы других киностудий (советских и зарубежных), которые поступают в республиканский кинопрокат, дублировать на белорусский язык;

— перевести на белорусский язык работу театров оперы и балета, музыкальной комедии, кукол, театра-студии киноактера, недавно созданного молодежного театра, областных театров; создать республиканский литературный театр;

— создать республиканские музеи: исторический, этнографии, белорусского изобразительного искусства (древнего и советского), декоративно-прикладного искусства, а также их филиалы: деревянной скульптуры, народной живописи, кузнечного ремесла, изразцов, слущких поясов, старинного оружия, старинного художественного стекла, истории техники, науки, медицины, театра и музыкальной культуры Белоруссии и др.;

— создать мемориальные и историческо-художественные музеи (филиалы государственных музеев): Ф. Скарины,

М. Гусовского, С. Будного, В. Тяпинского, К. Лыщинского, К. Семеновича, Т. Костюшко. Т. Вавжицкого, М. Огинского, К. Калиновского, Т. Маковского, А. Тарасевича, Н. Орды, Ф. Рушица, Я. Драздовича, С. Монюшко, В. Сырокомли, В. Дунина-Марцинкевича, Ф. Багушевича, Цётки (А. Пашкевич), М. Гарецкого и других выдающихся общественных и культурных деятелей Белоруссии;

— создать в республике — на родине восточнославянского книгопечатника Ф. Скарины — музей-библиотеку сокровищ белорусской письменности по образу армянского «Матенадарана» с целью сохранения, комплексного изучения и введения в научный оборот рассеянных по всему миру белорусских манускриптов и старопечатных книг;

— обратиться в соответствующие инстанции с целью возврата в Белоруссию сокровищ государственных и частных музеев Белоруссии, которые в результате великодержавной политики русского царизма, а также в связи с военными действиями (после восстаний XIX в., во время первой мировой войны, белопольской оккупации, Великой Отечественной войны и др.) очутились в других республиках и странах.

5. В системе средств массовой информации

— организовать издание на белорусском языке новых журналов: «Спадчына» («Наследие», исторический научно-художественный), «Веда і праца» («Знание и труд», научно-популярный), «Далягляды» («Горизонты», иностранная литература), «Юнацтва» («Юность», для школьной молодежи), «Культура мовы» (Культура речи), «Беларускае народнае мастацтва» («Белорусское народное искусство»);

— наряду с изданиями русскоязычных республиканских газет «Советская Белоруссия», «Знамя юности», «Зорька» возобновить выпуск на белорусском языке «Сельской газеты», журналов «Коммунист Белоруссии», «Сельское хозяйство Белоруссии», областных газет «Заря» (Брест) и «Гродненская правда»;

— перевести на белорусский язык издание журналов и бюллетеней «Политинформатор и агитатор», «Народное

хозяйство Белоруссии», «Строительство и архитектура Белоруссии», «За безопасность движения», газет «Физкультурник Белоруссии», «Химик» (Новополоцк), ведомственных газет «Железнодорожник Белоруссии», «На страже Октября», «Речник Белоруссии», а также областных и районных газет Гродненской и Брестской областей, выпускаемых теперь на русском языке;

— перевести республиканскую программу телевидения полностью на белорусский язык.

Письмо в редакцию:

ДВУЯЗЫЧИЕ — ДВУЛИЧИЕ

Все послевоенные годы усиленная русификация Белоруссии проводилась под знаменем интернационализма. Из письма 28 белорусских писателей и культурных деятелей, посланного 15 декабря 1986 г. Михаилу Горбачеву, узнаем знаменательную подробность: темпы русификации БССР особенно усилились во второй половине 1950-х годов, после XX съезда КПСС. Успехи этой «интернационалистской» деятельности воистину поразительны: в Союзе «нерушимом республик свободных» одна из трех республик, имеющая своего представителя в ООН, осталась без школ на родном языке.

В последнее время идеологи КПСС и поборники русификации, как видно, пришли к выводу, что лозунг интернационализма поблек, подмочен и требуется что-то новое, что надо подвести «научную базу» под русификацию. И вот, в особенности в последний год, посыпались «научные» статьи, исследования по вопросу о «двужычии».

Образцом такого «исследования» может служить опубликованный в органе Союза писателей БССР «Літаратура і мастацтва» от 5 июня 1987 г. «трактат» доктора филологических наук, зав. отделом русского языка Института языковедения АН БССР А. Булыки. В начале этого «трактата» читаем:

«В результате проведения ленинской национальной политики в нашей стране всемерно развились все национальные языки, и наряду с этим широко распространился русский язык. Преобразование русского в средство отношений между национальностями вызвало в Советской стране развитие *национально-русского двужычя*... Под национально-русским двужычьем следует понимать владение представителями разных народов как своей национальной речью, так и русской, в степени, обеспечивающей, по крайней мере, возможность элементарной связи. И одновременно — функционирование национальной и русской речи на определенной территории, в определенном коллективе, объединяющем представителей разных национальностей...»

Далее:

«В создании основ национально-русского двуязычия большое место занимает общеобразовательная школа, в которой изучаются как родной, так и русский язык, а также каналы массовой связи и информации.»

Трактат нашего ученого озаглавлен: «Одинаково свободно владеть». Конечно, ничего нельзя иметь против того, чтобы все белорусы владели русским языком, это безусловно желательно, хотя подчеркивание «одинаковости» уже вызывает подозрения. Ведь родной язык должен быть ближе и владение им должно быть более основательным. Посмотрим, однако, фактические и цифровые данные, приведенные в той же статье тем же ученым:

«Сейчас на улицах столицы БССР чаще звучит русская речь, чем белорусская...

...данные по Новогрудскому, Ушацкому и Горецкому районам (т. е. по коренным белорусским районам*) показывают, что здесь созданы благоприятные условия для того, чтобы русская речь безраздельно господствовала во всех областях общественно-политической, административной и производственной жизни. Во всех предприятиях и во всех учреждениях этих районов, как правило, официальная переписка, отчетность ведутся на русском языке. На совещаниях русский язык служит повышению профессионального уровня трудящихся, на нем же ведется техническая документация, ведутся собрания партийных, советских, комсомольских и профсоюзных организаций. Белорусским же языком пользуются наряду с русским в повседневной жизни, изредка в выступлениях на общих собраниях, в стенгазетах, при оформлении вывесок...

...Все меньшая часть молодежи в достаточной степени владеет белорусской литературной речью... В школах районных центров с каждым годом сокращается преподавание на белорусском языке; белорусский язык преподается как предмет.

...В Новогрудке, где в 50-х годах были две средние школы — белорусская и русская — теперь имеются шесть средних и одна 8-классная школа, и все в них преподается на русском языке...»

* Примечание автора письма.

Из приведенных здесь выдержек выявляется с полной очевидностью: из того, что сказано в названии статьи остались только рожки да ножки, да и эти остатки быстро тают. Из статьи даже не видно, чтоб автор этим огорчился или возмутился. Более того: из статьи видно, что Белоруссии, Украине и Молдавии предуготована роль подопытного кролика по части русификации, проводимой под маской «национально-русского двуязычия» (что за термин!). В этой же статье читаем:

«Институт языкознания АН СССР совместно с институтами республиканских Академий в текущей пятилетке приступил к подготовке 6-томного координационного труда всесоюзного значения: «Типология двуязычия и многоязычия в СССР, тенденции их функционирования и развития». В подготовке первого тома «Основные черты двуязычия и многоязычия на Украине, в Белоруссии и Молдавии» принимает непосредственное участие Институт языкознания (отдел русского языка) им. Якуба Коласа.»

Этой цитатой можно мое письмо закончить. Думаю, что для читателей «Форума» этого достаточно, чтобы получить представление о новом этапе русификации национальных республик СССР.

Читатель из Белостока.

Р.С. Лишь спустя полтора месяца после написания моего письма я получил возможность ознакомиться с 17-м номером «Форума». В этом номере меня удивили некоторые высказывания Владимира Малинковича насчет «двуязычия». Он, между прочим, пишет:

«Несколько изменилось направление советской национальной политики. Я бы назвал это изменение «от русификации — к двуязычию» (стр. 55) ...

И несколько далее:

«Утвердить ведущее положение национального языка в республике возможно лишь при децентрализации экономики» (стр. 56).

Возникают вопросы:

1. Является ли пропаганда «двуязычия» хоть малейшим изменением *направления* национальной политики КПСС?

2. Является ли «двуязычие» отходом — хотя бы и частичным — от последовательной русификации?

3. Возможно ли значительное приторможение и ограничение русификации и переход на родной язык не только во всех учебных заведениях *всех* ступеней, но и во всей общественной жизни, во *всех* отраслях науки, а *также* в *экономике* при сохранении централизации, даже в ее нынешних формах?

Ответы напрашиваются следующие:

1. Нет, политика и ее направления *ничуть не изменились*. Двуязычие — это продолжение той же русификаторской политики, только под новым флагом. Смена флага понадобилась ввиду растущего в условиях нынешней относительной оттепели возмущения существующим положением; ввиду того, что это возмущение, протекавшее до сих пор подспудно, все чаще со все большей силой прорывается наружу.

2. «Двуязычие» как инструмент национальной политики не является отходом от политики последовательной русификации. Во всех высказываниях как самого Горбачева (например, в Эстонии), так и всех руководящих деятелей КПСС (см., например, доклад Суровцева в «Литгазете» от 14. 10. 1987) делается упор на лучшее изучение в национальных республиках *русского* языка.¹

В одном, однако, Малинкович прав: создается некоторая платформа для легальной, явной борьбы за родной язык. Насколько эта борьба будет успешна — зависит от решимости, мужества, стойкости и последовательности национальных кадров.

3. Литва является примером того, что даже при существующей централизации экономики возможно прео-

1. Цинизм здесь исключительный: в Белоруссии, напр., уже свыше полувека, а в ускоренном темпе — со 2-й половины 50-х гг. (см. письмо 28 белорусских деятелей Горбачеву от 15. 12. 1986), проводится последовательная русификация и родной белорусский язык почти отовсюду уже вытеснен, а тут трубят о необходимости усиления изучения *русского* языка!

бладание родного языка не только во всех областях науки и общественной жизни, но и в хозяйственном делопроизводстве, в экономике. Здесь могут возразить, что в этом играют большую роль исторические особенности и значительное отличие литовского языка от русского. Это верно, но нельзя этот фактор считать решающим. Вывод: можно многого добиться даже в условиях централизации. А децентрализация — это еще вилами на воде писано.*

От редакции: Приглашаем читателей «Форума» принять участие в дискуссии о характере советской национальной политики в «горбачевский» период.

*Автор приводит краткие высказывания В. Малинковича во время беседы «за круглым столом». Подробнее его позиция представлена в статье «In statu nascendi» (гл. Национальная политика: от тотальной русификации к двуязычию), опубликованной в том же, 17-ом, номере «Форума». Суть позиции выражена там следующим образом:

«... двуязычие в национальных республиках. Тезис этот... нужен для прикрытия русификации нерусских народов... Русский язык еще при Сталине не только был уравнен в правах с родным языком народных республик, но и вытеснил его из многих областей социальной жизни. Поэтому тезис о двуязычии уже означал, по существу, не установление равенства двух языков в республике, но призыв к дальнейшей русификации.

... сейчас интеллигенция нерусских республик пытается придать этому тезису новый смысл. Поднять значение родного языка хотя бы до уровня, который незаконно принадлежит языку русскому. Безусловно, это компромисс... Но в сложившихся условиях этот компромисс может временно улучшить ситуацию.

... ситуация эта будет зависеть... главным образом от того, насколько социально перспективным будет родной язык. Последнее в свою очередь зависит от степени политической и экономической самостоятельности республик...» (ред.)

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ЛИЧНОСТИ ВЫСОКИХ*

(Андрей Тарковский о себе)

О детстве, о доме.

Мое детство я помню очень хорошо. Для меня это самое главное — самые главные годы в моей жизни. Детские впечатления для меня самые важные на все позднее, зрелое время, когда я стал взрослым...

Мы жили с мамой, бабушкой, сестрой. Семья без мужчины. Это существенно повлияло на мой характер...

Дом. Дом моего детства — это маленький хутор в 90-100 километрах от Москвы, недалеко от деревни Игнатьево, где мы прожили несколько лет перед войной — 35-й, 36-й, 37-й...

Это было тяжелое время. Мне всегда не хватало отца. Когда отец ушел из нашей семьи, мне было три года. Жизнь была необычайно трудной во всех смыслах. И все-таки я много получил в жизни. Всем лучшим, что я имею в жизни, тем, что я стал режиссером, — всем этим я обязан матери. Несмотря на ужасное положение, в котором мы находились, мать отдала меня в музыкальную школу (рояль), в художественную школу. Сейчас я совершенно не понимаю, каким образом мать могла достичь этого. Потому что условий никаких для этого не было.

В свое время я пережил очень трудный момент. В общем, я попал в дурную компанию, будучи молодым. Мать меня спасла очень странным образом — она устроила меня в

*Здесь приводятся высказывания Андрея Тарковского из его интервью, опубликованных в журналах «Форум» (N 10), «Страна и мир» (N 3, 1984), из кинофильмов о великом русском кинорежиссере.

геологическую партию. Я работал там коллектором, почти рабочим, в тайге, в Сибири. И это осталось самым лучшим воспоминанием в моей жизни. Мне было тогда 20 лет...

Об отце. Для меня играло, конечно, огромную роль то, что мой отец — поэт. На меня оказали огромное влияние и его поэзия, и его взгляды на русскую литературу, искусство. Мой отец, конечно, сегодня самый большой русский поэт. Вне всяких сомнений. С огромным духовным зарядом. Поэт, для которого самое важное — его внутренняя духовная концепция жизни. Он никогда не писал ничего, чтобы прославиться. Было время, когда стихи Арсения Александровича Тарковского не печатались, — тогда Жданов следил за положением культуры. Совсем недавно стихи отца начали печатать...

Меня спрашивают, не жалею ли я, что не стал музыкантом, дирижером (я хотел бы быть дирижером) или художником. Да, теперь жалею. Мне кажется, что заниматься музыкой было бы легче для меня. Но в детстве я не хотел быть ни музыкантом, ни художником. Нет. У меня в детстве был довольно растительный образ жизни. Я мало размышлял. Я больше чувствовал и как-то воспринимал. Детство всегда прекрасно — как бы ни было нам плохо или хорошо, оно всегда остается самым счастливым временем для нас.

О кино

Я никогда не понимал, что такое кино. Многие, кто шел в институт кинематографии, уже знали, что такое кино. Для меня это была загадка. Более того, когда я закончил институт кинематографический, я уже совсем не знал, что такое кино, — я не чувствовал этого. Не видел в этом своего призвания. Я чувствовал, что меня научили какой-то профессии, понимал, что есть какой-то фокус в этой профессии. Но, чтобы при помощи кино приблизиться к поэзии, музыке, литературе, — у меня не было такого чувства. Не было. Я начал снимать картину «Иваново детство» и по существу не знал, что такое режиссура. Это был поиск совершенно ощупью. Я пробовал. Я искал какие-то моменты соприкосновения с поэзией. После этой картины я почувствовал, что при помощи кино можно прикоснуться к

духовной какой-то субстанции. Поэтому для меня опыт с «Ивановым детством» был исключительно важным. До этого я совсем не знал, что такое кинематограф. Мне и сейчас кажется, что это большая тайна. Впрочем, как и всякое искусство. Лишь в «Ностальгии» я почувствовал, что кинематограф способен в очень большой степени выразить душевное состояние автора. Раньше я не предполагал, что это возможно...

В последнее время я стремился ко все большей простоте в кино. Мне кажется, что в «Сталкере», в «Ностальгии» я добился какого-то аскетизма в конструкции. Мне всегда казалось, что простота — это то, к чему художник должен стремиться, поскольку сам принцип художественного образа строится на том, что мы при помощи ограниченного в материальном смысле явления выражаем неограниченную проблему бесконечности. Именно поэтому я и стремлюсь к простоте и аскетизму...

Мне гораздо милее микро-, чем макромир. Например, я люблю ограниченное пространство. Мне очень нравится отношение к пространству японцев — их умение в маленьком пространстве находить отражение бесконечности... И вода для меня — отражение. Но не только. Может быть, это какая-то древняя память. Вода, речка, ручей — для меня очень много говорят...

Для меня как режиссера очень важны опыт и фильмы Довженко. Очень. Моим учителем был Михаил Ромм. Учитель — это учитель. Это человек, который шесть лет учил меня в институте. Но главное — он научил меня быть самим собой. Это я обязан сказать, когда говорю о моем учителе Ромме...

Кино, пожалуй, самое несчастное из искусств. Кино пользуются как жевательной резинкой, как сигаретами, как вещами, которые покупают. Поэтому принято считать: чтобы картина была хорошей, она должна продаваться. Если же мы думаем о кино как искусстве, такой подход абсурден. Я не отношу себя к режиссерам, которые бы очень гордились коммерческим успехом. Но я не сетую на свою судьбу. Это только в самом начале, после того, как кино появилось, каждая новая картина встречалась зрителем с интересом.

Сегодня мы не можем рассчитывать, что миллионы зрителей будут смотреть только хорошее кино. Очень трудно влезть в шкуру зрителя, увидеть фильм его глазами. Мне кажется, что этого и не нужно. Единственный путь к зрителю для режиссера — это быть самим собой.

*О себе, о любви, о женщине, о родине,
о человеческом опыте*

Я не столько думаю о действительности, сколько пытаюсь ее ощущать; я к ней отношусь, как животное, как ребенок...

Мне кажется, что я недостаточно люблю себя. Тот, кто недостаточно любит себя, не знает цели своего существования, не может, по-моему, любить других. И мне кажется, что я недостаточно люблю себя и поэтому недостаточно люблю окружающих. У меня есть один очень серьезный недостаток — нетерпимость. Я все хочу от нее освободиться, но боюсь, что мне этого не удастся сделать. Мне не хватает терпимости, приходящей со зрелостью. Я очень от этого страдаю и думаю, что именно это мне не позволяет относиться к людям с большей симпатией. Я устал от людей...

Я человек невеселый. Сейчас не время много смеяться, на мой взгляд. Мне не нравится смеяться. Если я вдруг начинаю смеяться, я тотчас же начинаю себя контролировать и ощущаю, что смеюсь не к месту.

Я себе очень не нравлюсь. Недовольство собой помогает мне уходить от себя и искать силы не только в самом себе, но и в том, что окружает меня, что надо мной...

Мне трудно представить себе внутренний мир женщины, но мне кажется, что он должен быть связан с миром мужчины. Одинокая женщина — это ненормально. Если мир женщины отделен от мира мужчины, это значит, что между ними нет ничего общего. Если мир не становится общим, отношения безнадежны. Настоящие отношения меняют весь внутренний мир, а иначе вообще непонятно, для чего все это. Я уверен, что в любом случае внутренний мир женщины очень зависит от чувств, которые она испытывает по отноше-

нию к мужчине, потому что чувство женщины тотально. Она — символ любви, а любовь, по-моему, во всех смыслах самое высшее, что есть у человека на земле...

Я очень люблю свою страну, совершенно не представляю, как можно долго жить вне ее. Я чрезвычайно люблю деревню, в которой жил, которую я называю своей родиной. Не знаю почему, но свою деревню я люблю больше, чем Москву, в которой жил очень долго. Я знаю, что я хотел бы жить на природе, ближе к природе. То, что люди вынуждены жить в больших городах, — это следствие развития нашей цивилизации, но мне кажется, что человечество с самого начала сделало много ошибок...

Еще одна тема, для меня очень важная — опыт. Нельзя воспользоваться опытом наших отцов. Это было бы очень просто. Нельзя передать свой опыт другому. И нельзя заставить человека чувствовать иначе, чем он чувствует. Он должен жить *своей* жизнью.

Об искусстве

Прежде всего, нужно представить себе, что такое искусство. Служит ли оно духовному развитию человека или это соблазн — то, что на русском языке называется словом «прелесть». Трудно в этом разобраться. Толстой считал, что для того, чтобы служить людям, для целей личности высоких — этим не нужно заниматься, а нужно заниматься самосовершенствованием...

Для того, чтобы строить концепцию искусства, следует прежде всего ответить на вопрос гораздо более важный и общий: «В чем смысл нашего существования?» По-моему, смысл нашего существования здесь на земле в том, чтобы духовно возвыситься. А значит, и искусство должно этому служить...

Если бы я изобрел какой-то другой принцип, то и концепцию искусства должен был бы рассматривать по-иному. Но так как смысл нашего существования я определяю именно таким образом, то верю, что искусство должно помогать человеку в его духовном развитии. Искусство должно помочь человеку духовно измениться, вырасти...

Была такая точка зрения: искусство столь же познавательно, как всякие другие (интеллектуальные, духовные) формы жизни на нашей планете. Но я вообще не верю в большие возможности познания. Знание все более и более отвлекает от главной цели, от основной мысли. Чем больше мы знаем — тем меньше мы знаем. Если, к примеру, мы углубляемся, это мешает нам видеть широко. Искусство нужно человеку, чтобы духовно воспарить, возвыситься над самим собой, используя свою свободную волю...

Художник всегда испытывает давление, какое-то излучение. Думаю, в идеальных условиях художник просто не смог бы работать. У него не было бы воздушного пространства. Художник *должен* испытывать какое-то давление. Я не знаю, какое именно, но должен. Если мир в порядке, в гармонии, он не нуждается в искусстве. Можно сказать, что искусство существует лишь потому, что мир плохо устроен.

О самом главном

Любой художник в любом жанре стремится выразить прежде всего внутренний мир человека. Я неожиданно для себя обнаружил, что все эти годы я занимался одним и тем же: пытался рассказать о внутреннем конфликте человека — между духом и материей, между духовными нуждами и необходимостью существовать в этом материальном мире. Этот конфликт является самым главным, потому что он порождает все, все уровни проблем, которые мы имеем в процессе нашей жизни...

Мне кажется, мы можем сказать, что в результате исторического процесса возникла огромная разница между духовным развитием и материальным, научным. И в этом причина нынешнего драматического положения нашей цивилизации. Мы стоим на грани атомного уничтожения, именно в результате разрыва между духовным и материальным...

Лицо мира уже изменено. Никто с этим не спорит. Но вот вопрос: «Если человек все время менял обличье мира, почему же этот мир через тысячелетия оказался в столь драматической ситуации?» Мне кажется, потому что человек, прежде чем менять обличье мира, должен изменить свою собст-

венную суть, свой собственный мир. Вот в чем проблема. Такое впечатление, что мы хотим учить других и не хотим учиться сами.

Когда меня спрашивают: «Может ли искусство изменить мир?», я отвечаю: «Прежде, чем что-либо менять, я должен сам измениться, я должен стать глубже. Только после этого я, быть может, смогу принести пользу». Пока люди и общество не будут развиваться гармонически, пока человечество не начнет развиваться духовно, человек не найдет успокоения и его судьба будет трагической. Дело в том, чтобы уравновесить потребности духовные с потребностями материальными. А как мы можем рассчитывать на какие-то изменения, если мы сами не чувствуем себя духовно высокими? Чтобы преобразить не только себя, надо принести жертву, — только тогда ты сможешь послужить людям.

О последнем

Я совершенно не смог бы жить, если бы знал пророчество о собственной жизни. Видимо, жизнь теряет всякий смысл, если я знаю, как она кончается, — я имею в виду, естественно, свою личную судьбу. В этой детали есть какое-то невероятное, нечеловеческое благородство кого-то, перед кем человек чувствует себя младенцем, беззащитным и охраняемым одновременно. Это сделано для того, чтобы знание наше было неполным, для того, чтобы не осквернять бесконечность, чтобы оставить надежду. Незнание — оно благородно. Знание — вульгарно.

Эпизод из фильма Андрея Тарковского «Жертвоприношение»:

Отец говорит своему сыну:

«Не бойся, сынок! Нет никакой смерти. Есть, правда, страх смерти, и очень он мерзкий, страх этот, и многих заставляет он делать то частенько, чего люди делать были бы не должны...»

СИЛЬНА ЕЩЕ ИНЕРЦИЯ СТИЛЯ

(Беседа с Булатом Окуджавой)

В октябре 1987 г. редактор журнала «Форум» В. Малинкович встретился в Мюнхене с Булатом Окуджавой и попросил его ответить на несколько вопросов.

В. М.: Булат Шалвович, мы только что получили 10-й номер «Нового мира» (к сожалению, с опозданием), и в нем статья Л. Бахнова о Вашем творчестве. Интересно, что автор сравнивает Вашего «Школяра» начала 60-х с рассказами, опубликованными уже в этом году, и находит, что герои там и здесь во многом подобны, а главное — авторское отношение к ним почти не изменилось. Мне же кажется, что в последних рассказах есть не только самоирония, но и какое-то новое отношение — не то, чтобы самобичевание, но горечь, сожаление о том, что Вы когда-то были не совсем таким, каким сегодня хотели бы быть. Так ли это?

Б. О.: Да, конечно. Я был жертвой той эпохи, как и многие, и сейчас это остро ощущаю. В результате и получились эти рассказы. Мне хотелось как-то покаяться. Может, это и есть покаяние своеобразное, хотя и облегченное.

В. М.: Вот именно, покаяние. Лев Аннинский в своей статье о фильме Т. Абуладзе «Покаяние», которую он опубликовал почему-то не в Москве, а в Прибалтике, пишет о том, что он ощущает потребность личного покаяния за прошлое. Хотя сам он, как и Вы, всегда вел себя достойно. Разделяете ли Вы его чувства?

Б. О.: Да, но не только в отношении себя. Личное покаяние необходимо, но необходимо и покаяние массовое, общегосударственное, потому что мы столько натворили зла за нашу жизнь, что нам, прежде чем говорить о движении вперед и развитии, обязательно необходимо покаяться, вспомнить и оценить прошлое и снять с себя этот тяжкий груз

вины. И тогда мы сможем развиваться нормально и двигаться вперед.

В. М.: Но в чем Вам каяться?

Б. О.: Я не творил зла и Иванов не творил, и Петров не творил, но оно натворилось. Я, естественно, не беру на себя ответственность за все, что произошло, но коллективное покаяние необходимо.

В. М.: Сейчас постоянно проводятся параллели между «горбачевской весной» и «хрущевской оттепелью». Что между ними общего и в чем различие?

Б. О.: Это разные вещи. Я думаю, что по качеству своему та «оттепель» была значительней. Потому что изменилось, в результате, качество жизни. После сталинизма наступило совершенно иное время, появились новые точки отсчета. Но как-то это все очень быстро кончилось. А сейчас, я думаю, пошли дальше, но по-моему, эта оттепель или весна — продолжение той «хрущевской» оттепели, после большой заминки.

В. М.: Но как случилась эта заминка? Вы — человек 60-х годов; наше поколение, хотя и моложе, но тоже поколение шестидесятников. Как же это произошло? Где уступили, где мы проявили слабину? Почему многое вернулось к старому, «на круги своя»?

Б. О.: Это естественно. Как вам известно, у нас все это распространяется сверху. А тогда наверху просто испугались размаха, испугались, что выпустили джина из бутылки. Испугались за собственные места, за собственное благополучие.

В. М.: А сейчас не может случиться нечто подобное?

Б. О.: Хочу надеяться, что нет. Хочу верить — не в какие-то там расплывчатые возможности, а в реальную действительность. Сейчас обстоятельства таковы, что не позволяют и, думаю, не позволят вернуться к старому.

В. М.: То есть кризис настолько глубокий, что пути назад нет?

Б. О.: Конечно, обстоятельства очень сложные, и Горбачев это понимает.

В. М.: И тогда и сейчас происходил очень своеобразный процесс. Революция, как говорится, начинается сверху, а общество не готово подхватить, поддержать...

Б. О.: Общество сразу не может подхватить, потому что прошедшие десятилетия многих разочаровали. Общество за это время деградировало. В нем нет, по существу, основы. Поэтому очень многое нужно вкладывать, а это очень сложный процесс. И потому неправы те, кто говорят: «Ах, перестройка... я что-то не вижу сегодня явных результатов». По-моему, это поверхностный взгляд, не достаточно трезвый. Я не хочу утверждать, что скоро обязательно будут результаты, что, скажем, через пять лет будет замечательная жизнь. Я не знаю. Может все остановится, может кончится Бог знает чем. Всего этого я не знаю, но я вижу, что пробивает себе дорогу хорошая тенденция — со скрипом, с противодействием. С очень серьезным, надо сказать, противодействием. И не только наверху, среди начальства какого-то, но и в самом обществе. Да, в самом обществе.

В. М.: Вам не кажется, что и тогда, в середине 60-х, общество не оказало должного сопротивления наступлению реакции. Кажется, что переломным пунктом было дело Синявского-Даниэля. В тот момент, помнится, не все посчитали возможным протестовать. Тогда говорили: Мы, мол, в официальном русле сможем многое сделать». Оказалось, что многое сделать не удалось. И дело Синявского, и особенно чешские события 68-го это доказали.

Б. О.: Да, не получилось тогда.

В. М.: А позже наступил уже полный спад...

Б. О.: Это-то и напугало, это и заставило спохватиться.

В. М.: А сегодня готовы ли держаться, готова ли интеллигенция?

Б. О.: Я опечален тем, что в то время было, как мне кажется, больше интеллигентов, способных на поступки, на действия. Хотя и тогда их было немного. Явно недостаточно перед лицом государства, такого мощного. Но все же их было больше. Теперь, когда открылись новые возможности,

оказалось, что многие устали, многие разочаровались, многие уже не способны на дела.

В. М.: По существу, сегодня актив перестройки составляют люди 60-х годов.

Б. О.: Да, опять они. И не только в публицистике, но и в литературе — люди 60-х. Кто сегодня пришел? — старики пришли.

В. М.: Есть и несколько более молодых. Евгений Попов, например. Петрушевская...

Б. О.: Да, но все же молодых мало. В основном — старики. Но я думаю, что молодежь должна раскачаться. Появляется молодежь, которой нужны год-два, чтобы осмыслить все это и реализовать себя. Мне кажется, что такие люди есть — без этого не бывает.

В. М.: Может быть, за это время молодежь разуверилась вообще, утратила идеалы...

Б. О.: Брежневское время — страшное время.

В. М.: И после всего этого молодых людей трудно привлечь к участию в какой-то общественной деятельности.

Б. О.: Значит, надо уповать не на 30-летних, а на 17-ти и 16-летних.

В. М.: Но иногда кажется, что их интересует только рок-музыка.

Б. О.: Нет, нет. Как это обычно бывает, большинство увлекается массовой культурой. Это всегда так было. Но я думаю: среди молодежи, школьников — много прекрасных людей.

В. М.: И среди студентов. Юрасов, например?

Б. О.: Юрасов — это особый случай. Это единицы — такие люди. Я с ним виделся как раз перед отъездом сюда. Это особый случай.

В. М.: На Западе молодежь 17-20 лет тоже в основном аполитична. По сути, и здесь общественно активны люди 60-х. Особенно левая интеллигенция и те, кто участвовал в молодежном движении 68 года. Сейчас этим людям по 35-40 лет — они и являются самым творческим элементом общества.

Хотелось бы коснуться совсем иной проблемы. Сейчас, буквально в последние месяцы, не наблюдали ли Вы определенного спада в процессе перестройки?

Б. О.: Да, спад очевиден. Но у нас по-разному это воспринимают. Некоторые считают, что это необходимая пауза в связи с юбилейными событиями этого года. Другие же полагают, что это просто повод для того, чтобы начать движение вспять.

В. М.: Вот и в экономике отступление от намеченных целей. Академик Павел Бунич писал об этом недавно в «Московских новостях».

Б. О.: Но ведь без реформ дальше двигаться нельзя.

В. М.: Нельзя. Шахназаров, советник Горбачева, говорил, что и демократизация нужна для экономического подъема.

Б. О.: Будут реформы, не могут не быть. Но может случиться, что все опять растянется на десятилетия и люди устанут. Не случайно Горбачев все время говорит о том, что нужно быстрее, быстрее, быстрее...

В. М.: Создается впечатление, что так он говорил до августа, а потом... Газеты на Западе много писали о печально известной встрече руководителей партии с журналистами 16 сентября, где Лигачев резко упрекнул редактора «Московских новостей» Егора Яковлева, а тот ответил. Речь, якобы, шла о некрологе Виктору Некрасову, под которым стоит и Ваша подпись. Так ли это?

Б. О.: Ну, насчет этой встречи я почти ничего не знаю. Но я знаю, что Егору Яковлеву попало и тогда он позвонил прямо Горбачеву, который находился в то время на отдыхе, и спросил, как быть. Горбачев попросил своего помощника ответить Егору Яковлеву, успокоить его — пусть он продолжает свою редакторскую линию. Это я знаю из первоисточника.

В. М.: Что ж, это действительно очень важная поддержка — поддержка Горбачевым позиции демократически настроенной интеллигенции.

Б. О.: А сейчас вот ушел Алиев...

В. М.: Хорошо ли это?

Б. О.: Замечательно. Это, как говорят, был крупный жулик. Он никогда не поддерживал всех этих начинаний, новых веяний.

В. М.: Это был человек Андропова?

Б. О.: Он еще из доандроповских времен. И это очень хорошо, что его убрали. Теперь позиции Горбачева укрепятся, это поможет ему действовать более решительно.

В. М.: Еще одна тема и, по-моему, очень острая — национальный вопрос. «Форум» особое внимание уделяет этой теме. Довольно сложная сейчас сложилась ситуация. Национальный вопрос, точнее вопрос межнациональных отношений, явно обострился. Наличие проблем сегодня очевидно, но вот решать их явно не готовы.

Б. О.: Вы имеете в виду вопрос крымских татар.

В. М.: И крымских татар, и проблему Прибалтики, и проблемы других республик. Это с одной стороны. А с другой — пресловутая «Память». Вы написали письмо в поддержку крымских татар. Была создана комиссия, но она пока ничего существенного не предложила. В недавнем сообщении о работе этой Государственной комиссии нет ни слова о возвращении крымских татар в Крым.

Б. О.: А было сообщение какое-то? Я ничего не знаю.

В. М.: Да, несколько недель назад. Очень туманное, расплывчатое. Ругают активистов крымскотатарского движения, называют их националистами, повторяют старые упреки. Есть там несколько слов о газетах на крымскотатарском языке, т. е. предлагаются какие-то паллиативы, но главного нет — нет ничего о восстановлении автономной республики в Крыму, о возвращении татар на родину.

Б. О.: Они находятся в очень сложном положении, сразу ничего не могут решить. Все это так запустили, что сразу решить никак нельзя. Я представляю их затруднительное

положение — они вынуждены считаться с общественным мнением, а общественное мнение очень резко настроено против татар — людей так *настроили*.

Я сейчас получаю массу писем от «народа», в которых меня поливают грязью со страшной силой. За попытку защищать крымских татар. Люди таким образом информированы. Я им отвечаю. Вот какой-то Бондаренко из Днепропетровска написал мне. Как это я посмел защищать предателей, убийц и т. д. Я ответил ему: «Уважаемый, скажем, Петр Иванович, у меня к Вам один вопрос: куда выслать весь украинский народ за то, что среди украинцев были полицаи и каратели? С уважением и т. п.» Посылаю. Ответов не бывает, как обычно.

Большинство считает, что *все* крымские татары воевали на стороне немцев. Ну, так им удобнее. На улице одна дама подбежала ко мне: «Вот Вы писали о крымских татарах. Объясните мне, что это такое.» Отвечаю: «Вот так и так. Разве можно весь народ судить из-за каких-то предателей. Предателей надо судить, а не весь народ.» «Не знаю, — говорит дама, — не знаю. Что-то я Вас не понимаю.» И побежала дальше.

В. М.: Но если ничего не менять, то самотеком вообще ничего не пойдет.

Б. О.: Ну, нет. Уже появилось сообщение в прессе о том, что существует крымскотатарский вопрос, что есть какая-то государственная комиссия, т. е. существует проблема, для решения которой нужна такая комиссия. Это уже шаг вперед.

В. М.: Боюсь, что дело зайдет в тупик. Крымские татары не смогут терпеть бесконечно долго. Они уже натерпелись. Они начинали активно добиваться своего еще в 60-е годы.

Б. О.: Я тоже этого боюсь. Сейчас у них появилась надежда, они начали очень бурно бороться. Это понятно, конечно. Но я не представляю, что там, наверху, в данной ситуации можно сделать. Я просто не представляю.

В. М.: Татарам, как минимум, могли бы разрешить вернуться в степной Крым. Там места хватит.

Б. О.: Протестует население Крыма. Боятся резни, боятся столкновений. Да если бы мое желание... Я понимаю:

весь Крым — это территория Бельгии, а в Бельгии живет 11 миллионов, и им там не тесно совсем. А в Крыму только два миллиона. Конечно, решить вопрос можно. Прежде всего следует очень четко заявить, что было совершено преступление против народа, что крымскотатарский народ ни в чем не виноват, что надо восстановить справедливость. И что это вопрос сложный, требующий времени. Решать вопрос надо постепенно, но с такого заявления надо начать.

В. М.: Ваше обращение до сих пор не опубликовано?

Б. О.: Не опубликовано.

В. М.: Боюсь, что если все будет продвигаться в таком темпе, то скоро вновь возникнут конфликты. Крымские татары, наверняка, не отступят. Да и в Прибалтике, и в других республиках национальный вопрос обострился. Его, очевидно, срочно нужно решать.

Б. О.: Может быть это-то и заставит решать вопрос оперативнее.

В. М.: По-моему, о национальных проблемах всерьез даже не говорили.

Б. О.: А разве о чем-нибудь раньше говорили всерьез?

В. М.: Я хотел бы сравнить НЭП двадцатых годов и ленинскую национальную политику того же времени. О НЭПе сейчас говорят много и всерьез. И книги о НЭПе собираются издавать — и Чайнова, и, возможно, Бухарина.

Б. О.: Это правильно, но НЭП, который пытаются начать сейчас, — он ведь тоже половинчатый. Столько ограничений, что никто не хочет ни за что браться.

В. М.: Вы имеете в виду индивидуальную деятельность? Это так, но я хочу сказать о возвращении к *принципам* ленинской новой экономической политики, к товарно-денежным отношениям, хозрасчету и рынку. То есть о ленинском НЭПе сейчас говорят, спорят, собираются целую серию книг издавать. Бухарина практически восстановили в правах, а ведь он — главный идеолог НЭПа.

Что же касается возвращения к принципам ленинской *национальной* политики (а это, по-моему, сегодня единствен-

но реальный способ урегулирования межнациональных отношений), — то об этом никто всерьез не думает, к сожалению.

Б. О.: Это верно.

В. М.: Нет публикаций, разъясняющих, что же означала на практике ленинская политика коренизации, никто не публикует документов по национальному вопросу 20-х годов. Иногда кажется, что и на самом верху об этом ничего не знают.

Б. О.: Я уже говорил об инерции стиля. Вы знаете, это очень серьезно. Никто через себя перешагнуть не решается. Кто-то очень правильно сказал: «В России есть революционная ситуация, но нет революционеров».

В. М.: Есть все же люди — из диссидентов, из правозащитников.

Б. О.: Ну, нет. С ними никто не считается. Речь идет о людях, которые, так сказать, допущены и которые должны уметь. Но не умеют, не умеют. Даже те, кто говорит, что надо многое менять, не знает, как. Никто не понимает, как. Перебороть себя невозможно. Хотят и на березу лезть, и зад не оцарапать.

В. М.: В попытках решить некоторые национальные проблемы участвуют и люди из системы. Например, на Украине — Драч, Павлычко, Дзюба. Вы их, наверное, знаете. Хотя они и действуют в рамках официально дозволенного, им удается кое-что сделать для родной культуры.

Хочу спросить Вас о другом — о шовинистическом обществе «Память». Его поддерживают, к сожалению, некоторые русские писатели, Ваши коллеги...

Б. О.: Я плохо знаю эту организацию. Я у них никогда не бывал, знаю их только по слухам. Мне отвратительны совершенно те их стенограммы, что я читал. Видимо, их кто-то поддерживает.

В. М.: Их поддерживают Астафьев, Белов...

Б. О.: Нет, кто-то еще.

В. М.: Не сомневаюсь в этом.

Б. О.: Хотя теперь начали их понемножку щипать, клевать чуть-чуть. И то хорошо, и то благо.

В. М.: Но на их стороне поддержка крупных писателей, больших писателей.

Б. О.: И крупных писателей, и рядовых граждан.

В. М.: Ну, да. У них все просто, понятно, легко доступно — игра на примитивных эмоциях.

Б. О.: Конечно. К тому же, в тяжелой ситуации всегда удобно на кого-то свалить вину и все наши беды...

В. М.: Любопытно, что сейчас солженицынская тема звучит почти дословно у Ильи Глазунова, а Глазунов...

Б. О.: А Илья Глазунов — один из вдохновителей «Памяти».

В. М.: Хотя он прямо этого не признает.

Б. О.: Да, прямо не признает, но это так.

В. М.: И Астафьев тоже.

Б. О.: Да и Распутин теперь начал защищать «Память». Я думаю, все это — ограниченность какая-то. Не корысть, но ограниченность. Думаю, что серьезный русский интеллигент никогда не мог бы быть близок к этому обществу. Не должен был бы.

В. М.: Не должен был бы, но, к сожалению, такие есть.

Б. О.: Нет. Значит, недостаточно интеллигентен, значит, недостаточно русский. Пусть это и Распутин, и Астафьев...

В. М.: И Бондарев?

Б. О.: И Бондарев. Бондарев — это уже давно. Я их и не сравниваю. Все-таки Распутин и Астафьев талантливы, а Бондарев выродился совершенно.

В. М.: Вы полагаете, что сегодня настоящих русских интеллигентов достаточно?

Б. О.: Нет. Их всегда недостаточно. Особенно в такой сложной ситуации, как у нас сейчас.

В. М. : Играть на примитивных шовинистических инстинктах не сложно, не так ли?

Б. О.: Во-первых, это. Во-вторых, у настоящих русских интеллигентов не всегда бывает пресса под рукой. А это тоже очень важно. Попробовал, например, Игорь Виноградов написать статью, критикующую Белова, а «Новый мир» отверг.

В. М.: Да, и, кажется, вместе с автором. Виноградов вынужден был уйти из журнала.

Б. О.: Да, он ушел.

В. М. : И Анатолий Стреляный тоже вышел из редколлегии в связи с «Памятью» или чем-то в этом же роде?

Б. О.: Стреляный тоже ушел, но не в связи с «Памятью». Там было другое.

В. М.: Печально. Ведь «Новый мир», пожалуй, самый сильный журнал сегодня.

Б. О.: Нет, я думаю, сейчас «Знамя» — самый сильный журнал.

В. М.: Будет, надеюсь.

Б. О.: Нет, он уже сейчас ничего. Насколько позволяют рамки. Разойтись-то не может.

В. М.: Конечно, «Знамя» — самый демократический журнал, но Залыгин проводит линию, которая может привлечь многих. Эту линию я бы назвал *национал-большевизмом*.

Б. О.: Эта линия будет поддерживаться и очень активно.

В. М.: Вы, наверное, читали в 9-м номере «Нового мира» комментарий Чудаковой к новой публикации Михаила Булгакова?

Б. О.: Нет, еще не читал, хотя уже слышал об этом.

В. М.: Там Чудакова вспоминает и цитирует Устрялова, Лежнева — национал-большевиков 20-х годов. И кажется,

что эта линия близка самому Сергею Залыгину. Судя по его роману «После бури». А она может привлечь очень многих людей, к сожалению. «Память», скажем, слишком уж однозна, а линия национал-большевиков многим кажется привлекательной.

Б. О.: Да, вероятно.

В. М.: Еще такая проблема. Недавно в журнале «Октябрь» была опубликована статья Юрия Буртина «Вам, из другого поколения»...

Б. О.: Читал, замечательная статья.

В. М.: Очень важная статья. Хотелось бы сказать автору спасибо за то, что он впервые в советской печати честно написал о демократической оппозиции, сказал, что в те годы, брежневские годы, не перейти в оппозицию было просто неприлично, что каждый порядочный человек должен был так поступить. Он писал, что ответственность за появление оппозиции целиком лежит на Брежнев-Суслове – тех, кто прервал линию, начатую XX съездом. Замечательная статья, но тем не менее диссидентов и сегодня поливают грязью.

Б. О.: Чудесная статья, но была еще в «Московских новостях» статья Карпинского о том, что диссидентом быть не позорно, а наоборот, прекрасно, что наши диссиденты были на уровне нынешней перестройки.

В. М.: И все же на нас, как и раньше, льют грязь. Вот, к примеру, о Георгии Владимове пишут гадкие статьи и не где-нибудь, а в «Литературной газете». Пишут как раз тогда, когда он порвал с действительно не самой приличной организацией – с НТС.

Б. О.: Ну, этим занимаются шелконеры.

В. М.: К сожалению, поддержки с другой стороны не чувствуется.

Б. О.: Не получается. Пока еще ситуация такая, что рано говорить о том, чтобы я, скажем, мог бы выступить открыто. Ведь это еще только самые первые шаги. Мне пришлось быть в Западном Берлине, где была пресс-конференция, и я понял

- по вопросам, по эмоциям, — что многие воспринимают перестройку как уже нечто свершившееся. Мне пришлось их приводить в чувство, говорить о том, что ничего еще нет, что сейчас только начало и многое еще непонятно. Нужны годы.

В. М.: Но эти годы могут стать для многих решающими. Ведь речь идет о человеческих судьбах. Люди еще в неволе. Не может человек ждать бесконечно. И к эмиграции отношение нужно менять. Вот Владимов — большой русский писатель, его книги должны идти к русскому читателю, а его отталкивают, оскорбляют. Раз, другой...

Б. О.: Конечно, конечно.

В. М. : В Берлине на пресс-конференции (мы, кстати, материалы этой пресс-конференции опубликовали) Вы говорили о самом, на мой взгляд, главном — о необходимости восстановить институт уважения личности. Был слух, что появился какой-то полуофициальный комитет прав человека, с которым Вы сотрудничаете. Верно ли это?

Б. О.: Нет. Все это опережает события. Было организовано неформальное общество «Гражданское достоинство». Кто-то из друзей сказал мне, что образовалось такое общество, что у них будет заседание. Не пойду ли я послушать? Я пошел. Собрались вполне достойные люди, говорили о вполне серьезных вещах, но это было в общем-то организационное собрание. Я минут 20-30 там посидел и ушел. Через два-три дня западное радио передало, что организовано новое общество и один из организаторов — Окуджава. Я никакого отношения к этому обществу не имею. Что там у них будет, я не знаю. Планы у них серьезные и цели тоже. Восстановление человеческого достоинства, уважение к правам человека, реформа судебной системы и многое другое. Но как все это будет реализовано в наших условиях — не представляю.

В.М. : Мне кажется, что сейчас внутри общества проходит четкая грань. С одной стороны, бывшие политзаключенные, неформалы (пусть и не все из них были диссидентами), — с другой, люди, которые, подобно Вам, настроены демократически, но из системы не выпали.

Б. О.: Да, это так.

В. М.: Представляется, что единственная возможность создать действительно серьезную демократическую альтернативу — добиться взаимопроникновения.

Б. О.: Конечно, но ведь так и происходит. Медленно, но происходит.

В. М.: Без людей, признанных и уважаемых в официальных кругах, неформалов легче будет раздавить.

Б. О.: И при участии таких людей раздавят тоже, если понадобится.

В. М.: Но это все же щит какой-то и общественная необходимость. Хотя, конечно, и риск.

Б. О.: Этот процесс очень, очень медленно, но происходит.

В. М.: Диссиденты-политэмигранты — люди разных взглядов, позиций. У нас есть какая-то, хотя и ограниченная, возможность влиять на западное общественное мнение. Часть диссидентов, к сожалению, пытается вызвать антипатию к перестройке, неприятие ее. Мол, ничего не происходит, потому что и не может происходить. Я считаю, к примеру, что так называемое «письмо 10-ти» было крайне неудачным.

Б. О.: И я так считаю. Оно было неправильным, хотя все мы знаем, что описанные там проблемы у нас есть.

В. М.: Там были и фактические ошибки, но дело не в этом. Мне кажется, что нужно совсем иное — нужно приветствовать перестройку, то лучшее, что она дает, критически относясь ко всему остальному. Но советская сторона, видимо, боится диалога даже с либеральной частью эмиграции. Диалога прямого, честного. Есть ли, по-Вашему, в стране какие-то организации, какие-то журналы, которые хотели бы начать такой диалог?

Б. О.: Думаю, что это могло бы быть, если бы не «письмо 10-ти», которое многих оттолкнуло. А какие-то тенденции к тому, чтобы начать диалог, были. Это чувствовалось.

В. М.: Но диалог необходим. Не столько нам, сколько им. К примеру, здесь в Германии Лев Копелев пользуется колоссальным авторитетом. К его голосу прислушиваются многие немцы, независимо от партийности. Копелев поддерживает перестройку, а советские продолжают относиться к нему, как к врагу. Какой в этом смысл?

Б. О.: Изменить сейчас что-то невозможно. Еще давно написал я письмо по поводу Юрия Любимова. О том, что его надо вернуть, что это большая утрата для нашего искусства. Я Горбачеву написал это письмо, но ответа никакого не получил. Хотя до этого я писал письмо в защиту Зои Крахмальниковой и получил ответ. А тут реакции не было никакой.

В.М. : Но может быть сейчас Нобелевская премия Иосифу Бродскому заставит их пересмотреть позицию?

Б. О.: Я не знаю, как они будут реагировать. Может быть, будут плевать.

В. М.: Но это же просто глупо. Поляки поступили умнее и признали лауреатство Чеслава Милоша .

Б. О. : Это уже другой вопрос. Я перед отъездом в «Новом мире» видел большую подборку стихов Бродского, готовую к публикации. Теперь произошло это. Не заставит ли их амбиция возмутиться и пойти на попятную.

В. М.: Вы говорите «их». И у нас в эмиграции диссиденты часто говорят, обобщая: «их», «они». Думаю, что как раз сейчас люди там, наверху, разные. Есть там, вероятно, и те, кто искренне заинтересован в демократизации, не так ли?

Б.О. : Есть, конечно. И всё же трудно. У нас централизованное государство. И за это борются. И всякая попытка эту централизацию ослабить, вызывает страх.

В. М.: Но если это государство останется таким, как прежде, то, очевидно, из реформ ничего не выйдет.

Б. О.: Правильно. Это их беда.

В. М.: И их беда, и наша беда. Страна на краю пропасти.

Б. О.: Они это сознают. Хотят и это сделать, и то сохранить. Не знаю, что из этого получится.

В. М.: Они вынуждены будут, мне кажется, пойти на компромисс.

Б. О.: Вынуждены, но путь не будет прямым, а с падениями, с падениями...

В. М.: Но и со стороны общества необходимо давление.

Б. О.: Есть это со стороны общества. Даже со стороны нашего общества есть какие-то попытки двигаться вперед. Мы начинаем учиться считаться с общественным мнением. То есть пытаемся выработать этот институт, которого у нас до сих пор не существовало. Официально пытаемся это делать — по телевидению, в газетах. Пытаемся создать этот институт. Это уже хорошо.

В. М.: Но до сих пор ни одно неформальное общество не было зарегистрировано.

Б.О. : Нет, не было. Вот и наше кооперативное издательство. Растрезвонили, а теперь пошли на понятную.

В. М.: Не будет издательства?

Б. О.: Может, будет, а может, не будет. Я не знаю. Возможно, будет еще одна волна, и дело пойдет. Но пока его нет. Видимо, кто-то там подсказал, что это лишит их контроля.

В. М.: Заканчивая, скажем: повсюду большой вопросительный знак.

Б. О. : Большой вопросительный знак и большой восклицательный знак, все-таки.

октябрь, 1987

Марк Захаров, Олег Табаков, Валерий Фокин

ПЕРЕСТРОЙКА В СОВЕТСКОМ ТЕАТРЕ

В январе-феврале 1988 года в Мюнхене (ФРГ) проходили дни московского театра. На сцене баварской столицы были показаны спектакли «Говори!» А. Буравского, «Спортивные сцены» Э. Радзинского, «Вагочик» Н. Павловой, «Эмигранты» С. Мрожека, «Чинзано» Л. Петрушевской, «Жаворонок» Ж. Ануя, «Диктатура совести» М. Шатрова, «Собачье сердце» по повести М. Булгакова и др. 23 января ведущие советские режиссеры Марк Захаров, Олег Табаков и Валерий Фокин встретились со зрителями и ответили на их вопросы. Мы публикуем сокращенную запись дискуссии.

Марк Захаров: ...У нас сейчас происходят очень радостные, очень мучительные, очень трудные процессы формирования нового советского государства. Но надо сказать, что и существуют сейчас в нашей стране довольно мощные силы, которые бы не хотели революции, а хотели бы произвести некоторый косметический ремонт. Это главный водораздел, фронт борьбы. И очень хорошо, что мы привезли сюда, по выбору наших немецких друзей, те спектакли, которые в какой-то степени отражают те мучительные и сложные процессы, что происходят у нас. Борьба идет очень трудная, с постоянными колебаниями. То побеждают люди, которые хотят углубить перестройку, то им наносят контрудары.

Я хотел бы сказать, что кроме тех спектаклей, которые мы привезли сюда и которые вы видели или увидите (например, спектакль, который я представляю, — «Диктатура совести» по пьесе Михаила Шатрова, драматурга, лидирующего сегодня в жанре политического спектакля, политического театра, — имеет интересную судьбу: он был выпущен до XXVII съезда нашей партии, сразу же запрещен нашими цензурными органами и с большим трудом потом появился на свет), кроме этих спектаклей, в Москве, в нашей стране ведутся сейчас интересные поиски в области театра. Я

бы хотел назвать имя Льва Додина, замечательного ленинградского режиссера, который возглавляет Малый драматический театр в Ленинграде. Надо сказать, что все мы с очень большим вниманием и уважением относимся к поискам Анатолия Васильева. Очень интересно работает в Тбилиси Роберт Стуруа. Есть и еще ряд интересных свершений, в том числе очень неожиданных, — например, в Якутии, на севере страны, где по всем, так сказать, разумным прогнозам ничего хорошего быть не может. В Якутии появился новый коллектив театральный под руководством режиссера Петрова, который работает на уровне европейских стандартов. Так что есть обнадеживающие какие-то процессы, какие-то начинания, какие-то новости в нашем театре. Конечно, театр впрямую не связан с экономикой и с государственными переустройствами, но тем не менее, так или иначе он (в России так всегда было) отражает те общественные процессы, те социальные сдвиги, которые у нас происходят.

Вопрос: Полтора года назад член Политбюро ЦК и секретарь по идеологии Лигачев в журнале «Театр» опубликовал статью, где сказано, что советскому театру не нужны пьесы, которые показывают «узкий мирок, подсмотренный в замочную скважину». Направлено это выступление, в основном, против, по-видимому, «поствампиловцев» и Людмилы Петрушевской. Почти в то же время критик Игорь Дедков также опубликовал статью, в которой утверждает, что натурализм Петрушевской и других «поствампиловцев» противоречит традициям русской литературы и русского театра. Считаете ли вы, что советский театр действительно должен быть ограничен в выборе тем и выборе средств выражения?

М. Захаров: У нас наступил в жизни такой момент, что в общем мы не боимся спорить даже с членами Политбюро. И поэтому, если кто-то из членов Политбюро высказывает какие-то суждения, с которыми мы не согласны, мы не боимся по тем или иным каналам — в печати или устно — это оспаривать. И я думаю, что с этой точкой зрения на какие-то произведения негативного, так сказать, характера, которые

якобы нам мешают, портят наш литературный вкус, ухудшают идеологическую, общественную, духовную обстановку в стране, с этой тенденцией ведется борьба не только на уровне спора, дискуссий, деклараций, но и на уровне практических поступков. Если Союзу театральных деятелей СССР удалось привезти в Мюнхен такие спектакли как «Вагончик», как «Чинзано», то это говорит о том, что силы примерно равны и, может быть, уже намечается перевес в сторону тех, кто считает, что наша театральная картина должна быть широкой, разнообразной и процессы должны протекать очень по-разному — во всех жанрах, с использованием всех способов современной сценической выразительности, включая и то, как проявляет себя такая интересная творческая индивидуальность, как Петрушевская.

В. Фокин: Я хотел бы добавить буквально два слова. Мне кажется (Марк Захаров об этом уже сказал), что надо всем у себя дома привыкать к тому, что ни у кого не должно быть монополии на мысль, на точку зрения и на вкус. Касается это всех — студента, школьника или одного из руководителей нашего государства. Скажем, два с половиной года назад спектакль «Говори!», так же как и «Диктатура совести» выпущенный перед XVII съездом партии, был на грани запрещения. И был приезд тогдашнего руководителя нашей московской партийной организации Бориса Ельцина, который принял этот спектакль, и с его разрешения этот спектакль был как бы легализован. Я подумал тогда: «Ну, а что если бы Ельцину не понравился спектакль? Наверное, этот спектакль не вышел бы к зрителю. Я вспомнил тогда о том, и даже где-то об этом говорил, что в свое время Ленину не понравился спектакль первой студии МХАТ «Сверчок на печи» Диккенса. Он сказал тогда, что в такое серьезное время подобная сентиментальная мелодрама его раздражает и он не видит в этом ничего интересного. Я не цитирую его точно, а передаю смысл. Однако первая студия продолжала играть и этот спектакль, и другие — и ничего не произошло. Когда тот же Борис Ельцин приехал на спектакль «Спортивные сцены», он ему не понравился. Эти проблемы он не воспринял. Но я очень рад, что мы играем этот спектакль. И

никаких санкций, никаких запрещений со стороны чиновников, которые бы три года назад с радостью схватились бы за подобную точку зрения, не было. Поэтому я думаю, что статья в журнале «Театр» просто выражает точку зрения Лигачева на тот или иной вид драматургии. У нас есть своя точка зрения...

Вопрос: У каждой свободы есть свои пределы. И мне хотелось бы спросить, где вы в настоящее время видите пределы той свободы, которая вам дана или которой вы добились, в составлении репертуаров ваших театров? Есть такое понятие как самоцензура. Она существует не только в Советском Союзе и не только в наше время. И надо полагать, что эта проблема, существует и у вас, и занимает вас. Где сейчас вы видите пределы этой вашей свободы? Стесняют ли вас эти пределы? Думаете ли вы, что вам удастся их расширить? Попробую привести конкретные примеры. Когда возвращались американские ветераны из Вьетнама, в Америке ставили пьесы и фильмы на тему вьетнамской войны. Допустим, какой-нибудь молодой ветеран возвращается из Афганистана, пишет пьесу об этом, предлагает вашему театру. Или какой-нибудь драматург вздумает поставить вопрос (я не говорю: будет оспаривать или агитировать против, но лишь поставит вопрос): «Должно ли кончаться исследование вопроса, как и почему у нас случилось то, что у нас произошло, только Сталиным или нужно идти и дальше вглубь времени?» Вот это два конкретных примера, которыми я хотел пояснить свой вопрос.

М. Захаров: Процесс оздоровления нашей духовной жизни, процесс демократизации и перестройки, идет вроде бы очень замедленно. Мы иногда очень печалимся по этому поводу. Мы, конечно, хотим быстрее перемен. Но вместе с тем почти каждый месяц приносит какой-то свой новый нюанс. Вот сейчас таким нюансом для меня лично, в моем личном субъективном ощущении, стала пьеса Михаила Шатрова, только что опубликованная в журнале «Знамя», но еще не поставленная нигде, — «Дальше, дальше, дальше». Вопрос этот является самым, может быть, глубинным вопросом; особенно важна та реакция на эту пьесу, которая у

нас возникла. Вопрос сводится к следующему: не объявить ли 37-й год периодом самых жестоких и страшных трагических репрессий в нашей истории, своеобразным заповедником зла, где происходили ошибки, которые мы все осуждаем, а все остальные годы нашего развития объявить как бы закономерностью объективного исторического процесса, в целом позитивного, правильного. И вот критическая реплика в газете «Правда» (10. 1. 1988) против пьесы Шатрова сводилась именно к этому. Одно конкретное лицо не может изменить ход исторического процесса. Алфавитная истина марксизма-де. Это объективный, закономерный ход истории, и не нужно его опровергать, ниспровергать, искать в нем аномалий или думать о каких-то альтернативах. Вот это сейчас исторический вопрос нашей новейшей истории — он является как бы моментом очень жестокой схватки, борьбы идеологической, исторической, любой, какой угодно. Сейчас трудно сказать, чем это кончится. Мы все оптимисты и надеемся на успех, хотя дело, конечно, не в пьесе Шатрова. Пьесу можно принимать или не принимать по каким-то чисто драматургическим, художественным моментам, но вот этот болевой исторический вопрос, он сейчас существует. И если роману писателя Рыбакова «Дети Арбата» не был дан открытый бой в нашей прессе, то, как мне кажется (это мое личное, субъективное ощущение), бой как раз решили дать пьесе Шатрова, потому что отступать дальше некуда. Это может привести к возникновению различных политических и исторических концепций, чего, естественно, не хотели бы очень многие люди, которые сопротивляются процессу перестройки. А второй вопрос — в отношении Афганистана. Лично мне кажется, что усилиями нашего нового руководства преодолеваются все возможные, как говорил Горбачев, исторические реальности, через которые иногда очень трудно перепрыгнуть. У большой державы есть свои проблемы, которые она не может очень быстро решить. Я тем не менее уверен, что в ближайшее время эта война закончится. Меня беспокоит в ней другое: война, несмотря на то, что она сопутствовала всей истории человечества, калечит разум, иногда наносит непоправимый урон человеческому сознанию.

Люди, возвращающиеся из Афганистана (не все, но некоторые), ищут какого-то выхода для своей энергии. Каждая война воспитывает какое-то поколение, которое несет на себе болезни этой войны. Нас беспокоят некоторые проблемы нашей молодежи и, в частности, воздействие некоторых людей, вернувшихся из Афганистана, — некоторая ставка на силу, ставка на накачивание бицепсов, на формирование неких неформальных молодежных объединений, которые полагаются на свою чисто спортивную силу и выносливость в решении важных государственных, социальных, общественных вопросов. Мнение мое глубоко субъективное и принадлежит только мне.

О. Табаков: Может быть, я скажу еще два слова? Попытаюсь ответить на ваш вопрос. Знаете, у Достоевского есть такие слова: «Что такое стыд? Это гнев, обращенный вовнутрь.» Дальше он писал так: «Когда начинает стыдиться нация, совершается революция.» Так что мы делаем шаги по этому пути. И пожелайте нам доброго пути.

Вопрос: Как отнеслись ваши органы к вашему желанию выехать к нам и что ожидают они от вашего выступления?

М. Захаров: Несмотря на то, что я лично очень много раз испытывал на себе давление наших цензурных и других государственных инстанций и мне в какое-то время показалось, что я выучил уже логику некоторых государственных органов, но все-таки до конца понять, что там у них в головах происходит и какие мысли рождаются, невозможно. Когда мы выпускали спектакль «Оптимистическая трагедия», мы повесили много старых фотографий русских моряков, которые начинались в фойе и кончались у нас на сцене, за линией, так сказать, горизонта и задника. Я предполагал большое количество претензий, но чтобы мне сказали проверить изображение каждого — нет ли там меньшевика, эсера или контрреволюционера, я не мог предположить. Что думают о нас недоброжелатели, мне сказать трудно, но я хочу сказать, что не могу представить всех работников нашего министерства ретроградами или какими-то ортодоксами. Там есть много здоровых людей,

здоровых своим разумом, которые старались помогать даже таким людям, что, к сожалению, вынуждены были уехать, — таким как Тарковский, как Галич, как Владимов, как Войнович. Особенно Войновича мне жалко — точнее, жалко, что советская литература его потеряла. Но мы, между прочим, еще надеемся на его возвращение, как и на возможное возвращение многих людей, которые уехали от нас и захотят вернуться. Я думаю, что и такой наступит момент в нашей истории.

Вопрос о том, насколько прочно положение Горбачева.

В. Фокин: Насколько прочно сидит Горбачев, мне сказать, честно говоря, сложно, хотя я, как и многие мои товарищи, жители нашей страны (думаю, что сегодня и жители других стран), желают ему всячески, чтобы он сидел прочно, плотно и как можно дольше. Это я говорю абсолютно искренно и абсолютно серьезно. Что касается врагов перестройки, то их, наверное, можно сегодня даже классифицировать по видам. Их достаточно много, потому что речь идет о том, что касается их личного положения. Речь идет о том, что затрагивается вопрос их места в жизни, в работе. Речь идет о том, что они (и многие из них в этом не виноваты) ничего не умеют, — они «голые короли», они дутые фигуры и т. д. и т. п. Как вы понимаете, когда вопрос встает столь серьезно, когда он касается лично человека, лично его семьи, его положения и т. д., — это вопрос уже жизни и смерти. Поэтому сопротивление врагов принимает самые прихотливые и разнообразные формы. Сегодня нет ни одного человека, который сказал бы, что он против перестройки. Это невозможно. Но сегодня слова остаются для многих словами, а противодействие осуществляется и в кабинетах, и на среднем уровне чиновничьем — от этих чиновников очень многое зависит, потому что решения наверху должны быть реализованы кем-то. И это уже вопрос изменения психологии, а это очень сложная проблема. Было бы смешно сказать, что я верю в то, что мы победим стопроцентно, но я понимаю, как и мои товарищи, что другого пути для нас нет и что надо сделать все возможное, для того, чтобы давать отпор. И во что бы то ни стало нужно

быть до конца смелыми. Это очень сложно, потому что сейчас, когда мы стали получать в театрах самостоятельность и многие вопросы мне не надо согласовывать с министерством культуры, как было раньше, я сам ловлю себя на том, что иногда моя рука тянется к телефону, чтобы позвонить в министерство и в частном порядке быстро решить ту или иную проблему? Потом я хватаю себя за руку и говорю: «Зачем ты это делаешь? Они должны проблему решить, или ты должен решить? Не надо никого ни о чем просить. Не надо пытаться устанавливать, как раньше, «свои» взаимоотношения, где есть «одна мораль» и «другая мораль». Это сложный процесс. Надо разворачивать все мозги наоборот. Но мы сделаем все, чтобы эти мозги мы развернули.

О. Табаков: Два слова хочу добавить. Когда вы спрашиваете конкретно, насколько мощны силы, противостоящие перестройке, то я приведу вам цифру — 18 миллионов. Это количество нашего чиновничьего аппарата. У них есть дети, родственники со стороны жены, друзья. Так что прикиньте эту цифру. Она достаточно внушительна. Это с одной стороны, но с другой стороны, знаете, один любимый мною поэт сказал: «Если Горбачев рискует, почему бы и мне не рискнуть?» Я полагаю, что в моей жизни, — а мне 53-ий год и у меня двое детей, — наверное, это последний шанс изменить мою страну к лучшему, сделать ее добрее, человечнее, шире, гуманнее.

Вопрос об обществе «Память».

О. Табаков: Я думаю, что моя поверхностная информация о целях и задачах общества «Память» является для меня негативной. Я отношусь к этому без интереса и даже брезгливо, как всегда русская интеллигенция относилась к любому проявлению антисемитизма.

М. Захаров: Я хотел бы добавить, что там есть какие-то моменты, привлекательные для народа советского сейчас, потому что мы вместе с бурями революции выплеснули очень дорогие вещи для нашей культурной памяти. Мы изуродовали названия многих городов, улиц, мы нанесли

очень сильный удар по словесности, по русской, мы расстались с очень интересными, важными и нужными для нашего духа достижениями наших предков. Это касается и религиозных сооружений, и наших храмов, и вообще нашей старины. И потому естественно общее стремление к восстановлению этих утрат. К сожалению, нет еще каких-то серьезных правительственных акций по восстановлению. Такая работа ведется, но она слишком медленно ведется, и поэтому «Память» опирается вот на эту неудовлетворенность, которая объективно существует в стране. Но суть и смысл этого явления абсолютно точно передал Олег Табаков. И это суждение подавляющего большинства интеллигентов и, думаю, мнение всего народа.

Вопрос: Не возникнет ли волна ненависти к тем, кто несет ответственность за беды страны?

В. Фокин: Вы знаете, я не думаю, что будет волна ненависти. Мы слишком долго ждали момента, когда можно начать жить по-другому, и нам надо успеть жить по-другому. Жизнь ведь одна. Поэтому, если мы будем думать еще о том, как отомстить тем, кто что-то когда-то сделал, это нас будет отвлекать. Лучше мы сосредоточимся сейчас на том, что нам необходимо сделать. Я такой придерживаюсь точки зрения.

Вопрос о том, как будут существовать теперь авторы (художники, драматурги, писатели), которые создали себе авторитет в «период застоя».

В. Фокин: Я думаю, что им, наверное, придется сегодня очень серьезно думать о своей художественной состоятельности. Потому что сегодня, в условиях конкуренции, которая уже проявляется и обязательно будет проявляться, потребуется от них соответствие живой жизни. Придется им называть вещи своими именами: «Либо ты художник, и ты можешь, либо отойди в сторону, и все твои прошлые заслуги должны быть зачеркнуты». Конечно, они будут этому очень сопротивляться. Они уже этому сопротивляются. Но другого выхода нет. Я думаю о том, почему многие наши драматурги (исключение, пожалуй, составляют только несколько человек, среди них — Михаил Шатров) в последние два с половиной года молчат и ничего не написали. С одной

стороны, это объясняется тем, что они как бы еще проживают этот момент — не хотят быть такими графоманами, поспешными людьми. С другой стороны, многим из них нечего сказать. Парадокс заключается в том, что, когда трудно было говорить, — то можно было сослаться на то, что тебе не дают. Когда есть возможность говорить — то надо, чтобы было *что* говорить.

Вопрос об отношении к событиям в Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г.

В. Фокин: Что касается Чехословакии и Венгрии и событий, которые там происходили, то мы об этом уже сегодня пишем. Может быть, еще пока не столь широко и определенно, но в нашей печати появляются по этому поводу и комментарии, и сообщения. Это сложные события, которые, наверное, однозначно трактовать трудно, но я думаю, что соответствующую правдивую оценку они получают.

Вопрос: Выбор пьес, представленных в Мюнхене, отражает ли театральную ситуацию в Москве и вообще в СССР?

В. Фокин: Мне кажется, что, в общем, да, эти пьесы характеризуют сегодняшнюю ситуацию театральную в Москве. Хотя, я думаю, можно было бы еще назвать два-три спектакля (не больше), которые появились совсем в последнее время. Но этот круг спектаклей — и театров больших, и театров-студий — в целом характеризует то состояние, которое сегодня существует в наших театрах...

23 января 1988 г., Мюнхен

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ЭМИГРАЦИИ

В первый же год жизни в Нью-Йорке судьба подарила мне множество интересных встреч. Это — царский подарок, в условиях эмиграции особенно. Первую встречу я затрудняюсь даже назвать интервью. Это была просто задушевная беседа за чашкой чая с медом. Я даже не решилась поставить на стол магнитофон, опасаясь нарушить особую доверительную теплоту этого незабываемого вечера. Моим собеседником был Мстислав Ростропович. Потом последовали другие встречи. Одних я не искала, других — добивалась. Но во всех случаях это были встречи с яркими, талантливыми, незаурядными людьми.

Обнаружилась поразительная закономерность: цвет общества, гордость и слава русской культуры оказались в эмиграции. Все они — без различия национальности — оказались в оппозиции к коммунистическому режиму.

Среди интервьюируемых мной людей не было диссидентов в полном смысле слова. Это были люди искусства. Они мечтали об одном — о возможности свободно творить. Как могли, они охраняли свой талант от посягательств режима. Но на каком-то этапе они сочли для себя противоестественной, аморальной жизнь в советском обществе и оказались в эмиграции.

Мы, эмигранты третьей волны, далеки от мысли кричать по этому поводу: «Ура! Нашего полку прибыло». Радоваться тут нечему: место художника — у него на родине, вместе со своим народом, для которого он призван жить и творить. Но и посыпать голову пеплом, я думаю, нет оснований. Курилка — жив! Вытолкнутый из своей страны, русский писатель продолжает жить и творить — для своего читателя, оставшегося далеко на Востоке. И его слово доходит по назначению — слишком уж истончился железный занавес, разделяющий два мира, того и гляди рухнет.

Разжалованный за «Метрополь» Аксенов переживает сейчас поздний ренессанс — его романы «Скажи изюм» и «В поисках грустного бэби» говорят о том, что мы имеем дело не со «звездным мальчиком», но зрелым литературным мужем. Юрий Любимов, в виде особой милости выпущенный однажды в Югославию, объездил теперь многократно весь мир — его буквально рвут на части, и заказов ему хватит, по его собственному признанию, до конца дней. Совсем недавно очень широко и очень тепло отметили семидесятилетие Любимова в Израиле.

И, наконец, ошеломляющая радость: «тунеядцу» Иосифу Бродскому дали Нобелевскую премию! На нашей эмигрантской улице праздник. Праздник сегодня для всей единой и неделимой, великой русской литературы.

октябрь, 1987

ИНТЕРВЬЮ С ВАСИЛИЕМ АКСЕНОВЫМ

Почти четверть века Василий Аксенов был одним из самых популярных советских писателей. Особенно любила Аксенова молодежь, которая видела в нем выразителя своих мыслей и чаяний. Журналы, в которых печатались рассказы и повести Аксенова, были нарасхват, по его сценариям ставились кинофильмы, его пьесы шли в театрах. Советская власть любила Аксенова и казалось, так будет всегда...

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА о лишении гражданства СССР АКСЕНОВА В. П.

Учитывая, что Аксенов В. П. систематически занимается враждебной советскому народу деятельностью... за действия, порочащие высокое звание гражданина СССР, лишить гражданства СССР Аксенова В. П., 1932 г. рожд., уроженца г. Казани, временно проживающего в США.

Ведомости Верховного Совета от 14 января 1981 года.

Так уж издавна повелось на Руси — казнить провинившегося писателя. Когда прямым убийством, когда — наветом и ссылкой. Советская власть придумала новый,

усовершенствованный вид казни — изгнание. Одни за другим вынуждены были покинуть страну Солженицын, Бродский, Галич, Некрасов, Войнович, Владимов, Аксенов — цвет русской литературы, ее гордость. Они с удовольствием разогнали бы и остальных — за ненадобностью. Оставили бы только тех, кто им нужен, — серых, безликих поденщиков, борзописцев «великой эпохи».

Но русская литература оказалась живучей. Вопреки ожиданиям и прогнозам, она продолжается за рубежом — в Европе и Америке. Она будет жива, доколе жив русский язык, который нельзя ни казнить, ни сослать.

О месте русского писателя в Америке и, вообще, на Западе — наш разговор с Василием Павловичем Аксеновым.

Белла Езерская: Вот Вы, известный советский писатель, оказались в изгнании. Как Вы переносите отрыв от родного языка, от привычной среды, от читателя, обожавшего Вас? Не ощущаете ли Вы это, как трагедию?

Василий Аксенов: Нет, знаете ли, как ни странно. Эмиграция — мне уже приходилось говорить об этом — дает писателю неожиданные преимущества. Конечно, мы многое потеряли и есть угроза дальнейших потерь. Но, с другой стороны, мы и приобрели колоссально много. Русский писатель из атмосферы многолетней искусственной изоляции впервые попал в широкий мир. Ему не грозит опасность ассимилироваться в какой-нибудь другой культуре. Это исключено. Он будет, пока жив, представлять русскую культуру, русскую литературу, но в несколько ином качестве — «бродяги», космополита. Я считаю, что вообще нет лучшей судьбы для современного писателя, чем судьба космополита, Гражданина Мира. Писатель не должен принадлежать только своей стране, он должен принадлежать всему миру. Эта неприкаянность, в которой мы очутились, открыла перед нами новые горизонты. Она дала нам возможность вытащить нашу литературу из того болота, в которое ее затолкала советская власть. И еще одно обстоятельство надо учесть, когда мы говорим о писателе за рубежом. В своей стране — будь то Советский Союз или Америка — писатель превращается в некое привилегирован-

ное существо. В этакое домашнее животное. Общество ласкает, лелеет его. Он, со своей стороны, начинает играть ту роль, которую оно, общество, от него ждет. Он привыкает к своему положению избранника, к своему комфорту; он ощущает себя всеобщим баловнем, любимчиком. И он останавливается в своем развитии, потому что ему некуда дальше стремиться. Я считаю, что писатель должен всегда ощущать сопротивление общества.

Б. Е.: Вы считаете, что это стимулирует?

В. А.: С моей точки зрения — безусловно. Надо начинать все сначала. Проходить весь путь заново.

Б. Е.: К какому читателю собираетесь адресоваться здесь на Западе? И вообще — где он, *Ваш* читатель? В метрополии? В эмиграции? Кто он? Русский интеллигент, средний американец? Там он у Вас был. Вы сами формировали его в течение двух десятилетий. Он был, действительно, «многомиллионный», как любит писать советская пресса. Теперь он — там, а Вы — здесь.

В. А.: Вы правы. Каждый писатель формирует своего читателя. *Мой* читатель был духовно близок мне. Это был молодой интеллектуал. Я его видел повсюду — в научных городках, в институтах, в Москве, в Сибири, в Крыму. Я узнавал его в лицо. Это был *мой* читатель. И сейчас я, собственно говоря, пишу для того же читателя. Он повзрослел, даже постарел, но это все тот же человек. И знаете, что я заметил? В последнее время *моих* читателей там становилось все меньше. Я все реже различал знакомые лица. Так что можно сказать, что я уехал вслед за своим читателем. Теперь об иностранном читателе. Меня довольно много переводят. За эти годы я был переведен на 30 языков. И меня радует, что я все чаще встречаю *своего* читателя в американской аудитории. Ну, и, наконец, читатель, оставшийся там. Наш главный читатель. Из Союза мне пишут, что книги циркулируют подпольно, читаются, перечитываются, копируются. Мне рассказывали случай, когда один москвич специально приехал в Ленинград — дочитать несколько десятков страниц «Ожога», которые он не успел прочитать раньше. Пишут, что даже подпольные студенческие семинары устраиваются по моим книгам.

Б. Е.: Да, там эффективность каждой книги огромна. Жаль, что попадают туда единицы.

В. А.: Это все Советы виноваты. Запретный плод всегда сладок. Если бы они пропускали книги через границу, возможно, не было бы такого ажиотажа.

Б. Е.: Какие причины побудили Вас к эмиграции?

В. А.: Очень просто: КГБ предупредил меня, чтобы я не вздумал публиковать на Западе свой роман «Ожог». Они начали терроризировать меня.

Б. Е.: Они угрожали Вам депортацией?

В. А.: Они не уточняли, но намекнули, что в этом случае им придется сказать мне «до свиданья».

Б. Е.: А Вы предполагали опубликовать роман на Западе?

В. А.: Нет, я понимал, что эта публикация вызовет скандал и какие-то необратимые изменения в моей жизни. Я очень долго тянул с передачей моей книги на Запад. Ведь «Ожог» был написан в 75 году! Он циркулировал в кругу близких мне людей. Потом я наконец решился, но согласия на публикацию не давал.

Б. Е.: А могло случиться так, что роман был бы опубликован без Вашего согласия?

В. А.: Это было абсолютно исключено. Так вот, однажды ко мне являются двое в штатском и говорят, что они прочитали рукопись моего романа (а всего-то на руках ходило четыре экземпляра, но они все могут достать!). И чтобы я не вздумал публиковать книгу на Западе. Я наивно так говорю: почему бы, мол, не опубликовать ее в Советском Союзе? Они опешили, замялись, а потом один из них нашелся: не поймут Вас, Василий Павлович, здесь, не поймут. Ну, а потом на эту историю наложился скандал с «Метрополем». Это уже вызвало их бешенство. Они решили, что это моя затея — чтоб отвлечь их внимание от «Ожога». Они почему-то считали меня главным в этой затее, хотя это было не так: я был лишь одним из организаторов «Метрополя».

Б. Е.: Почему их привел в ярость этот совершенно аполитичный альманах?

В. А.: Потому что это была массированная попытка прорваться через цензуру. Беспрецедентный в советской литературе случай. Такого еще не было, чтобы 23 автора, половина из которых — члены Союза писателей, предприняли, в обход цензуры, свое собственное издание. Это был всесоюзный скандал. Альманах этот был напечатан здесь, в издательстве «Ардис».

Б. Е.: Вы считаете, что официальным путем «Метрополь» никогда не увидел бы света?

В. А.: Вне всякого сомнения. Мы довольно осторожно отбирали вещи для альманаха. Мы не включали ничего с политическим уклоном. Нам хотелось сохранить видимость открытого сотрудничества. Дескать, мы не разрушаем, а только предлагаем некоторые улучшения. Мы не хотим взрывать все здание, мы только хотим открыть окна, чтобы не воняло так сильно, — вот ведь какая была главная идея. Конечно, в одиночку нам было не пробиться. Большинство рукописей, включенных в «Метрополь», годами циркулировали по издательствам и редакциям. Например, «Ступени» Горенштейна, книги наших молодых авторов Попова и Ерофеева. Генрих Сапгир не мог пробиться годами. Евгению Рейну 25 (!) лет обещали выпустить его *первую* книгу, а ведь это большой поэт, один из самых больших поэтов современной России. Да что там говорить — даже Андрей Битов, один из самых популярных писателей, много и открыто печатающийся, и тот годами не может пробить свои лучшие вещи. Да и у меня две трети моих работ лежало в столе. Лучших работ. В журналах кое-что еще удавалось пробить, но книги не издавались.

Б. Е.: Последнее, что я прочитала в «Новом мире», был роман «В поисках жанра».

В. А.: Да, он был опубликован в «Новом мире» №1 за 1978 год. С этим романом произошла, кстати сказать, странная история. В конце 1977 года я был в командировке в Западном Берлине. А потом поехал в Париж — *без разрешения*. Разыгрался скандал. Верстку романа выбросили из «Нового мира». Из Парижа я послал телеграмму: «Требую возвращения романа в журнал». И дал интервью «Голосу

Америки». И что Вы думаете? Напечатали - таки! Боялись, верно, что я останусь на Западе.

Б. Е.: А Вы действительно могли остаться?

В. А.: У меня было сколько угодно таких возможностей. Я ведь очень много ездил. За какую-то провинность мою визу закрывали лет на пять, потом снова открывали. Но, как ни странно, у меня никогда не было желания остаться на Западе. Никогда.

Б. Е.: В чем Вы видите разницу в положении писателя в СССР и в свободном мире?

В. А.: В понимании свободы. Вот меня часто спрашивают журналисты: «Теперь вы абсолютно свободны, как вам пишется?» А я последние десять лет писал уже будучи абсолютно свободным. Внутренне свободным.

Б. Е.: Писали — «в стол»?

В. А.: Да, пусть «в стол». Но писал то, что я хочу. Писал, как свободный человек. Тогда я освободился от самоцензуры, от цензуры, от всего, что мешало мне.

Б. Е.: Но ведь это свобода неполноценная, ущербная. Свобода без читателя, то есть без главного, что придает смысл писательскому существованию.

В. А.: Все мы надеялись на какие-то изменения к лучшему. Верили, что эти вещи будут напечатаны. То, что мы писали «в стол», мы называли смешным таким словом — «нетленка». Производное от «нетленное», то-есть бессмертное. Так мы шутили: «Ну что, нетленочки много написал?» Для жизни, для хлеба мы писали сценарии о баскетболистах, о всякой ерунде, писали «левой ногой через правое ухо». И в то же самое время для себя писали «нетленку».

Б. Е.: Вы как-то говорили в одном интервью, что русские писатели за рубежом ведут интенсивную духовную и творческую жизнь, — только вот читателей мало. Что же тогда, по-Вашему, определяет интенсивность этой жизни? Это мне, к слову, напомнило старый анекдот о сумасшедшем, который радуется тому, что бассейн построили и теперь он может плавать и что было бы совсем замечательно, если бы в бассейн пустили воду.

В. А.: Конечно, такой интенсивной литературной жизни и такого благодарного и, главное, многочисленного читате-

ля у нас уже не будет. Но, с другой стороны, около ста (или больше) профессиональных литераторов живут сейчас на Западе. Не считая начинающих.

Б. Е.: И тех, кто решил начать писательскую карьеру, оказавшись в эмиграции.

В. А. (смеясь): Дело, мол, нехитрое, чем я хуже... Да, есть и такие. Но мы сейчас говорим о профессионалах, где бы они ни начали свое творчество. Получается довольно внушительная цифра. Все они печатаются, издаются, выступают. Существуют профессионально. А что касается тиражей... Я как-то подсчитал, что тираж в тысячу экземпляров здесь равен одному миллиону *там*. Сами посмотрите: у нас здесь сколько активных читателей? Ну, 250 тысяч. А там — 260 миллионов.

Б. Е.: Занимательная арифметика, но не слишком утешительная. А если бы Вам пришлось делать выбор сейчас, когда Вы изучили ситуацию изнутри, что бы Вы предпочли? Читателя без свободы там или свободу без читателя здесь?

В. А. (серьезно): Я уже сделал свой выбор, Белла Самойловна. Я сделал его тогда, когда решалась судьба моего романа «Золотая наша железка». Этот роман был важен для меня, помимо прочего, как формальный эксперимент. Если бы его напечатали *там, тогда*, я думаю, я бы не очутился на Западе сейчас. Хотя, кто знает. Возможно, я все-таки пришел бы к конфликту с властями, только позже. Мне тогда дали понять, что никакие мои эксперименты им не нужны, что в новом моем качестве я им не ко двору. Нет, меня не выгнали из Союза писателей. Пожалуйста, пиши свои сценарии, пиши детские книги, зарабатывай деньги (что я и делал). Не высовывайся. Будь либеральным профессиональным советским писателем. Вот такая мне предлагалась альтернатива. Я ее не принял. «Ожог» решил для меня все. Я «вывалился» из обоймы. У Юрия Трифонова была более счастливая звезда: он чисто формально раздражал их меньше. Я заметил: *их* очень раздражают чисто формальные поиски. *Инаколикые* раздражают *их* гораздо сильнее, чем *инакомыслящие*.

Б. Е.: Допускаю. Почему же тогда Катаев со своим «мовизмом» их не раздражает? Может быть он для них слишком маститый?

В. А.: И это, конечно. Но и ему разрешали экспериментировать без особого восторга. А уж мне и подавно. У них железная логика: так нельзя писать потому, что так писать нельзя. «Аксеновские книги — это энциклопедия авангардизма». И цитату из Белинского в подкрепление. Был там такой Альберт Андреевич Беляев в отделе культуры ЦК. Он-то и направлял советскую литературу. Определял, как ей развиваться. Поэтому у меня не было выбора, Белла Самойловна. Моя альтернатива провалилась.

Б. Е.: Что по-Вашему может быть интересно западному читателю в романе «Остров Крым», который вышел сейчас в издательстве Рэндом Хауз?

В. А.: Широкого читателя он может увлечь как приключенческий роман, триллер. Там такая закручена интрига. Ну а главное, чем он может быть интересен, — это отражением колоссальной духовной борьбы, в состоянии которой находится сегодня Россия. Эта борьба не так заметна, как в Ливане, но она, тем не менее, не прекращается. И еще: в романе поставлен вопрос о возможности европеизации России.

Б. Е.: Вопрос, мягко говоря, не новый. Для меня, напр., Ваш роман прозвучал предостережением западным либералам. Опасность, которую Вы определяете термином «Союз Общей Судьбы», — весьма распространена среди определенных слоев западной интеллигенции. И не только западной: я знаю, что тенденции «объединения» очень сильны во Вьетнаме, в Корее. Люди жаждут объединения на национальной основе, не понимая, что это влечет за собой катастрофу. Новую Венгрию или Чехословакию, или Афганистан. Любопытно, что даже специалисты, знающие действительное положение вещей (или думающие, что знают его), такие, как Ваш Лучников, на самом деле плохо представляют, чем все это может кончиться для их народа.

В. А.: Да, теория самопораженчества, самокапитуляции Запада перед Советами очень реальна. И об этом, в конечном счете, мой роман.

Б. Е.: Василий Павлович, вы недавно приехали из Парижа, где в театре Шайо состоялась премьера Вашей пьесы «Цапля». Расскажите об этом, пожалуйста.

В. А.: Премьера «Чайки» Чехова состоялась одновре-

менно с премьерой моей «Цапли». Даже афиша была одна, общая. На ней были Антон Павлович и Василий Павлович. И режиссер Витез, можно сказать, тоже Антон Павлович, потому что он — Антуан, а отец его — Польш.

Б. Е.: Тоже русский?

В. А.: Ни с какой стороны. Француз. К России он пришел... через коммунизм. Да, не смейтесь. Они там повально заражены этим. Из компартии он вышел после оккупации Афганистана, но любовь к русской культуре сохранил. Он сейчас один из крупнейших французских режиссеров. В газете «Шайо», которая издается при театре, он заявил, что посвятил эти два спектакля «России, которую мы любим».

Б. Е.: Какую же Россию они любят? Чехова или Аксенова?

В. А.: Они считают, что это одна Россия.

Б. Е.: Хорошо, хоть они отделяют режим от народа. Скажите, пожалуйста, а чем вызван такой замысел — соединить две пьесы? И как это было осуществлено во времени и пространстве?

В. А.: Сначала, я думаю, режиссер пошел от аналогии: птичка тут и птичка у Чехова. Это, конечно, если смотреть по верхам. Более серьезная аналогия связана с пересечением границы. Героиня «Чайки» — Нина Заречная. Само имя говорит, что она живет «за рекой». Моя Цапля, полудевушка-полуптица, прилетает из-за границы, что для советского человека гораздо важнее, чем какое-то туманное Заречье. Меня интересовала идея свободного пересечения границы, свободных контактов, свободной любви. Это проникновение на Запад, только не политическое, а, если хотите, эротическое.

Б. Е.: Это напомнило мне пьесу Леонида Зорина «Варшавская мелодия» — о несчастливой любви польской девушки и русского парня.

В. А.: Да-да, Вы совершенно правы. Тогда даже был, кажется, закон, запрещающий браки с иностранцами. А что касается постановки, то сначала состоялась премьера «Чайки», спустя несколько дней — премьера «Цапли». Шли обе пьесы в одних и тех же декорациях, и заняты в них были

одни и те же актеры. В этом оформлении «Цапля» воспринималась, как парафраз «Чайки».

Б. Е.: Какую свою книгу Вы любите больше всего?

В. А.: Всегда у меня «Ожог» был любимой книгой, но сейчас я закончил новую книгу «Скажи изюм» и пока она мне больше всего по душе.

Б. Е.: Как Вы видите свою эволюцию — как писателя?

В. А.: Одно время у меня был очень интенсивный период экспериментаторства. Я искал какой-то новый язык для своих романов. Это было необходимо. Сейчас этот период уже прошел и никаких формальных задач перед собой не ставлю. Сейчас надо использовать уже накопленный арсенал. Я хочу сделать небольшой перерыв (год-другой) в своем творчестве. Не писать больших вещей. Ведь уже в эмиграции я написал два больших романа. Но замысел все же есть. В моем новом романе действие будет начинаться в Америке и уходить отсюда далеко в пятидесятые годы, в Москву, в Россию. Я хочу проследить, каким образом мы тут оказались. Я хочу разобраться в том, что происходит вокруг меня и в себе самом. Это не исследование, я ставлю перед собой чисто беллетристическую задачу. Я стараюсь, чтобы мой «лирический герой» (тут, кажется, нет такого понятия?) как можно меньше походил на меня. Знаете, нет ничего легче, чем писать о себе, любимом. От первого лица. Например: развелся с женой — и тут же сел и написал об этом роман. Очень многие не могут уйти от этого соблазна. Я старался как можно дальше уйти от своего героя. Или отдалить его от себя, если хотите.

Б. Е.: Как Лучникова?

В. А.: Совершенно верно. У Лучникова совершенно другая подготовка, другой опыт. Он — аристократ, газетчик, гонщик. Но, конечно, в нем много от меня самого.

Б. Е.: Надеюсь, не больше, чем Пушкина в Онегине.

В. А.: А он замечательно профессиональный человек был — Пушкин! Помните: «Мне нравились *его* черты, мечтам невольная преданность...»

Б. Е.: Но, согласитесь, что это был литературный прием.

В. А.: В известной степени. Где-то слияние автора с героем неизбежно. Помните Флобера: «Эмма Бовари — это

я)? Просто удивительно, до чего писатель может перевоплотиться в своего героя. Мне сейчас прислали из Москвы роман (не для печатания, к сожалению), так там автор перевоплощается в девицу легкого поведения. И как! Так поразительно он все это описывает, и, что еще поразительнее, его собственная личность вылезает из этой девицы.

Б. Е.: Коль мы уже заговорили о форме — какова художественная функция мата в Ваших романах?

В. А.: Я сейчас гораздо меньше увлекаюсь матом. Гораздо меньше. Я Вам скажу: мат во многом был реакцией на советское пуританство. Уж очень оно раздражало. Вокруг, понимаешь, бурлит во всю наш «великий, правдивый, могучий, свободный русский язык» во всем своем великолепии, а в литературе все разговаривают, как выпускницы Смольного института. Я однажды применил прием, открытый еще Солженицыным в «Иване Денисовиче» — я сконструировал слова, звучащие, как матерные, но это не был мат. Понимаете, мне просто *жаль* было терять эту языковую стихию. Но, с другой стороны, для меня очень важна собственная цензура. Цензура вкуса.

Б. Е.: И что же она Вам говорит, Ваша цензура?

В. А.: Что вот тут — перебор, вот тут — не нужно. Многие здесь, в эмиграции, теряют чувство меры: раз можно, значит валяй, валяй, валяй!

Б. Е.: А как насчет секса?

В. А.: В «Ожоге» его гораздо больше. В «Острове Крым» он, я бы сказал, романтизирован.

Б. Е.: Я этого как-то не заметила.

В. А.: Он скорее немножечко хулиганский, этот секс. Это в современной манере. Но, в то же время, он романтизирован, я в этом абсолютно уверен.

Б. Е.: Вы гораздо моральнее, чем хотите показаться в Ваших романах. У меня ощущение, что Вы боитесь отстать в вопросах секса от западной моды.

В. А.: «Остров Крым» я писал не здесь.

Б. Е.: Ну, может для Вас сексуальная революция началась, когда Вы приехали.

В. А. (смеясь): Для меня она началась гораздо раньше! И я меньше всего думал об американской моде. Америка,

кстати, — очень старомодная страна, американская литература очень отстала от моды. Она глубоко провинциальна.

Б. Е.: Кого вы имеете в виду?

В. А.: Всех.

Б. Е.: Но американская литература не такое уж цельное понятие.

В. А.: О массовой литературе я вообще не говорю. Но большинство американских писателей, о которых принято говорить всерьез, очень замкнуты, очень отдалены от мира. И уж меньше всего автор из Европы, тем более из Восточной Европы, может ориентироваться на них. Все эти апдайки, стайроны, соллоу мне совершенно не интересны. Я абсолютно не вижу, чему бы я мог у них поучиться.

Б. Е.: Это те самые писатели, которых мы уважали и привыкли считать выразителями американской жизни.

В. А.: Но американская жизнь сама по себе очень провинциальна. Это верно: они отражают американскую жизнь, но так же неизбежно отражают и американский провинциализм. Или, вернее, натужное желание не казаться провинциальными. Поймите меня правильно: я не говорю, что они плохие писатели. Они, пожалуй, хорошие писатели. Но их нельзя считать авторитетами для нас беженцев, эмигрантов, космополитов. Во всяком случае — для меня. Они представляют для меня чисто литературный интерес. По-настоящему американские писатели никогда не восхищали меня.

Б. Е.: Вы можете назвать тех, которые Вас все же восхищали?

В. А.: Хемингуэй. Для меня он был и остается лучшим американским писателем. Я никого не могу поставить рядом с ним. Он очень космополитичен, Хемингуэй, и этим мне близок. Я стал космополитом в силу обстоятельств, и я очень ценю это качество у других.

Б. Е.: Кого вы считаете самым интересным русским писателем в эмиграции?

В. А.: Из молодых — пожалуй, Александра Соколова. Хотя он не так уж и молод — 40 лет, но сейчас возрастные понятия сместились. Его не легко читать. У него настолько густой язык, что сюжет как-то теряется в этом потоке. Я как-

то в своей рецензии задался целью «выудить» сюжет из его романов и мне это удалось с большим трудом. Он подчеркнуто элитарный писатель, Саша, и в этом его недостаток.

Б. Е.: Ваше отношение к советским писателям — Нагибину, Распутину, Быкову?

В. А.: Нагибин мне нравится, хотя он очень уж традиционный, спокойный. Акварелист. Ну, такой типичный спокойный русский писатель. Из охотников. Василя Быкова я ставлю выше всех писателей, пишущих на военную тему. Он острее всех передал ужас войны. Распутина я не очень люблю. Он производит на меня удручающее впечатление грамотного сочинителя. Как ни странно, я не чувствую жизни в его вещах. Они ужасно умозрительны. Даже лучшая его вещь «Живи и помни» оставляет ощущение задуманности.

Б. Е.: А кого из «деревенщиков» Вы считаете наиболее талантливым?

В. А.: Казакова, Юрия Павловича.

Б. Е.: Да он, кстати, никогда в «деревенщиках» и не числился.

В. А.: Вот потому и не числился, что слишком художественен. Они его за своего не считали. Но лучше его о советской деревне не писал никто. Он очарованием прозы владел. Каждая его фраза заключала какую-то таинственность. Лучше о советской деревне никто не писал.

Б. Е.: А Шукшин?

В. А.: Шукшин очень резкий, по сравнению с Распутиним. У него все, что написано, — живо и объемно, но по художественности его с Казаковым сравнить нельзя. Он нутряной был писатель. И истерики много было, но это хорошо. Истерика была натуральная. От нее он и умер. Сжег себя.

Б. Е.: Василий Павлович, несколько неожиданный вопрос: За кого Вы «болели» во время последней Олимпиады? Кто, для Вас, был «наши»: русские или американцы?

В. А.: Я вспомнил в этой связи прошлую олимпиаду, когда американская хоккейная команда выиграла у советской. Я был еще в Москве тогда. Мы сидели и смотрели телевизор. Страшное было время. Только что был оккупи-

рован Афганистан, только что Сахарова схватили и увезли в Горький. И мы *не могли*, понимаете, *не могли* болеть за своих. Не было никакого чувства патриотизма. И самый счастливый для нас момент был, когда американцы их раздолбали. И вообще — *они* изувечили чувство патриотизма своей оголтелой пропагандой. Но сейчас (*смеется*) у меня это чувство прошло, и я начинаю снова болеть за советских ребят.

Б. Е.: И последний вопрос: как Вы представляете себе роль критика в эмиграции?

В. А.: В обстановке этой необычной литературной жизни у нас в эмиграции роль литературной критики вырастает. Потому что литературная среда сжата до минимума. Она и разбросана, потому что мы живем в рассеянии, и в то же время невероятно сжата, потому что нас мало. Нас мало и у нас мало читателей. Обычно, литературный критик навешивает на писателя ярлык «Крупнейший из ныне живущих» или: «Великий», или еще какой-нибудь. Не такая нам нужна критика, не такой разговор. А разбор *художественных особенностей*.

Б. Е.: То есть профессиональный разговор?

В. А.: Именно профессиональный. Но именно профессионализма в разговоре о литературе и не хватает. Все разбирают идеологическую сторону произведения. Это, кстати, общий недостаток советской критики. Ее никогда (или почти никогда) не интересует, *как* сделано то или иное произведение, а только...

Б. Е.: ...«соответствует» или «не соответствует».

В. А.: Именно так: «соответствует» или нет.

1985

ЛЮБИМОВ НА ЗАПАДЕ

Вот уже три года Юрий Любимов в изгнании, а страсти вокруг его имени не утихают. Апогей их пришелся на конец 1986 года, когда Любимов готовил к выпуску «Преступление и наказание» в Вашингтонском театре «Арена Стэйдж». Среди ночи его разбудил телефонный звонок из Москвы.

Актриса театра на Таганке Жукова, торопясь, взволнованно попросила его от имени всего коллектива театра — дать телеграмму Горбачеву о своем согласии вернуться в театр. Звонку предшествовало появление Горбачева в театре и его разговор с актерами и главным режиссером Эфросом, назначенным вместо Любимова. Горбачев, якобы, выразил Эфросу свое неудовольствие в связи с тем, что популярность театра на Таганке падает и попасть в него не составляет труда. Не то, что прежде. Он сам, будучи уже «в чинах», не мог достать билеты на Таганку, — сказал Генсек. Актеры восприняли это как некий намек и обратились к Горбачеву с просьбой — вернуть в театр Любимова. На что, якобы, последовал ответ, что инициатива должна исходить от самого Любимова.

Телеграмма, которую, через советское посольство, на следующий день, 23 декабря, передал Любимов, меньше всего напоминала просьбу о возвращении, но содержала требование свободы творчества и репертуарной политики для художников в Советском Союзе. Естественно, что на такую телеграмму ответа не последовало. Пока поклонники режиссера по обе стороны океана гадали, каким рейсом вылетит в Москву Любимов (некоторые утверждали, что уже видели его в аэропорту Шереметьево), Юрий Петрович закончил и сдал спектакль на неделю раньше срока и готовился к переезду в Бостон, где должен был по контракту ставить «Мастера и Маргариту» Булгакова. Но до этого он должен был еще встретиться со своими поклонниками в Филадельфии, Лос-Анджелесе и Сан-Франциско, а потом «съездить» в Бонн — поставить «Евгения Онегина».

Проведя в обществе Любимова два дня в Вашингтоне, я почти физически ощутила невероятную спрессованность его времени.

Вот типичное расписание одного дня:

С 9 до 10 утра — интервью с корреспондентом «Вашингтон Пост»; с 10 до 11 утра — интервью со мной. С 11 до 12 — встреча с актерами. С 12 до 2.30 — прогон первого акта. С 3 до 5 — выступление на Литфонде. (Обычно это время ланча, но Любимов наскоро съедает свой ланч в театре и решает разные хозяйственные проблемы). С 5.30 до 6 — репетиция с актером Кевином Таем, исполняющим в спектакле две роли — Свидригайлова и

Мармеладова (на мой взгляд — две интереснейшие роли). В 6 часов — репетиция с Ричардом Бауэром — Порфирием. В 7.30 — Раскольников — актер Рендл Мелл. С 8.30 до 10 — репетиция с Кэйт Фуглей — Соней.

И так изо дня в день. Из месяца в месяц. Меняются театры и города, страны и материки — ритм жизни остается неизменным и очень напряженным.

Судьба Любимова после выдворения его из Союза и лишения гражданства, волновала многих. Ведь даже Ростроповичу и Неизвестному, язык искусства которых интернационален, пришлось утверждать себя на Западе с самого начала — не в качестве знаменитых советских гастролеров, а в качестве конкурентов на рынке. А Любимов — режиссер. Пусть даже большой. Но режиссер, «разговорник», к тому же — без знания языка.

К чести Любимова надо сказать, что он никогда не собирался делать себе карьеру из самого факта своего изгнания. Его жизненный опыт подсказал ему, что за репутацию знаменитого в прошлом режиссера-нонконформиста, ныне политического изгнанника на Западе, никто платить не будет. Запад насквозь прагматичен. Он платит за конкретную и при том качественную продукцию.

Как выяснилось, Любимов завоевал западный рынок, еще находясь в Союзе. Поэтому, когда он очутился на Западе, предложения посыпались одно за другим. Англия, Швейцария, ФРГ, Италия, Израиль, США. За два с половиной года жизни на Западе Любимов поставил 22 спектакля и две телепостановки (по «Бесам» Достоевского) и написал книгу мемуаров. Для сравнения: за 20 лет работы на Таганке он осуществил 42 постановки — т. е. в пять раз меньше.

А ведь это на родном русском языке, дома, где, как говорят, и стены помогают. Но какие там «стены», если большая часть творческого потенциала и времени, уходила не на постановку спектаклей, а на пробивание их. «Пробивать» удавалось не благодаря каким-то мифическим связям «на самом верху», а благодаря личному обаянию и дипломатическим талантам. В этом искусстве он достиг больших успехов. Может быть, благодаря этому искусству и

продержался театр на Таганке 20 лет, оставшись, после гибели «Нового мира» Твардовского, бастионом инакомыслия и нонконформизма.

Режиссер и его театр были неразрывны, как сиамские близнецы. Разорвать их — значило убить. Так, видимо, и понимали свое положение осиротевшие актеры. «Если нам суждено умереть, — сказали они преемнику Любимова Анатолию Эфросу, — мы хотим умереть без вашей помощи, Анатолий Васильевич.»

Но жизнь сыграла трагическую и зловещую шутку: Эфрос умер с помощью актеров... Любимов, который из своего далека неоднократно и нелестно отзывался о бывшем друге, вероятно, горько пожалел о своих словах, ставших всеобщим достоянием. Впрочем, он всегда отличался несдержанностью и знал за собой этот грех. В конце-концов они с Эфросом в равной мере были жертвами режима, его крепостными актерами, которых власть стравливала себе на потеху.

Вероятно, Эфросу не следовало принимать театр Любимова. Но не многие знают, что к этому времени он был не у дел, что ему пришлось оставить театр на Малой Бронной из-за конфликта с актерами, с которыми он проработал более двадцати лет...

Для Эфроса это было трагедией. Конечно, он не думал, что его жизнь на Таганке будет легкой. Но такой ненависти он встретить не ожидал. Он явно не рассчитал свои силы и способности находить путь к сердцам актеров.

И, как бы там ни было, все-таки он ухитрился два с половиной года продержать театр на плаву. А потом он умер... Вакансия освободилась. Но власти не спешили предложить театр Любимову. Вместо этого они пригласили в качестве главного режиссера Николая Губенко, известного актера театра и кино. Это обстоятельство лишний раз говорит о том, что «реформатор» Горбачев никогда всерьез не думал о возвращении Любимова и что в самом театре не было единства мнений по этому поводу, — как можно было понять из интервью ведущих актеров Золотухина и Демидовой, которое они дали в Париже во время гастролей.

В конце марта 1987 года Любимов подписал, вместе с девятью другими видными деятелями культуры, эмигрантами из Советского Союза, заявление для прессы. Это «заявление десяти» было напечатано в «Фигаро», в «Нью-Йорк Таймс», после чего появилось в русском издании газеты «Московские новости».

«Теперь любому ясно, что если 70 лет правления при помощи «наиболее передового учения» разорили одну из богатейших стран земли, то это учение ложно». На следующий день в «Правде» появилась резкая и грубая отповедь: «Обладают ли эти предатели моральным правом ставить вопрос о реформах в стране, которую они покинули. Подписавшие манифест не понимают, в каком жалком и изолированном положении они оказались». Сам факт публикации письма «предателей» на страницах советской газеты, равно, как и хамский окрик в «Правде», курируемой секретарем по идеологии Лигачевым, говорит о том, что «не все спокойно в датском королевстве». Очевидно, Горбачев в своих реформах наталкивается на осязаемую оппозицию (или создает видимость такой оппозиции). Не будем сейчас говорить об утопичности требований, выдвигаемых в самом меморандуме, призывающем Горбачева ни более, ни менее к отказу от классовой борьбы и от марксистской идеологии вообще. Поговорим об «изолированном положении», в котором, по мнению газеты «Правда», «подписанты», в частности Любимов, оказались на Западе. Вот некоторые факты. «Саламбо» Мусоргского — в Парижской «Гранд Опера», «Фиделио» Бетховена — в Штутгарте, «Евгений Онегин» — в Бонне, «Мастер и Маргарита» — в Карлсруэ, «Риголетто» — во Флоренции, «Страсти по Матфею» — в Милане, «Енуфа» — в Ковент-Гардене... Это — только оперы. «Я стал главным оперуполномоченным», — смеется Любимов. А драматические спектакли? «Маленькие трагедии» — в Болонье и Стокгольме, «Преступление и наказание» — в Лондоне, «Закат» Бабеля — в Тель-Авиве, а теперь вот «Мастер и Маргарита» — в Кембридже, под Бостоном, и «Преступление и наказание» — в Вашингтоне, в театре «Арена Стэйдж».

Когда в мае 1973 года режиссеры «Арена Стэйдж» Зельда Фичандлер и Алан Шнайдер повезли в Москву в театр на Таганке свои спектакли, они увидели то ли поздней ночью, то ли ранним утром необычное зрелище: огромную очередь на Таганской площади, очередь за билетами; в ожидании, когда откроется касса, молодые люди сидели и лежали прямо на земле, благо ночь была теплой. Некоторые примостились на складных стульях, которые предусмотрительно принесли с собой.

Американцы были потрясены... Тогда же Зельда и Алан пригласили Любимова ставить спектакль в «Арена Стэйдж», но его не выпустили. То есть, официально его выпускали, но в последний момент что-то обязательно «случалось»: то паспорт отбирали при посадке, то деньги не меняли, то еще что-нибудь. И вот, наконец, долгожданная премьера. Пятый вариант знаменитого московского спектакля.

Для своего американского дебюта Любимов выбрал меньшую из двух сцен «Арены» — так называемый Театр Кригера с традиционной сценической площадкой, отказавшись от большого зала с прямоугольной сценой, со всех сторон окруженной креслами (отсюда и название «Арена»). «Мне надо было в буквальном смысле загнать Раскольникова в угол, а как это можно сделать на сцене, со всех сторон окруженной зрителями?» — объяснил режиссер свой выбор.

В своих отношениях с классикой Любимов всегда отличался своеволием, за что бывал нещадно бит. Советская печать дружно травила режиссера за искажение Пушкина, Чехова, Есенина, Достоевского, Гоголя, Толстого, Горького, Чернышевского (ненужное зачеркнуть), ничтоже сумняшеся, что только ей дана привилегия правильного понимания того или иного классика. Как мы увидим, нечто очень похожее произошло здесь, в Соединенных Штатах, в оценке Любимова русскоязычной прессой, но об этом — ниже.

Любимов всегда был публицистом и полемистом. Он бросал в зал реплики, от которых зрители цепенели и толкали друг друга локтями. Потом выяснялось, что он не переставил в оригинале ни единого слова. Он умудрялся извлекать антисоветчину даже из заказанных ему Советами

спектаклей — власти потом сами же и закрывали их. Так произошло с «Матерью» Горького. Речь Павла Власова на суде была явно адресована нынешним властью имущим. Само прикосновение Любимова к классике уже несло в себе крамолу.

Даже к Достоевскому, близкому ему по духу и по философии, Любимов шел своим, особым путем. Импульсом, вызвавшим к жизни этот знаменитый спектакль, оказались... школьные сочинения. К своему ужасу Любимов увидел, что юные авторы, ученики московских школ, не только не осуждают Раскольникова, но сочувствуют ему, как жертве социальной несправедливости и борцу за освобождение человечества. И все, как один, жалеют, что он так глупо попался: В ответ на «глас народа» режиссер решил создать спектакль, который развенчал бы Раскольникова, лишил бы его романтического, традиционного ореола.

Ах, он — такой душа, такой несчастный и так страдает! — со злостью передразнил он какую-то девчонку. Весь огромный эмоциональный потенциал своего спектакля он направил на развенчание Раскольникова. И поэтому сами собой (как, впрочем, и у Достоевского) отпадают, как сухие листья, все четыре пресловутых мотива преступления, и остается пятый, истинный, в котором он и признается Соне. «Вздор: я просто убил, для себя убил, для себя одного». И тогда возникает в спектакле образ Наполеона, размахивающего топором. Но Раскольникову не дано стать Наполеоном. Убить-то он убил, а переступить — не переступил. Прочтение Любимовым Достоевского соответствует его убеждению верующего христианина, каким, между прочим, был и Достоевский. Не убий! Жизнь человеческая — бесценна. Никакие соображения, даже направленные на всеобщее благо, не могут оправдать убийство.

Значит ли, что Любимов, развенчивая Раскольникова, лишая его мученического ореола, упростил, «уплощил» образ, созданный Достоевским, лишил его сложности и многогранности, превратил в элементарного уголовного советского образца, как в этом его упрекают критики Б. Филиппов и Е. Жиглевич на страницах нью-йоркской газеты «Новое Русское слово»? Ни в коей мере. У Достоевского

достаточно материала для создания именно такого Раскольникова, каким увидел его Любимов, — загнанного, но не раскаявшегося фанатика своей порочной идеи.

Элегический эпилог примирения с Соней, столь искусственно пришитый самим Достоевским из цензурных соображений к финалу романа, напроць отсечен режиссером. «Достоевский недаром назвал свой роман «Преступление и наказание», — говорит он. — Заметьте: не раскаяние, а наказание. Потому что Раскольников не раскаялся ни на йоту». И поэтому он отталкивает Соню, протягивающую ему свечи, но берет эти свечи из рук детей Катерины Ивановны и влагает их в мертвые руки своих жертв. И в этом есть некий обнадеживающий намек на возможное возрождение за пределами спектакля.

Критика, которой спектакль подвергся на страницах «Нового Русского слова», отражает отнюдь не взгляды представителей «третьей волны», воспитанной в театре Любимова и приемлющей его искусство безоговорочно, а взгляды первых двух волн эмиграции, для которых имя Любимова — звук пустой, либо пример еще одного «дутого авторитета», которого на Западе ждет неминуемый провал. Скучное и монотонное брюзжание очень пожилых людей, чья молодость прошла под сенью довоенного МХАТа и Малого, которые меряют спектакли Любимова мерками 19 столетия, когда «люди просто пили чай, а в это время решались их судьбы», можно понять. Им недостает в спектаклях Любимова плавного действия, тишины, полутонов, шепота, робкого дыханья. Их раздражают бьющие в глаза прожектора, навязчивые звуки гонга, утомляет необходимость вертеть головами направо и налево, следя за бешеной сменой мизансцен. Их раздражают громкие голоса актеров, «оргия шума и света», все, за малым исключением, исполнители. И, конечно, в первую очередь их раздражает сам Любимов, словно нарочно воплотивший все, что им ненавистно, в своем искусстве. На фоне благожелательной и дружелюбной прессы, полученной Любимовым на Западе, такая реакция со стороны соотечественников выглядит странно, по крайней мере, в глазах американцев. Спектакль «Преступление и наказание» имел огромный успех и его

демонстрация была продлена на целый месяц, что по западным понятиям значит многое.

Газета «Вашингтон Пост» отозвалась о спектакле Любимова, как о национальном событии, а журнал «Нью-Йорк Таймс Магазин» посвятил Любимову центральную статью в декабрьском номере (1986).

Маргарет Кройден, автор книги о современном экспериментальном театре, высоко оценила вклад Любимова в развитие современного театра. Английский критик Мартин Есслин в статье, посвященной лондонской премьере «Преступления и наказания», назвал Любимова одним из величайших режиссеров нашего времени. Обозреватель газеты «Гардиан» Майкл Биллингтон отметил, что любимовская постановка делает идеи Достоевского «потрясающе зримыми». Обозреватель «Дейли Телеграф» Джон Барбер сравнивает постановку «Преступления и наказания» по силе воздействия и степени мастерства со знаменитой постановкой Питера Брука «Сон в летнюю ночь». Роберт Кайзер, критик «Вашингтон Пост», прозорливо заметил, что тот, кто, собираясь на спектакль в «Арена Стэйдж», думает увидеть очередную реалистическую иллюстрацию к Достоевскому, будет жестоко разочарован. Так оно, как видим, и случилось с некоторой частью зрителей. Но я отнюдь не собираюсь апеллировать к авторитетам.

Причина успеха «Преступления и наказания» в Англии и США, мне думается, кроется в его поразительной актуальности. Я думаю, что сам Любимов, первоначально адресуя спектакль разнузданным московским школьникам, которые, посмотрев фильм «Преступление и наказание» с симпатичным Раскольниковым-Тараторкиным, принялись по его образцу глушить беззащитных московских старушек, не подозревал, насколько точным будет «попадание» этого спектакля на Западе.

Здесь мускулистые ученики «хай скул», накурившись наркотиков и насмотревшись триллеров, запросто глушат не только старушек, но и собственных учителей, а то и родителей. И если Раскольников вначале еще придумывает оправдания своему убийству, одно другого нелепей, то

современные убийцы уже не затрудняют себя подобными упражнениями: они убивают от скуки, из любопытства, «просто так», — а современные Порфирии Петровичи безуспешно бьются над разгадкой катастрофически растущего числа немотивированных убийств. Творчество Любимова, несмотря на кажущуюся сиюминутность, публицистичность, даже плакатность, всегда поднимает нетленные, вечные проблемы. И в этом — его величие, как режиссера.

Я видела Юрия Петровича на репетиции. Он был мягок, улыбчив и терпелив (это не значит, что он всегда такой). Работал он с переводчиком, молодым режиссером Александром Гельманом, который переводил его почти синхронно. Я увидела, какое огромное значение Любимов уделяет психологическому рисунку роли, мотивировке поступков. Любимов объяснял актеру Тому Хэввиту, играющему Разумихина, почему статья Раскольниковца, оправдывающая убийства во имя высокой цели, порочна. Разумихин не знает, что автор статьи — Раскольников (она подписана инициалами). Поэтому он пригласил Раскольниковца, как союзника в своем споре с Порфирием Петровичем, который притворился, что разделяет мнение автора статьи, чтобы выяснить для себя авторство Раскольниковца. «Ты наседай, наседай на него (Родиона), как на свидетеля. Тебя Порфирий подзуживает, а ты — горячись, горячись и к Родиону апеллируй — затем его и пригласил. Да, дворец-то готов, да натура жить во дворце не готова. Очень важно, чтобы ты понял, что нельзя насиловать человеческую личность, хотя бы во имя ее же блага. Личность сама должна решить, где ей лучше жить: во дворце или курятнике. Поэтому у тебя такая злость на все эти социалистические книжки, брошюрки, на весь этот мусор. «Вся жизненная премудрость в двух листках умещается».

Давая интервью «Нью-Йорк Таймс», Любимов обыграл свое незнание языков довольно убедительно. Не может же он, в самом деле, сегодня учить немецкий, через месяц — французский, потом шведский, хибру, итальянский, английский — и так далее. (Итальянский, впрочем, он знает немного, так как прожил в Италии более года. Со своей женой Катей, венгерской еврейкой, он говорит по-русски,

как и с сыном Петей. Он считает, что языковой барьер помогает актерам максимально сосредоточиться на задаче, которую он ставит перед ними. Помогает ему (и очень) его актерское прошлое. Он всегда был мастером «показа», ему всегда легче было «показать», чем разъяснить. Поэтому он и говорит, что шедевры создаются действием, а не разговорами. Впрочем, на репетиции, которую я видела, Любимов очень много говорил.

В то же время, конечно, работа с переводчиком замедляет работу над спектаклем. Если в Советском Союзе Любимов работал над спектаклем четыре месяца, то сейчас он должен сдать его за полтора-два месяца, то есть вдвое быстрее. Нехватает времени, чтобы по-настоящему сблизиться с актерами, узнать их, создать творческую атмосферу, столь необходимую для успешной работы. А ведь чужд не только язык: чужды традиции, школы, характеры — все, что американцы определяют емким словом «бэкграунд». Процесс «притирки» бывает очень болезненным. Любимов — режиссер-диктатор. Он привык к абсолютному повиновению. Когда я спросила его, как ему удавалось подчинять своей воле таких ярких и самобытных актеров, как Высоцкий, Демидова, Славина и др., он ответил: «Они все — мои ученики, а ученикам свойственно слушаться своего учителя. Это у них в крови». (Увы, история знает немало примеров того, как могут восставать ученики против учителя).

Западные актеры привыкли к большей свободе. Режиссер, как правило, не стесняет их поисков. Отношения большей частью неформальные. А тут случилось однажды, что московский режиссер оторопел от просьбы актера прекратить репетицию, потому что он уже ничего не соображает.

Ведущий артист «Габимы» Йоси Поллак признает, что единственная возможность работать с Любимовым — это делать все точно, как он хочет. И добавляет: «Даже если я не согласен с методом Любимова-режиссера, я все равно считаю его великим режиссером». Заметьте, это заявление было сделано в «Габиме», с которой у Любимова давняя любовь: ведь в «Габиме» ставил «Гадибук» сам Вахтангов! Там

и сейчас немало старых вахтанговцев, с которыми когда-то Любимов работал как актер. Во время работы над «Закатом» в Тель-Авиве Любимов чувствовал себя, как дома. И хотя спектакль шел на иврите, взаимопонимание между актерами и режиссером было такое, что ему порой казалось, что он слышит со сцены русский язык.

Я думаю, что не только актерам нелегко с Любимовым, но и Любимову — режиссеру-постановщику — нелегко с Любимовым — режиссером-педагогом. Ибо бурные взрывы его фантазии часто заглушают его же усилия донести до зрителя психологические нюансы роли. Надо обладать поистине вагнеровским голосом, чтоб не дать заглушить себя любимовскому оркестру. Такие голоса были у Высоцкого, у Зинаиды Славиной, у Аллы Демидовой, Татьяны Жуковой, Вениамина Смехова — да почти у всех таганских актеров. Но где здесь, на Западе, найти такое созвездие в одном театре?

Счастлив ли Юрий Петрович Любимов на Западе? Мне кажется, счастлив. Перед ним, невыездным, опальным, полузапрещенным режиссером, открылся весь мир. Его наперебой приглашают самые престижные театры. Он может выбирать и предлагать свои условия. Он чувствует себя полпредом великой русской литературы на Западе. Чем же иначе можно объяснить триумфальное шествие по сценам мира «Маленьких трагедий» Пушкина, «Преступления и наказания», «Евгения Онегина», «Мастера и Маргариты», как не инициативой Любимова? И, наконец, ему интересно работать с разными актерами.

Конечно, такая жизнь имеет и свои недостатки: Любимову приходится подолгу жить в отрыве от семьи — молодой, прелестной жены Кати и семилетнего сына Пети, который должен ходить в школу и поэтому не может сопровождать отца. Юрий Петрович исподволь привлекает сына к сцене: в «Преступлении и наказании» Петя играет маленького Раскольниковова. Он — единственный актер в труппе, к которому Любимов обращался без переводчика. В силу семейных обстоятельств Петя растет полиглотом: с отцом он говорит по-русски, с матерью — по-венгерски; в Италии он выучил итальянский, в Израиле — иврит, а по-английски заговорил, как только пошел в детский садик в Вашингтоне.

Хочется ли Любимову вернуться домой? Думаю, что да. Ибо никакие театры мира не заменят ему русский и никакой язык не станет родным, кроме русского. И никто не поймет его лучше, чем русский зритель. Есть еще одно важное обстоятельство: режиссер на Западе не более, чем профессия. Престижная, высокооплачиваемая, но все же — профессия. Режиссер в Союзе — особенно такого плана, как Любимов, — властитель дум. Различие проистекает от различных функций театра здесь и там. В Союзе театр — это общественный институт. Если хотите, интеллектуальная Мекка. Туда люди идут, чтоб узнать Истину. На Западе, чтоб узнать истину, достаточно развернуть газету и включить телевизор. В театр здесь ходят для того, чтобы развлечься, получить удовольствие. Удовольствие, получаемое от спектаклей Любимова, — особого рода. Это удовольствие интеллектуальное, от сотворчества и сопричастности. Спектакли Любимова доставляют огромное эстетическое наслаждение. Все, что для непривычного и неприязненного уха и глаза звучит и видится отдельными, никак не связанными криками, взрывами, вспышками, — на деле является симфонией, где свет, цвет, звук и актерское слово неразрывны. Это воистину синтетическое искусство, знакомое человечеству издревле и получившее подлинное возрождение в театре Любимова.

Какое же, в действительности, место Любимова в современном театральном мире? Если судить по его недолгой жизни на Западе, — самое почетное. Не берусь судить о мировом театре в целом, но театральная столица мира, какой считается Нью-Йорк, являет ныне зрелище печальное. Речь идет не о бродвейских шоу, представляющих, за небольшим исключением, массовую культуру, — речь идет об экспериментальных вне-бродвейских театрах. Те спектакли, которые я видела, особенно постановки русской классики, поражают своим убожеством и потугами бежать «вперед прогресса». Если на дворе «сексуальная революция», то на сцене со всеми подробностями демонстрируется затяжной половой акт Дон-Жуана с донной Анной. (К сожалению спектакль был поставлен эмигрантом из Советского Союза. Кстати, его коллега, американский

режиссер в одном из театров Сохо, аналогичным образом изобразил отношения Рогожина с Настасьей Филлиповной.)

Синтетическое искусство, тоже широко представленное на вне-бродвейской сцене, было явлено в знаменитой «Ла Маме» спектаклем, в котором не было ни единого слова (если не считать периодически-скандируемых междометий), но зато было много синкопической музыки и световых эффектов.

Никто не вправе указывать режиссеру, как ему следует понимать и трактовать того или иного классика. Он — сам свой высший суд в этом тонком и деликатном вопросе. Но существует неуловимое «нечто», которое отделяет произведение искусства от поделки, новаторство от надругательства. Любимов в своей режиссерской раскованности и смелости порой приближается к автору ближе, нежели ревностные поборники традиционного истолкования, ибо он, «слушивает» с произведения штампы, которыми оно обросло за свою долгую литературную и сценическую жизнь. Упрекать Любимова в том, что он пользуется приемами Гюстава Грюгенса, Жана-Луи Барро, Бергмана, Феллини, все равно, что упрекать Пушкина и Толстого в том, что они пользовались одними и теми же буквами алфавита.

Меньше всего Юрий Любимов претендует на роль новатора. В фойе театра на Таганке он поставил портреты четырех своих учителей: Станиславского, Вахтангова, Мейерхольда и Брехта. Я бы добавила к этим портретам еще четыре: отцов греческой трагедии Эсхила, Софокла и Эврипида, и первого теоретика театра Аристотеля.

Конечно же, Любимову хочется вернуться домой — не будем ханжами. Но он слишком горд и никогда не явится с протянутой рукой. Более того, ему не нужны уступки, сделанные ему лично, «свобода», отпущенная ему в виде личного одолжения. Свобода творчества — для всех, свобода передвижения — для всех, доверие общественному мнению — без этого ему в Союзе делать нечего.

апрель 1987.

«ДОКУМЕНТА 8»

(Обзор международной выставки искусства.
Два интервью)

Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что на три летних месяца 1987 года западногерманский город Кассель превратился в один из мировых художественных центров — в нем проходила важнейшая международная выставка современного искусства «документа 8».

Кассель — город не очень обширный, не очень многолюдный, — спрашивается, почему же именно в нем? Дело в том, что в Германии, исторически, в силу долгой политической разобщенности, сложилась естественная традиция ряда культурных центров — в столицах княжеств и герцогств — со своими местными музеями (часто превосходными), своими художественными и литературными кружками и группами. Но и сейчас Западная Германия по сути не имеет какого-либо единственного всеобъемлющего художественного центра и этим она отличается, скажем, от России, с ее Москвой и Петербургом, или от Франции, с ее Парижем. Хорошо это или плохо, но это именно так.

И вот потому, наверное, возникшая в 1955 году в Касселе, в результате частной инициативы, идея международного художественного форума смогла воплотиться в жизнь и превратиться в выставку экстра-класса, привлекающую всеобщее внимание. При этом главная особенность кассельской «документа» в том, что она каждые 5 лет представляет зрителям именно *новейшие тенденции* мирового искусства. Еще одна ее характерная черта — она, в отличие от ряда других международных выставок, таких, например, как Венецианское Биеннале, не подчеркивает национальную или государственную принадлежность учас-

тников. На табличках возле выставленных работ указаны только имя автора и название его произведения.

О восьмой «документа» прежде всего следует сказать, что она разительно отличается от предшествовавшей седьмой (1982 года), которая для меня лично, только что попавшего на Запад, практически была первой, хотя, конечно, уже давно я по журналам западным, польским и чешским знал о существовании этой, со столь по началу казавшимся странным названием, выставки. Вот тогда, при первой встрече, я, художник, с предельной интенсивностью почувствовал, что лучше один раз живьем увидеть искусство, которое делается сегодня, чем сто раз в мертвых репродукциях. (Эти слова можно рассматривать также как еще одно напоминание о трагической ситуации художников по-прежнему запертых в пределах Советского Союза).

Разительное отличие, о котором я упомянул выше, было двойным. Во-первых, предыдущая экспозиция наряду с новыми именами включала в себя множество всемирно знаменитых мастеров: поп-арта, например, концептуального искусства и т. д.; на нынешней же выставке новые или относительно новые имена преобладали. Во-вторых, на «документа 7» главенствовала живопись (немецкие «новые дикие», неоэкспрессионисты из других стран, итальянские неоклассицисты); здесь же, на восьмой, живописные полотна не то чтобы исчезли из экспозиции, но их количество заметно сократилось и на выставке они казались уже чем-то второстепенным. Большинство работ относилось к разряду, как немцы говорят, кунстобъектов, т. е. художественных объектов — одиночных или состоящих из нескольких объектов, сопоставленных друг с другом и объединенных художником в так называемый энвайронмент (окружение) или в инсталляцию (размещение). Инсталляцией также называют иногда и группу живописных работ, объединенных одной идеей и связанных экспозиционно. Художественный объект, инсталляция, энвайронмент — термины, давно вошедшие в обиход художественной жизни Запада, для русского уха все еще не очень привычны. Работы этого плана, многие из которых включали в себя неожиданные звуковые или музыкальные эффекты, экспонировались не

только на всех трех этажах огромного старинного дворца Фридрицианум и в двухэтажном, длиною в целый квартал, здании Оранжереи, но также и под открытым небом вокруг них. Впервые в истории «документа» множество подобных объектов, инсталляций и энвиронментов было установлено еще и на улицах и в парках Касселя, непосредственно вторгаясь в городскую жизнь, пребывая среди людей, становясь как бы частью природы, но частью, сотворенной руками художников. Намерение авторов было сознательно действенным. Объект и противостоял окружающей среде и одновременно включался в нее, часто даже в прямом смысле. Так высокий дуб в луговой низине по пути от Фридрицианума к Оранжерее был включен в инсталляцию Вольфганга Луи, части которой — сбитые из крашенных в синий цвет досок — окружали вплотную ствол, включая его (а в ощущении зрителя — и все дерево целиком) в игру своих геометрических форм. Или впечатляющая «звуковая скульптура» Джона Кейджа: в протестантской церкви довольно редкой архитектурной формы — в виде ротонды, — с очень высоко расположенным куполом, с узкими, десятиметровой высоты, окнами по всей окружности, были установлены 18 мощных звуковых колонок (по одной у каждого из окон и на хорах), не очень бросающиеся в глаза, гармонизировавшие со светлыми стенами. В течение ста дней, от начала до окончания выставки, звучала тут музыка Кейджа — специально сочиненные для этого случая песнопения, напоминавшие то буддийские молитвы, то пение тибетских монахов, то грегорианские хоралы (в согласии с экуменическими идеями автора). На все это накладывался голос самого Кейджа, читающего знаменитый текст Генри Д. Торо «Гражданское неповиновение». Звуки, казалось, становились материально ощутимыми, почти видимыми, заполняя все высокое пространство от пола до купола — действительно «звуковая скульптура», производившая незабываемое впечатление. Одной из наиболее эффектных работ на выставке была инсталляция Мари Жо Лафонтен «Стальные слезы» — синтез скульптуры, видеоискусства и музыки. Наиболее действенным в этой триаде было искусство видео, и потому эту работу можно назвать видеоскульптурой. Название

«Стальные слезы» имеет явно иронический подтекст (так французы называли немецкие авиабомбы во время Второй мировой войны). В огромную, пирамидальных очертаний скульптуру-стенд вмонтированы рядами телевизионные экраны, на которых зрители видят множасьщиеся изображения молодого атлета, тренирующегося с тяжестями на специальном станке. В медленном ритме, в различных ракурсах, под сменяющиеся звуки — от ритмических шумовых эффектов до классического оперного апофеоза (голос Марии Каллас) — движется, повторяя одни и те же упражнения, обнаженный торс атлета, работают мышцы, выступают капли пота на лице... Современный пафос, идентификация мужского тела и сексуальной энергии (воплощенной в мощи мускулатуры) с машиной были одновременно и трагедийными и пародийно-ироничными (точка зрения автора-женщины), почти кичевыми, — все это было достигнуто точно найденным соотношением визуального и звукового рядов.

Для нынешней «документа» характерен был расширенный показ видео- и аудиоискусства. В отдельном павильоне возле Фридрицианума помещались оборудованные по последнему слову техники видеотека и аудиотека, где на экранах, большом и двух малых (изолированных друг от друга для удобства зрителей), можно было смотреть видеофильмы разных авторов по собственному выбору и слушать через наушники чтение поэтами своих произведений, радиопостановки, записи экспериментальной музыки. В аудиотеке имелась запись стихов московских поэтов: Всеволода Некрасова, Дмитрия Пригова, Андрея Монастырского и группы «Мухоморы» (у последних были записи также их пародийных песен). Этим и ограничилось представление современной русской художественной культуры на выставке. Бывшие москвичи Виталий Комар и Александр Меламид выступали здесь уже как эмигранты, как русско-израильские художники, живущие в США, — но подробнее о них во втором интервью).

Обращали на себя внимание необычные работы, относящиеся как будто к области дизайна, в частности, мебель. Все эти предметы, спроектированные дизайнерами

специально для выставки, были поданы как воплощение идеи «дизайн как искусство». Они были по сути художественными объектами и поражали зрителей остроумием и игрой воображения.

Чем-то новым явился обширный показ *социального искусства*, как его назвали организаторы выставки, искусства, пытающегося вторгнуться в сложные перипетии сегодняшней социально-общественной реальности. Контраст между богатством технически развитых стран и третьего мира, политические противоречия нашего времени, угроза атомного уничтожения, проблема переизбытка информации, экологические пророчества, — конечно, трактовка этих тем «социальным искусством» ничего общего не имели с социалистическим реализмом, работы говорили со зрителем на языке модернистского искусства. Надо сказать однако (и это не только мое мнение), что в целом произведения этого плана к сожалению нельзя было отнести к удачным на выставке.

В рамках «документа 8» ежевечерне в различных залах города происходили также перформансы, музыкальные акции, выступления экспериментальных сценических групп, съехавшихся из многих стран.

Хотя в концепции нынешней «документа» виден был явный отход от принципов и стилистики постмодернизма (что подробнее освещается также во втором интервью), выставка все же — как верно заметила рецензентка еженедельника «Ди Цайт» — не навязывала зрителям, что они должны считать хорошим искусством, а что плохим. Выставка предоставляла им возможность увидеть различные художественные решения и самим сделать свой выбор.

С одним из участников «документа 8» художником Уго Досси я познакомился возле его работы и после долгой беседы сделал еще запись небольшого интервью.

Энвиронмент Досси называется «Горящий куст». Эта работа, которая мне кажется одной из интереснейших на выставке, может еще и служить примером, как мыслит и действует современный западный художник, когда берется за создание произведения, основанного на религиозном мироощущении, более того, использует «сюжет», прямо

заимствованный из Ветхого Завета. Как далеко решение, предлагаемое им зрителям, от расхожих мотивов с церквями, куполами увенчанными крестами и т. д. и т. п., которые весьма часто мы видели в работах многих русских неофициальных художников, пытающихся выразить свои религиозные чувства (причем чаще всего это предпринимается ими с наилучшими намерениями, вполне искренно). Искренность конечно великая вещь, но ведь если уровень художественного мышления автора, определяющий его стратегию в работе над своим произведением, невысок, то одной искренности оказывается недостаточно.

Энвиронмент расположен в специальном, суживающемся в глубину от зрителя, погруженном в густой полумрак, пространстве. Слева и справа симметрично установлено по три больших застекленных, слегка посверкивающих в темноте, изображений звездного ночного неба. Они стоят на полу, прислоненные наклонно к стенам. Пол усыпан белой солью, ближе к картинам ее слой увеличивается, они как бы слегка утопают в этой белеющей у их оснований соли. В глубине в центре, также на полу, установлен настоящий куст терновника, который виден зрителю только потому, что на его густые ветви кинопроектор непрерывно проецирует изображение пляшущего пламени. В зоне этого пламени непрерывно скользят несколько небольших узких изогнутых полосок, которые то собираются к центру огня, то медленно отдаляются от центра, разделяясь (они, так же как и пламя, проецируются проектором). Как объяснил сам Уго Досси, это нечто вроде отрезков ленты Мёбиуса, визуально несколько напоминающих сердце. Стремление этих форм к соединению, ритм их движений символизирует по мнению автора сексуальный акт (стремление к слиянию, слияние, отдавание и умиротворение), который связывает человека с космосом, с божественным началом. Наиболее интересен прием применения мгновенных изображений различных предметов, таких как гнездо птицы, ракушка, цветок и др., которые с нерегулярной частотой (каждую одну-две минуты) проецируются на горящий куст. Для Уго Досси ситуация зрителя, при которой мгновенные изображения фиксируются только лишь в его подсознании, является своего рода

метафорой рождения акта веры: чтобы воспринять эту работу зритель должен поверить в то, что существует реальность, не постигаемая его сознанием, т. е., совершить акт веры.

Работа Досси требует большого сосредоточения от зрителя, повышенного вчувствования в нее, в ее драматическую символику, как бы ставящую зрителя перед неопалимой купиной и невидимым присутствием Бога, говорившего из нее к Моисею.

Краткое суммирующее высказывание художника о своем произведении было записано, когда мы, выйдя из Фридрицианума, немного посидели вместе в кафе, расположенном у его стены под открытым небом.

Интервью с Уго Досси

Уго Досси: Я сделал работу о подсознательных процессах, работу, которая пытается обратиться непосредственно к подсознанию. Я создал контекст, который был для меня важен и был связан с моим подсознанием, создал пространство, в котором заключено религиозное начало, в котором возможно есть магия, есть надежды, есть страстные порывы, которое наполнено чем-то, что реально воздействует, — я чувствую, это «что-то» есть, но не знаю, какова его структура. Я обратился к образу, представлявшемуся мне наиболее убедительным и ярким: это Моисей, Моисей в пустыне, который узнал голос неведомого Бога, говорившего к нему из горящего куста. Он не мог рассказать, как выглядит Бог, но он Его понял. Это стало моей точкой опоры, точкой, к которой я приложил свой рычаг — игру с подсознанием. В этой работе я использую кинопроекции, которые проецируются малую долю секунды, так быстро, что их невозможно осознать; то есть, левое полушарие мозга не в состоянии ни распознать, ни описать, ни понять эти образы, но глаз их видит, воспринимает. Эти изображения проецируются на куст, куст, который горит, горит, но не сгорает. На колеблющиеся языки пламени, которые с помощью кинопроектора проецируются на реальный куст

терновника, находящийся в глубине инсталляции, накладываются воспринимаемые на уровне подсознания изображения длящиеся шесть сотых долей секунды. Они мгновенно исчезают, человек не осознает их, но его глаз все же успевает их увидеть и подсознание эти изображения усваивает.

Из этого, я надеюсь, возникает — может быть только у какой-то части зрителей, у тех, которые соответственно настроются — нечто, подобное тому, что происходило с Моисеем, когда он находился в пустыне. Мотив пустыни для меня был также очень важен как конкретность места, материальная обусловленность этого энвайронмента, и потому пространство инсталляции было наполнено солью, символизирующей песок пустыни. Вещи, которые обычно для нас недостижимы, я сделал осязаемыми объектами. Это шесть картин (по три с каждой стороны), которые изображают звездное небо, которые отражают друг друга (поскольку они находятся под стеклом), в которых отражается пространство, отражаются люди. Каждый из зрителей отражается в небе в моей инсталляции, он видит себя отраженным в небе и одновременно он видит в горящем кусте нечто такое, что он не видит.

Вилен Барский: Шесть картин ночного звездного неба — это фотографии с натуры? Во всяком случае, они кажутся фотографиями в полумраке, в который погружена вся инсталляция.

У. Д.: Нет, эти картины сделаны с помощью аэрографа.

В. Б.: Они воспроизводят настоящие фотографии?

У. Д.: Каждый художественный процесс должен воспроизводить какой-то экзистенциальный, какой-то действительный процесс, космический процесс. Я думаю, что в радости творчества заключена радость подобная той, которая, вероятно, послужила причиной для Творца создать этот мир.

Мне удалось также побеседовать с руководителем «документа 8» доктором Манфредом Шнекенбургером, известным в Западной Германии организатором выставок

искусства. Он, кстати, 10 лет тому назад был устроителем 6-ой «документа». То, что он сказал в интервью, кажется мне в высшей степени интересным (хотя кое в чем я с ним не согласен). Интересным особенно еще и потому, что разговор затрагивал современное русское искусство.

Интервью с Манфредом Шнекенбургером

В. Барский: Господин Шнекенбургер, вначале вопрос общего характера. Является ли для Вас концепция «модернизм после постмодернизма», которой придерживаются некоторые авторы статей в каталоге «документа 8», убедительной?

М. Шнекенбургер: Верно. Некоторые авторы нашего каталога полагают, что сейчас существует нечто вроде неомодернизма или нового модернизма после постмодернизма. При этом считается, что постмодернизм — это формалистическое понятие, что постмодернизм формалистичен, что он иррационален, что он только цитирует, то есть, что постмодернизм это рамочное понятие, которое вмещает всё. Я смотрю на это несколько иначе. Я считаю, что мы находимся сейчас в переходном периоде. Те важные движущие силы, выразителем которых являлся классический модернизм, а именно: с одной стороны, путь в утопию (слияние искусства и общества), с другой стороны, путь к искусству все более чистому, только к искусству, к автономному искусству — оба эти пути в настоящее время никуда не ведут. Понятие авангарда, бывшее центральным для классического модернизма, надежда на то, что искусство идет вперед, что в искусстве еще существует прогресс, — всё это пришло к концу.

Однако, в то же время, я считаю, что мы не нашли ничего кроме эрзаца этого авангардизма, этой веры в прогресс искусства, что современная ситуация является ситуацией перехода, то есть, что старая вера в прогресс искусства, которая 80 лет тому назад явилась основой авангарда, уже более не действенна. Новых стратегий, новых средств художественного языка не видно; и потому на этой

«документа» мы не пытались выявить новые художественные стратегии, а пытались выявить новое отношение, новую мотивацию искусства, — и это то, что в каталоге определяется как неомодернизм. Собственно говоря, нового искусства нет, но есть искусство, которое ищет новое содержание. Оно еще не нашло новой формы, но решило принять на себя новую ответственность в рамках жизни общества. Это существенно отличается от самодостаточности *искусства об искусстве* 70-х годов или от автобиографичности *искусства о художнике*, живописи о себе как о художнике, начала 80-х годов.

Я считаю — и это можно определить как неомодернизм, — что новые, действительно новые парадигмы возникнут только тогда, когда будет найден новый художественный язык и новые стратегии. Этого я в настоящее время не вижу, и потому именно на нашей выставке мы пока видим только обращение к новому содержанию, к новой ответственности в искусстве.

В. Б.: Следующий мой вопрос о художниках Комаре и Меламиде. Конечно, это большой успех — участвовать в экспозиции «документа». В каком-то смысле это также успех московского неофициального искусства, к которому в прошлом принадлежали оба художника, хотя, конечно, после десяти лет эмиграции они предстают здесь в новой ипостаси. Может быть я слишком пристрастен к ним как к своим соотечественникам, но мне кажется, что несмотря на впечатляющее разнообразие средств выражения, их работа*, показанная на выставке, не так уж удачна — из-за свойственной авторам, если так можно выразиться, плосковатости и плакатности их художественного мышления. Каково Ваше мнение?

*Виталий Комар и Александр Меламид выставили работу-полиптих, состоящую из комплекса картин, коллажей и текстов — все это было укреплено с двух сторон нескольких соединенных друг с другом стендов, занимающих большой зал. Все многочисленные части объединены названием «Ялта 1945 — зима в Москве 1977». Зрители видят тут и интерпретацию в живописи известной ялтинской фотографии сидящих рядом Черчилля, Рузвельта и Сталина (причем первые два выполнены в манере, пародирующей модернизм, третий же — как пародия на стиль

М. Ш.: Я думаю, что их работа, возможно, несколько плакатна, возможно, также сознательно плохо написана — вполне сознательно — начиная с примеров академической классической живописи в некоторых частях полиптиха и кончая сознательно плохой живописью в других его частях, иронизирующей и пародирующей модернизм: классический модернизм, американский поп-арт, искусство объекта. Я считаю, что в этой работе очень сильны ирония и пародия. Это работа, в которой главное — ее второй план, ее подтекст. Что мне особенно нравится, это то, что в ней биографии обоих художников (начиная с 1948 года) и политическая история связаны в едином временном пространстве большого полиптиха. То есть, всё, что они переживают лично, они отражают в событиях большой политики и делают это очень иронично: так, например, в одной из частей полиптиха раздел мира после Ялты на восточный и западный блоки иронически символизируется картиной Соломонова суда, где — в отличие от рассеченного полевого мира — ребенок не был разрублен и истина восторжествовала. Этот мотив раздела мира на Восток и Запад пронизывает всю работу. Их личные воспоминания: первые годы учения в Академии, первая любовь, родители — всё это смешивается с политикой, и одновременно вся история искусства (почти как в энциклопедии), от Ренессанса до современности, до непосредственной современности, пародируется. Особенно мне нравится одна часть — та, где неожиданно накладыва-

соцреализма), и усопших Гитлера и Сталина, вознесшихся в черное небо над облаками из наклеенных кусков ваты; тут и обнаженные девушки в позах почти порнографических, написанные в стиле псевдоакадемизма, и два одинаковых натюрморта на манер учебных постановок в советских художественных вузах (оба автора когда-то учились в Суриковском художественном институте): тут и большая картина, пародирующая стиль поп-арта, похожая на увеличенную до огромных размеров газетную карикатуру на тему соперничества двух сверхдержав — Слон и Бегемот, играющие в шахматы на приморском пляже; тут и длинная полоса коллажей из страниц советских газет и журналов, и ряд картин-пародий на стили абстрактной живописи: информель, геометрическую абстракцию, оп-арт; и пародия на малевичевский черный крест с наложенной на него имитацией русской иконы, помещенные на красный фон... Все это только небольшая часть «сюжетов» этого полиптиха.

ются друг на друга икона и Малевич — ведь Малевич у вас был тоже иконой!? — я вижу в этом множество умных намеков и комментариев к истории искусства. И всё это сведено в работу, являющуюся, на мой взгляд, классическим примером того, что я мог бы назвать «постмодернизмом». То есть в работу, которая сама не имеет никакого стиля, которая совершает ограбление всех стилей, но делает это умно и остроумно, используя темы, ставшие классическими в искусстве: автобиографические моменты, портрет, историческую живопись. То есть, также и классические темы истории искусств пародируются и иронически интерпретируются.

В. Б.: До сих пор на кассельскую «документа» не приглашались художники, живущие в СССР.

Думаете ли Вы, что если либерализация в области культуры там будет продолжаться и расширяться, и разрыв между западным и советским искусством ощутимо сократится, руководство уже следующей «документа» сочтет возможным пригласить наиболее интересных художников из Советского Союза?

М. Ш.: В принципе, я думаю — да. Это очень старая дискуссия, мы об этом вели разговоры уже 10 лет тому назад, когда я тоже руководил «документа». Мы тогда пригласили впервые художников из ГДР и думали, не следует ли нам заинтересоваться также и Россией. Но проблема состояла в том, что, хотя там и были талантливые художники, контекст истории искусства, в котором пребывает советское искусство, чрезвычайно отличен от нашего. Диалог, который оно ведет с историей искусства, это, на наш взгляд, диалог с XIX, а не с XX веком.

Советское искусство исключило из этого диалога важнейшие этапы собственной традиции: конструктивизм и другие авангардные течения 20-х годов. И поэтому такая выставка, как «документа», которая продолжает линию классического модернизма до наших дней, до постмодернизма, до неомодернизма — как бы мы его ни называли — это другой рубеж развития искусства, не тот, к которому пришло современное советское искусство. Мы ведь не

Венецианское Биеннале, где всё, что производится в искусстве, то и показывается, — нашим рубежом всегда является современность, и даже по отношению к ней мы очень избирательны. Если русское искусство (я могу себе это представить) соотнесет свою историю со своей собственной важнейшей традицией в XX веке, а также с тем, что происходит в мировом искусстве, — то есть не будет всегда вести диалог только лишь со своим XIX веком, с одной стороны, и со своими 30-ми годами, с другой, то — я в этом даже убежден — «документа» не сможет себе позволить обойтись без художников из России. Однако, должен сказать, в этой ситуации, такой, как она выглядит сейчас, даже перемены, даже диссиденты в русском искусстве кажутся нам всё еще эпигонскими по отношению к западному искусству. Может быть для развития русского искусства очень важно (подобно тому, как это было в ГДР), когда у вас происходит прорыв из реализма в сторону сюрреализма, к фантастическому искусству, — безусловно для России это важное открытие, однако для нас это уже третье поколение тех, кто вышел из сюрреализма, не правда ли?

И вот поэтому мы до сих пор отказывались от того, чтобы приглашать русских художников. Как скоро настанут времена, когда также и русское искусство включится в диалог с модернизмом, с настоящим модернизмом, и будет на этой основе развиваться, мы не знаем, но похоже, что кое-что там происходит в этом направлении.

К этому разговору я бы хотел кое-что добавить. Почти все, что следует ниже, было мною высказано М. Шнекенбургеру после интервью, но более кратко. Изложу свои мысли, развивая и расширяя их.

Вначале — в связи с ответом на второй вопрос. Мои «претензии» к Шнекенбургеру касаются чересчур прямолинейного толкования им моих слов о том, что художественное мышление Комара и Меламида «плосковато и плакатно». Свой ответ он перевел в план скорее узко-конкретных проблем исполнения работы: «их работа, возможно, несколько плакатна, возможно, также сознательно плохо на-

писана». Я же говорил о художественном мышлении, а это в моем понимании понятие более высокого порядка, понятие определяющее. Согласен с М. Шнекенбурггером, что можно удачно использовать приемы), но ведь все это «работает» только при достаточно высоком уровне именно самого художественного мышления, которое и определяет образную систему произведения, его неоднозначность, его глубину.

Я могу согласиться со Шнекенбурггером, что работа Комара и Меламида, только в том случае, если подойти к ее оценке парадоксально (и тут парадоксальность эта окажется спасительной). Их произведение становится удачным и по-настоящему интересным, если будет понято не просто как пародирующее *стили и темы искусства в рамках постмодернизма* (Шнекенбурггер даже считает их работу «классическим примером» этого стиля), но как включающее в круг пародирования также и сам постмодернизм с его стилистикой и художественными приемами, постмодернизм, в лоне которого их произведение возникло. Т. е., если оно будет понято как метапародия стиля и как автопародия. (К такому довольно радикальному осмыслению я пришел уже после возвращения с выставки.)

Если Комар и Меламид действительно ставили перед собой такую задачу, то, как говорится, честь им и слава. Но так ли это было на самом деле?..

Теперь по поводу ответа на третий вопрос интервью. То, что говорит Шнекенбурггер, звучит почти как приговор. Этот приговор, серьезный и обоснованный, он относит к русскому современному искусству в целом, не делая различий между массой официальных художников и меньшинством художественной оппозиции. Правда, когда Шнекенбурггер начинает дифференцировать и верно отмечает неактуальность фантастического стиля (имея ввиду уже неофициалов), он не учитывает, что в русском свободном искусстве с конца 60-х годов происходили гораздо более интересные явления — например, московский вариант концептуализма достаточно своеобразен в лице таких художников, как Илья Кабаков и Эрик Булатов. Именно они успешно пытались вести диалог с «настоящим модернизмом», говоря словами Шнекенбурггера.

Но, повторяю, в целом суровая оценка, по-моему, вполне оправдана. Есть над чем задуматься, услышав эти нелестные слова, это независимое мнение «со стороны».

Это мнение опять возвращает нас к проблеме, о которой я уже говорил: до тех пор, пока русские художники не могут свободно и непосредственно общаться с западным искусством, выезжая за границу когда захотят, работая и выставляясь там, приезжая обратно когда захотят, трагическая ситуация ущербности современного русского искусства не изменится к лучшему. Суть этой ущербности в том, что художники не имеют возможности естественно участвовать в процессе, которым живет мировое искусство. Ведь получать информацию только из западных книг и журналов отнюдь еще не означает *жить* в процессе. Этот затянувшийся период длится со второй половины 50-х годов и продолжаться до бесконечности не может. Осознание такого положения художниками в России было бы первым шагом в сторону перемен*.

Я конечно не ратую тут за какой-то среднеарифметический «международный стиль» в русском искусстве — по аналогии с западной архитектурой 50-х годов, без конца повторявшей находки Миса ван дер Роэ, — не призываю русских художников отказаться от реального контекста жизни своей страны. Я имею ввиду другое — естественный и плодотворный баланс между верностью этому контексту и непосредственной включенностью в сложный стихийный процесс мирового искусства.

1987

*Речь тут идет о русском искусстве, ясно, что это относится также и к художникам, живущим в национальных республиках страны.

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

Карл Пельман

БЕЗУМИЕ ЦЕЗАРЕЙ*

Несомненно, непрерывное занятие одной и той же профессиональной деятельностью может изменить поведение человека, привести к развитию особого психического типа личности.

К профессиональным психозам относится и комплекс так называемого «безумия цезарей» — психоз властителей, проявляющийся только у властителей и развивающийся в особую болезнь императоров в период их правления.

О синдроме «безумия цезарей» впервые, насколько мне известно, упоминает в своей книге «Les Césars», изданной в Париже в 1841 г., Шампиньи, который подробно описал *manie impériale*. Иоганнес Шерр в своей замечательной книге «Блюхер и его время», вышедшей в 1865 г., описывает в главе VIII «императорское безумие» Наполеона, а Г. Фрайтаг, первым, по-видимому, в 1864 г., в работе «Утерянные рукописи», определил признаки этого заболевания, и благодаря ему синдром «безумия цезарей» получил право на существование.

Нетрудно понять, что для развития характера нет ничего более опасного, чем неограниченная власть, — когда один человек не нуждается в помощи других людей и не испытывает к ним никакого уважения. Патология будет постоянно прогрессировать и станет в конце концов необратимой, тем более, что великое лекарство воспитания в данном случае почти не помогает.

Философ Карнеад Киренский, а позже Монтень отмечали, что дети властителей, перед которыми всё, к чему они прикоснутся, склоняется, подобно тростнику, и кого

*Глава из книги проф. К. Пельмана «Psychische Grenzzustände», Бонн, 1920. Перевод с немецкого.

только лошадь может сбросить безо всякого почтения, — всерьез обучаются только верховой езде. Софокл сказал как-то, что даже рожденный свободным человек, оказавшись в числе приближенных властителя, быстро превращается в раба. Короли учатся только на собственном опыте, и их желание должно быть законом.

Само собой разумеется, все это относится к прошлым временам. Сейчас в этом вопросе много изменилось, многое улучшилось, но, как и прежде, лезть пагубно влияет на мировоззрение властителей и мешает им правильно судить о том, что есть добро и что есть зло. Любое желание властителя оказывается выше всяких других соображений, — они требуют удовлетворения любой своей прихоти и всякое возражение рассматривают как личное оскорбление и враждебность. С этого-то и начинает проявлять себя синдром «безумия цезарей», который затем приводит к развитию таких черт характера, как лицемерие, мнительность и кровожадность, что в первую очередь ощущает семья цезаря.

*

Местом, где начало проявляться это заболевание, были ничем не ограниченные деспотии Востока, но нигде оно так явно не манифестировало себя, как в Римском государстве (потому что там развитие дурных и хороших человеческих качеств было очень быстрым и показательным), особенно после того, как Юлию Цезарю удалось соединить остатки древнеримской простоты с великолепием и обычаями Востока.

Эта общая причина дополнялась еще особым обстоятельством. После смерти Юлия Цезаря старые, вырождающиеся роды Юлиев и Клавдиев соединились друг с другом. Все слабости до тех пор разделенных родов унаследовали их общие потомки, у которых скрытые формы патологии переросли в явное заболевание.

Все, чего при помощи колоссальных усилий достигли, гениальные правители Цезарь, Октавиан и Тиберий, было сведено на нет их безумными потомками Гаем, Клавдием, Нероном.

Когда умирал Тиберий, его внучатому племяннику, сыну Германика (из Юлиев) и Агриппины, — Гаю Цезарю, которого солдаты называли Калигулой, не было еще 22 лет. В наследство от Августа получил Гай слабость нижних конечностей и моральных качеств, что не ускользнуло от острого глаза Тиберия. «Я оставил Гаю жить себе и другим на беду», — сказал как-то Тиберий. — «Я выращу змею для римского народа и Фазтона для остального мира». Многие считали Гаю больным как физически, так и духовно.

Тем не менее римской народ ликовал, когда Гай Цезарь вступил на престол, — он видел в новом императоре избавителя от тяжелой нужды. И в самом деле, в первый период его правления была надежда на приход лучших времен. Но это было очень недолго — скоро всякая надежда исчезла. Для Калигулы была невыносима мысль о том, что он должен управлять миром. От этого он обезумел, превратился в безумного демона.

Калигула всегда был пуглив и страдал всевозможными неврозами. Он панически боялся грозы и, когда гремел гром, в страхе заползал под кровать. Все его дурные качества развились невероятно. Из-за своего распутства он уже через несколько месяцев после восшествия на престол заболел психическим расстройством, и мания преследования, овладевшая им, уже больше никогда его не покидала. Во всяком случае он всегда был суетлив и беспокоен и любил бессмысленные, бесцельные разрушения. И в то же время все заметнее становилась его страсть к гипертрофированию всего, что касалось его личности, к самовозвеличиванию и самообожествлению.

Очень метко и не без юмора описывает все это Филон в своем рассказе о том, как он был на аудиенции у цезаря.

Язычники, граждане Александрии, угрожали евреям этого города поражением в правах и лишением гражданства. Поэтому евреи послали Филона с посольством в Рим, где евреям, так же как и послам их противников, цезарь назначил аудиенцию.

Аудиенция состоялась в вилле в Микенах, хотя обычно такие встречи проходили в служебном кабинете императора. Как только Калигула увидел посланцев, он набросился на

них с бранью, обвиняя их в том, что они не оказали ему подобающих почестей, тогда как он является богом. Не дожидаясь ответа, помчался он прочь через все комнаты, на ходу отдавая приказы и распоряжения. Неожиданно он вдруг обернулся к стоящим у него за спиной и затаившим дыхание евреям: «Почему вы не едите свинину?». И помчался дальше, как бы в погоне за кем-то, — вверх по лестнице, вниз по лестнице. Наконец он остановился и объявил послам, не успевшим сказать ни слова, свое решение: «Вижу, что вы неплохие люди, но несчастные и глупые, потому что не приветствовали меня как бога, а я все ж таки им являюсь».

Считая себя божеством, присваивал Калигула себе все новые атрибуты и имена великих богов. Он беседовал на капитолийском холме «со своим братом Юпитером», которого он при случае любил припугнуть: «Убей меня или я тебя уничтожу!» И на грозные молнии Юпитера он отвечал потоком камней из камнеметательной машины, приказывая (чтобы было похоже на раскаты грома) сопровождать метание камней глухим рокотом.

Мировоззрение Калигулы лучше всего характеризует его же высказывание: «У меня есть право делать все, что я хочу, и это право превыше всего!». И он, надо сказать, честно следовал этому правилу. Не было святыни, которую бы он не растоптал, не было высшей ценности, которую бы он не вывалял в грязи.

Возможно, в его безумном поведении был высший смысл — воспроизвести то, что должно было получиться из замысла Юлия Цезаря перенести на римскую почву перенятые им у Клеопатры восточные представления о правах властителя — т. е. о праве на основанную на насилии деспотию. Во всяком случае Калигула не замедлил этот замысел воплотить в жизнь.

Для восточного типа деспотии характерны многоженство и браки между братьями и сестрами. Калигула был женат на своей сестре Друзилле, а после ее смерти отобрал у двух видных граждан Рима их жен и женился сразу на обеих, подобно Юлию Цезарю, который был одновременно женат на Кальпурнии и Клеопатре. Обоиx жен Калигула скоро

прогнал — отправил в ссылку, а покойную Друзиллу перенес в пантеон богов.

Одно преступление следовало за другим, и с каждым разом становилось все опаснее быть приближенным царя. Когда мудрая бабка Калигулы Антония рискнула его в чем-то упрекнуть, он приказал ее отравить. Своего бывшего покровителя Макробиуса, которому он был многим обязан (так же как и Силена, и других, кто был ему почему-то неудобен), Калигула без колебаний убрал с дороги. То, что этими людьми восхищается народ, и то, что это восхищение вызывает у него раздражение, было для Калигулы достаточным основанием для вынесения смертного приговора. Убийство превратилось в высшее наслаждение, и император советовал палачу: «Сделай так, чтобы он понял, что такое смерть!»

Во время цирковых представлений он мог приказать бросить на растерзание диким зверям любого из зрителей. Когда сенаторов и квесторов пытали, Калигула выражал свое низменное желание: «Я хотел бы, чтобы у вас у всех было одно горло». Что это должно было означать, легко понять, зная слова, которые обычно нашептывал Калигула своей любимой Кесонии в промежутке между ласками и забавами: «Мне стоит лишь пальцем пошевелить, чтобы свалилась такая прелестная головка.»

Наслаждение жестокостью и сладострастьем сопровождалось безумным расточительством. Один пир Калигулы обходился в два миллиона марок. На удовлетворение своей неутолимой жажды строительства, на свои плавучие виллы и особенно на плавучий мост через залив из Байи в ПUTEОЛИ растратил он все те огромные суммы, что удалось собрать ТИБЕРИЮ. Вскоре он обнаружил, что ему нужны новые поступления в казну. Средства достижения цели для него не имели значения. Он вводил всевозможные налоги, приговаривал богатых людей к смерти для того, чтобы присвоить себе их имущество, и требовал, чтобы во всех завещаниях ему была обеспечена соответствующая доля наследства. Если ему приходилось слишком долго ждать получения наследства, он посылал завещателю яд — послание означало, что тому следует поторопиться с выполнением своих обязательств.

Другой способ преумножить свои доходы пришел ему в голову случайно, во время пребывания в Лионе, где он заставил наиболее уважаемых граждан нести на рынок и там продавать с аукциона старые тряпки из наследства цезарей. Разумеется, историческая ценность тряпок принималась в расчет.

Однажды какой-то старый человек задремал в его присутствии, и Калигула повелел кому-то из свиты проследить за стариком — посчитать, сколько раз тот кивнет головой. Когда несчастный наконец проснулся, он обнаружил себя в окружении тринадцати гладиаторов — он должен был выплатить императору штраф. Сущий пустяк — всего 1,5 миллиона марок.

Жаждал Калигула и воинской славы, хотя по природе был труслив и никак не мог быть героем. В 39 году двинулся он к Рейну, желая перейти пограничную реку. Но как только дошли до императора слухи о том, что германцы готовят встречный поход, боевой пыл императора тут же улетучился, и он стремглав помчался назад. Ко всеобщему удивлению, несколько дней спустя он все же вынужден был вступить в бой с германцами и к вечеру победителем вернулся в лагерь, ведя за собой довольно много пленных. То, что эти пленные, как оказалось, были солдатами его германской гвардии и играли роль пленных по приказу императора, не помешало Калигуле написать письмо Сенату и обвинить сенаторов в том, что они предавались радостям жизни в своих резиденциях, тогда как их император подвергался опасностям и превратностям войны.

К военным подвигам Калигулы причисляют также его поход в Британию.

Тяжеловооруженные воины императора буквально тонули в песках, когда он заставил своих собравшихся в Еулони солдат собирать на берегу моря ракушки, которые он потом как отвоеванную у океана добычу приказал хранить в Капитолии.

До тех пор никто, ни в Риме ни в армии, рукой не шевельнул, чтобы воспрепятствовать действиям этого безумца, о котором Сенека сказал, что он призван показать

миру, какие невероятные преступления можно совершать, имея неограниченную власть.

Пока Калигула преследовал только патрициев и искал жертв среди богатых и знатных, народ безмолвствовал. И только когда он взвинтил налоги, дружбе пришел конец. Все же император имел еще на своей стороне армию. Солдаты радовались его затеям, поскольку были довольны подаркам, которые император бросал им во время своих представлений. Неоспоримым доказательством безумия Калигулы служит то, что он, в конце концов, свою ярость обратил против солдат. Тем самым он решил свою судьбу. Было подготовлено сразу несколько заговоров, и 24 января 41 года Калигула, после трех лет и десяти месяцев правления, пал жертвой одного из них. Человек, который, по выражению Сенеки, рожден был на позор и беду человечеству.

13 октября 54 года трон римского императора занял семнадцатилетний Клавдий Нерон — сын Агриппины, сестры Калигулы, и Домициана Ахенобарбуса, сказавшего при рождении сына такое напутственное слово: «У Агриппины от меня может родиться только чудовище, миру на беду». И действительно, стоило бы Нерону быть более внимательным в выборе родителей — Домициан был грубым и беспутным малым, мошенником и кровосмесителем, а о матери Нерона рассказывали, что она отравила своего первого мужа (в это, судя по ее последующему поведению, нетрудно поверить).

Сам Нерон, по мнению Ренана, был безумцем, легко пьяневшим от аплодисментов улицы, и не только самым плохим властителем из тех, кто сидел на императорском троне в Риме, но самым тщеславным и смешным в ряду всех тех, кого злая судьба возвела на вершину мира.

То были безумные времена, о чем известно по описаниям в «Сатириконе» Петрония, — Нерон отдавался соблазнам страстно, с перехлестывающей всякую меру жаждой наслаждений. Его не интересовали дела управления государством, которые он перепоручил своей матери и своему воспитателю Сенеке. Сам он собрал компанию еще более, чем он, беспутных молодых людей и проводил с ними в

веселье ночи напролет, превращая улицы Рима в место для диких оргий.

В те времена вкусы были извращенными. Самым высоким из искусств считалась тогда мелодекламация и в моде были «живые картинки» — все это было в равной мере безвкусно и гипертрофировано. В этом хаосе иррационального и безумного свободно проявляла себя артистическая натура Нерона, чей экстремизм еще более подчеркивался экспрессивностью поведения, — безмерность перерастала в чудовищность. Свою безграничную чувственность Нерон старался выразить в стихах, которые он читал, «осчастливливая» окружающих, во время представлений, продолжавшихся часто целыми днями. Никому нельзя было покидать театр во время представления, дело доходило до того, что женщины должны были прямо в театре и рожать. Да и сам Нерон едва находил время для еды. Об аплодисментах должны были заботиться 5000 храбрых солдат, которых обучили тремя способами выражать одобрение: кричать, бить по кускам черепицы или же стучать черепками. Не дай Бог, кто-то откажется аплодировать или будет делать это без должного усердия — несчастного в этом случае ожидает смерть. Однажды Нерон приказал задушить певца, который вовремя не приглушил свой голос и не обратил внимания на замечание императора.

И все же до определенного времени деятельность Нерона завершалась массовыми потасовками и не более того. Выступая в качестве художника, певца, стихотворца, возницы, спортсмена или охотника, он был опасен только своим близким. Правда, любой пустяк, любая ничтожная мелочь могла оказаться губительной для не имеющего злого умысла человека. После смерти матери все изменилось. Уже давно тяготило Нерона вмешательство Агриппины в его собственные и государственные дела. Наконец стало оно для него невыносимым, и Нерон решил погубить свою мать. Попытка утопить Агриппину в заливе — во время ее путешествия в Байю на неисправном корабле — не удалась, и Нерон приказал убить ее той же ночью.

В это время появились признаки душевного заболевания, от которого Нерон уже до конца жизни не мог

избавиться. Во всяком случае, у него были очевидные периоды возбуждения, которые временами сменялись приступами меланхолии, когда он видел свою мертвую мать и, испытывая страх, слонялся целыми днями без дела. В периоды возбуждения приказывал он сносить к нему все художественно ценные вещи, воздвигал сказочные по великолепию и размерам дворцы, облицованные мрамором и драгоценными камнями, перламутром и золотом. Пол в этих дворцах покрывали вавилонские ковры, каждый из которых стоил до 600 000 марок, все стены комнат были украшены жемчугом. Нерон полагал, что он начинает жить так, как должен жить человек. Все у него было из золота и драгоценных камней, даже копыта его мулов были позолоченными. В свите Нерона было не менее тысячи колесниц. Тацит определил сумму, которая расходовалась на преторианцев, комедиантов и вольноотпущенников, в 300 000 000 марок (в пересчете на современные деньги, разумеется). На свои строительные затеи Нерон тратил во много раз больше. В безумном расточительстве сквозь пальцы утекали миллионы, а между тем у Нерона не было, как у Калигулы, унаследованных сокровищ. И все же Нерон мечтал о еще большем величии — о величии неслыханном: «До меня не знали, что властителю позволено все!»

Действительно ли Нерон виновен в пожаре Рима (64 г), когда из 14 районов города уцелело только 4, никому точно не известно. То, что он пел во время пожара, — это, вероятно, всего лишь легенда. Утверждают, что Нерон носился со своим планом построить на месте старого Рима Рим Нерона, и, зная его достаточно хорошо, в это можно поверить. Безусловно, Нерон был человеком, которого не отпугнул бы ужас содеянного преступления, если бы ему понадобилось поджечь город для того, чтобы получить дешевую земельную площадь для строительства. Во всяком случае общественное мнение приписывает пожар Нерону. Массовые бедствия и упадок Рима порождали волнения. Нерон почувствовал необходимость отвести от себя подозрения и обвинил в поджоге ненавидимых всеми христиан, этих *odium generis humani*. Их позволено было преследовать, особенно

после «прекрасного представления», во время которого они выступили в роли факелов Нерона.

И все-таки Нерон был жестоким, но не свирепым. Он искал и находил удовлетворение своего невероятно развитого тщеславия во всем необычном, в том, чего до него не было. А смертная казнь в те времена была всенародным праздником. К тому же человеческая жизнь тогда так низко ценилась, а пролитие крови было столь обычным явлением, что малейшего повода, минутной смены настроений было достаточно для вынесения смертного приговора. Легко понять, что как только появлялся действительно серьезный повод — такой, например, как заговор Пизона, — начинались массовые убийства.

Тем временем мания величия императора все более и более прогрессировала. Он был убежден, что может жить своим искусством. Вся Италия должна была, пораженная, лежать у ног божественного певца, его должны были увенчивать лаврами и цветами, тысячи людей устраивали ему овацию. Решил Нерон и греков осчастливить своим искусством — ведь только греки могли по достоинству оценить и его самого и его усилия. Полтора года продолжалось его путешествие по Греции в сопровождении целой армии. С триумфом вернулся Нерон в Италию. О его прибытии оповещали 1808 герольдов — столько, сколько раз он был в Греции коронован и увенчан лаврами. Герольды громко объявляли название места, где Нерон был признан победителем, и имена певцов, которых он своим искусством превзошел. В Риме были разрушены стены цирка Максима, чтобы можно было разместить там, у ног Нерона, 1808 его победных трофеев. А в это время в Галлии бушевало восстание вандов и среди солдат начинался ропот.

У нас есть достаточно много свидетельств о тех временах, утверждавших, что никогда актерская природа Нерона не проявляла себя ярче, чем в его последние дни. Скоро будет он трусливо спасаться бегством, скоро его противники превзойдут его в пении. Он напишет победные песни и будет петь их тем немногим, что останутся вместе с ним. Он будет горевать, что столь занятого человека, как он, беспокоили по пустякам, и он утешится тем, что никакой

другой правитель не рискнул потерей великой империи ради того, чтобы, вопреки воле Сената, угрожать Риму пожаром и гибелью.

8 июня 68 г. объявили преторианцы императором Гальбу, и Нерон начал обдумывать, как он в траурном платье обратится к народу и использует свой артистический талант для того, чтобы привлечь римлян на свою сторону. Но пока он писал свою речь, остался он в своем дворце, покинутом даже стражей, один. Ничего другого ему не оставалось, как только бежать. И он, переодевшись, бежал на виллу «Фаон» и там спрятался в роще. Даже в этой смертный час он прежде всего был комедиантом. Он забавлял себя классическими цитатами и риторическими изречениями. Нерон цитировал из «Эдипа»:

«Моя супруга, моя мать и мой отец
Мне вынесли мой смертный приговор.»

А затем, оплакивая свой жребий, он произнес: «Какой великий художник погибнет со мной!» Тут услышал он топот коней приближающейся погони и тщетно попытался заколоть себя книжалом, продолжая читать стихи Илииды: «Стук тяжелых подков доносится до моего слуха!» до тех пор, пока сопровождающий его солдат не пронзил кинжалом ему горло. Произошло это 9 июня 68 года.

Так умер в возрасте 31 года, после почти 14-летнего правления, человек о котором Ренан имел полное право сказать, что он был карикатурой, написанной кровью. И все же было, видимо, в Нероне что-то такое, что нравилось толпе, т. к. долго еще ожидал народ его возвращения — не погиб, мол, он и скрывается в Персии. Когда один за другим стали появляться лженероны, они легко находили себе сторонников и поддержку. И Отон был объявлен императором потому, что был похож на Нерона.

На Нероне закончилось семейство Юлиев, род Цезаря исчез с земли. Источник иссяк, дерево больше не приносило плодов, вырождение рода завершилось убийствами и ссорами. Нерон много сделал для гибели семьи, предав смерти не менее 24 своих родственников.

Комплекс «безумия цезарей» не исчез, однако, вместе с Нероном и проявлял себя еще не раз в течение столетий — как в Риме, так и вне его, хотя в Римской империи никто не мог превзойти своего предшественника и все прочие великие безумцы были не более, чем подобие великого мастера своего дела.

Сын великого Марка Аврелия, несмотря на превосходное воспитание, был диким зверем, обладавшим властью цезаря, а Гелиогабал перенес извращенность, обычную для гаремов Востока, на открытые улицы Рима. Этот вырождающийся тип, чье скульптурное изображение может служить пособием для изучения образа дегенерата, в 14 лет стал властителем мира. В те времена не надо было быть пророком, чтобы предсказать судьбу императора, и у Гелиогабала хватило все же ума понять, что его ожидает насильственная смерть. Он захотел, чтобы эта смерть была великолепно обставлена, и приказал изготовить золотые канаты и мечи, душистые яды. И он приказал построить великолепную башню, с которой бросился вниз.

Я пропускаю средневековых тиранов Малатесту и Сфорца (хотя их жизнь дает много подходящих к случаю примеров), чтобы несколько дольше остановиться на судьбе московского царя Ивана Грозного (1530— 1584).

Это были суровые, безжалостные времена, и Россия была тогда еще довольно варварской страной. Об отце Ивана известно, что он был очень раздражительным и психически неуравновешенным человеком. Один брат Ивана был слабоумным, несколько других детей страдали эпилепсией. После ранней смерти отца воспитывала Ивана его мать Елена. Сомнительно, чтобы это воспитание помогло Ивану избавиться от унаследованного психического расстройства, — Елена приказала убить троих своих родственников. Ее саму убили бояре, когда Ивану было семь лет, и только разногласия между убийцами спасли его от такой же участи. Судьба позаботилась о том, чтобы царь постоянно был на краю гибели. Его фавориты были убиты, и он сам всегда был под угрозой смерти. Все же первые годы его правления были довольно сносными — до тех пор, пока его свирепость и

кровожадность не достигла левиафановых размеров. А затем на долю России выпали 26 лет страшных бедствий.

Сначала царь Иван направил свой гнев против бояр, которым он жестоко отомстил, — многих из них он затравил до смерти. Повсюду имел он своих шпионов, доносивших царю о каждом сказанном против него слове. Горе было невнимательным, ничья жизнь не была тогда в безопасности. Одному боярину, склонившемуся перед царем, сидящим на троне, в глубоком поклоне, он отрезал ухо, другому, что приблизился к нему с просьбой, проткнул своим железным посохом ногу, — и оба, не изменившись в лице, должны были благодарить царя за оказанную им милость. В праздники разъезжал царь со своей свитой по стране, народ падал перед ним ниц, а он приказывал казнить сотни пленных. Женщин и детей убивали по его приказу прямо у него на глазах. Вся его жизнь — это бесконечная череда жестоких убийств.

Уже давно Ганза и ее процветающее поселение в Новгороде были соринкой в глазу царя, и он искал повода разрушить город. Достаточно было одного не заслуживающего доверия доноса какого-то бродяги, чтобы царь обвинил город в измене, выступил против него со своим войском, а затем приказал вырезать людей и сжечь город (1570). Около 60 000 жителей Новгорода были тогда убиты, каждый день приказывал царь по 500—1000 человек сжигать на костре, сажать на кол, топить в реке. В последние годы правления Ивана Грозного его жестокость не знала пределов. Во время одного из приступов безумия царь умер, в возрасте 53 лет, сразу же после того, как приказал казнить звездочета, предсказавшего ему смерть.

Слабоумный сын жестокого царя Федор, при котором правил Борис Годунов, умер без наследников, а старшего сына Иван Грозный убил в припадке гнева собственной рукой. Третий же сын — Димитрий — погиб в раннем возрасте насильственной смертью. Так как царевич Димитрий страдал эпилепсией и унаследовал жестокость своего отца (основным развлечением мальчика было мучить и убивать птиц — кур и голубей), смерть его не была большой потерей для страны.

Два столетия спустя произошла в России подобная же драма или, точнее, пародия на драму. Если Иван был ужасным, но в то же время превосходным образом чудовища, то Павел I, по сути, был всего лишь нелепым шутком. Правнук Петра Великого, самый некрасивый человек в империи, 42-летний сын царицы Екатерины вступил после смерти своей матери на царский престол. Бесспорно, Екатерина несет ответственность за то, как она воспитывала своего сына, за то, что ее фавориты постоянно издевались на нем, — все это способствовало развитию тех черт характера Павла, которые позже проявились самым погубным образом. Точно так же нельзя оправдать Петра Великого в том, что он плохо воспитал своего сына Алексея.

Нельзя, однако, не обратить внимание на то, что определенные качества Павла, его психические и моральные дефекты, не могут оправдать его деспотичности, мстительности и упрямства, даже если все это в какой-то мере объяснимо.

«В деспотических чертах Павла уже в первые дни правления виден был отпечаток безумия цезарей, которое очень скоро должно было развиться до невероятности», — писал Тургенев в своих воспоминаниях. По мнению Тургенева, уже в последние часы Екатерины, когда царица боролась со смертью, все боялись, что теперь наступят времена, когда нельзя будет свободно вздохнуть. Первым героическим делом нового правительства была ожесточенная, беспощадная война против злейших врагов российского государства — круглых шляп, фраков и жилетов. Две сотни полицейских и драгун носились по улицам туда-сюда и срывали с прохожих круглые шляпы, отрывали воротники у фраков, а жилеты рвали на куски. Тех, кто сопротивлялся, избивали кулаками и палками. Полицейским было категорически наказано быть беспощадными.

В первый день своего правления Павел проезжал мимо деревянного здания театра, построенного при Екатерине. Он приказал его снести, и через пару часов от огромного здания не осталось следа. Это событие, заметил Тургенев, дало ему возможность показать, как далеко простирается власть российского самодержца. Случаи ссылки придворных в Сибирь или за границу были столь частыми, что люди в конце концов

перестали обращать на них внимание. Русскому послу в Лондоне приказано было не выдавать паспорта желающим ехать в Россию иностранцам. Бутурлин писал, цепеня от ужаса, что ввоз любых иностранных книг в страну был запрещен. Известно, что Коцебу хотел навестить своих родственников в Эстляндии, но по дороге был схвачен и отправлен в Сибирь. После того, как его помиловали, Коцебу пояснял, что все это произошло с ним лишь потому, что он был писателем.

За все время своего правления, продолжавшегося 4 года и 4 месяца, Павел не сделал ничего существенного. Его основным занятием было — уничтожить или исковеркать все то, что сделала его мать. В годы царствования Павла все фавориты Екатерины, все, кто участвовал в реформах и преобразованиях северной Семирамиды, устаивались нескрываемой ненависти, и свою враждебность Павел приказывал всячески им демонстрировать. Один из свидетелей того страшного времени писал: «С ужасом смотрели русские аристократы, как император буквально претворял в жизнь свое *имое* изречение» (*On n'est grand seigneur en Russie, que quand on me parle et pendant qu'on me parle*), растаптывая абсолютно все, что попадалось ему на пути, и все до того существовавшие обычаи ставя с ног на голову. В конце концов лишь те могли считать себя в безопасности, кто в эти дни не был при дворе или был столь незначительным, что его не замечали. Тот, кто вчера был на вершине иерархической пирамиды, был сегодня превращен в ничто и был рад, если не нужно было ему отправляться в хорошо всем известное огромное пространство за Уралом. Тайно паковали сановники свои вещи и приказывали запрягать в коляску крестьянских лошадок, чтобы по возможности незаметно удалиться в свои поместья и там в праздности проводить свои дни ».

Самые высшие посты теперь занимали люди, не умеющие читать, совсем необразованные, не имеющие ни малейшего представления о том, что следует делать для всеобщего блага. Они знали только Гатчину и тамошние казармы, они ничем другим не занимались, как только маршировали на плацу, ничего другого не слышали, кроме

барабана и сигнальной трубы. Лакею Кляйнмихелю приказали обучать фельдмаршалов военному искусству. Шесть или семь находившихся тогда в Петербурге фельдмаршалов должны были сидеть за столом, во главе которого устроился бывший лакей, который этих, во многих битвах прославленных полководцев на ломаном русском языке обучал так называемой «тактике».

Павел находил удовольствие в гарнизонной службе (причем солдат за малейшую провинность избивали палками до смерти), в деталях казарменного быта, в вахтпарадах, солдатских играх, в безвкусных внешних атрибутах воинской службы. Шведский посланник писал своему королю: «Павел имеет привычку гонять своих офицеров так, будто они его лакеи. Последние остатки *esprit de corps* в результате совсем улетучились. Всякий, в ком сохранилось чувство чести, пытается бежать со двора и из армии. За возникшим из-за всего этого напряжением должен последовать упадок». Один русский генерал рассказывал в своих воспоминаниях: «Все, что при Екатерине в офицерской среде считалось *point d'honneur*, находилось теперь под угрозой. Наказания были столь частыми, что стали неэффективными. Все полицейские участки и все гауптвахты были забиты невероятным числом арестантов». А Тургенев заметил: «Каждое утро все, от генерала до прапорщика, шли на построение, как на эшафот. Никто не знал, какая судьба ему уготована». По данным Тургенева, Павел сослал в Сибирь 12 000 офицеров и чиновников.

За четыре года своего правления издал Павел массу указов, в которых в гротескной форме нашла свое выражение его деспотичность. Его внутренняя и внешняя политика зеркально отражала его дилетантизм и опрометчивость, мгновенные смены его настроения, его прихоти. Так, направил он все свои усилия на борьбу против господствующей во Франции революционной идеологии и потому запретил вальсы, французские костюмы, книги и даже употребление таких слов как *patrie* и *citoyen* на всем пространстве Российской империи. То, что он видел в Наполеоне представителя этих идей и его за это ненавидел, само собой разумеется. Но великий корсиканец был

хорошим психологом, и для его острого глаза Павел не представлял особой загадки. Наполеон понимал, что сможет подчинить Павла своим интересам, если немного польстит ему и окажет почтение, — Павел был падок на такие вещи. Первый консул вернул ему тысячу пленных, заново обмундированных и вооруженных, не требуя никакой компенсации взамен. Он передал ему шпагу знаменитого гроссмейстера мальтийского острова Адама и предложил Павлу самому стать гроссмейстером и хозяином Мальты — как раз тогда, когда англичане должны были вот-вот взять остров измором. Это пришлось Павлу по вкусу. Прежнее абсолютное отвращение к Наполеону сменилось столь же абсолютным восхищением. Гений укротителя революции ослепил легитимиста. Павел увидел в Бонапарте величайшего человека своего времени, будущего императора Западной Европы. Суровой зимой 1801 г. изгнал Павел Бурбонов из пределов империи, объявил Бонапарта своим другом, приказал развесить повсюду его портреты и безмерно славословить его, а кое-кого из эмигрантов выслать из страны.

Все это, включая невероятную глупость и жестокость Павла, от которой прежде всего страдали самые близкие его родственники, его жена и его дети, наводило на мысль, что со столь губительным для страны правлением необходимо покончить. В ночь на 23 марта 1801 года большая группа заговорщиков напала на Павла, и он был задушен.

После его смерти люди в Петербурге и по всей империи, встречаясь друг с другом, не скрывали своей неподдельной радости. Они обнимались, приветствуя друг друга, — пришло наконец избавление от страха за свою судьбу, от ужасного кошмара.

Конечно, не совсем справедливо сравнивать с этим шутом на троне баварского короля Людвига II, но все же и его случай — пример «безумия цезарей». Пример Людвига доказывает, что и в конституционном государстве может у правителя развиваться этот синдром. Очевидно, условия для его развития здесь куда менее подходящие, чем при

самодержавном правлении, и такого бурного прогресса этого заболевания, как у римских цезарей, мы, к счастью, не наблюдаем. Те убийства и разрушения, что там происходили в реальной жизни, здесь остаются только плодом фантазии мечтателя и появляются лишь на страницах его дневника. Уровень социальной жизни стал иным, и теперь нам приходится больше внимания уделять индивидуальным задаткам личности.

Род Виттельбахов издавна передавал по наследству страсть к художественному творчеству. Уже Густав-Адольф, в 1632 году, вступив в Мюнхен, интересовался мастером, который построил такие красивые здания, — король хотел отправить его в Швецию. Известны и заслуги Людвига I, украсившего столицу Баварии. Но помимо художественного вкуса были у Людвига II и другие, менее привлекательные качества, и очень скоро проявил он свою эксцентричность и чрезмерную чувствительность. Бисмарк, видевший Людвига еще в 1863 году, т. е. восемнадцатилетним принцем, писал в «Размышлениях и воспоминаниях»: «На обеде, во время нашего пребывания в Нимфенбурге 16 и 17 августа 1863 г., присутствовал кронпринц, будущий Людвиг II, который сидел напротив своей матери, рядом со мной. У меня сложилось впечатление, что его мысли были далеко от того, что происходило за столом, и он лишь иногда вспоминал, что должен вести со мной разговор — обычную светскую беседу. И все же даже в том, о чем он говорил, можно было, я полагаю, увидеть его живую, одаренную натуру, уловить то, что впоследствии наполняло смыслом его жизнь. В паузах во время беседы он бросал быстрый взгляд мимо своей матери на потолок и тотчас опустошал свой бокал с шампанским, который, как мне кажется, слуги по приказу матери не спешили наполнять, так что принц вынужден был часто отводить руку с пустым бокалом за спину и ждать, пока слуги не спеша наполнят его. Он и тогда и позже пил умеренно, но я имел ощущение, что окружение его тяготило и он старался отвлечься от своих фантазий при помощи шампанского. Он произвел на меня в общем-то приятное впечатление, хотя я с некоторой досадой должен признаться, что все мои старания побеседовать со своим соседом за

столом оказались напрасными. Это был единственный раз, когда я видел короля лицом к лицу.»

Этот рассказ великого канцлера интересен особенно тем, что нам мало известно о поведении Людвига в те времена, когда он еще не вступил на престол. Впрочем, знали мы, что воспитание не избавило его от врожденной предрасположенности к психическому заболеванию.

Воспитание было очень суровым. Королевские принцы получали так мало карманных денег (1 марку в неделю), что принц Отто, будущий король, всерьез подумывал о том, чтобы вырвать себе передний зуб, когда узнал, что он может за это получить десять гульденов. Чрезмерная строгость тех, кто наверху, с избытком компенсировалась лестью подчиненных, а болезненное самолюбие молодых принцев подогревалось неумеренными восхвалениями со стороны обслуживающего персонала.

В девятнадцать лет стал Людвиг королем (1864) и очень скоро начала проявляться его злосчастная замкнутость, из-за которой он перестал понимать, чего же хотят его подданные. Так мало занимался он делами управления и так самозабвенно отдавался своим романтическим страстям и художественным увлечениям. Мало с чем юный властитель имел дело, но и то немногое, с чем он сталкивался, оказывало губительное влияние на развитие личности короля. Прежде всего это касается Рихарда Вагнера, — когда короля вынудили в 1865 г. уволить Вагнера, он воспринял это как личное оскорбление и был глубоко, до конца своих дней, уязвлен. Он еще больше отстранился от внешнего мира и целиком погрузился в свои романтические грезы.

С тех пор стали распространяться всевозможные слухи — то король приказал повесить у себя в спальне изображение луны, чтобы ее лучи вызвали приход желанных снов, то король вдруг ночью на санях, при свете факелов, отправлялся по глубокому снегу через лес в свой дальний замок.

Помимо прочего, приказал король соорудить на крыше своего мюнхенского замка искусственное озеро и по этому озеру любил плавать в челне, который тащили лебеди, — один, подобно Лознгрину. Так как цвет воды казался ему

недостаточно интенсивным, приказал он для большей синевы добавлять в воду медного купороса, а желанный ему прибор вызывать при помощи мельничного колеса. Однажды перевернули волны лодку и король упал в воду, а вскоре после этого серная кислота проела покрытое цинком дно озера и вода стала протекать в расположенные ниже комнаты.

Все это повлияло на художественные увлечения короля, и он построил замечательные королевские замки, свидетельствующие и поныне как о превосходном вкусе Людвига II, так и о его непомерной расточительности. В замках своих Людвиг мог, сколь душе угодно, предаваться уединению. Обедал он за столом, который появлялся откуда-то из глубины — прислуга была в этом случае не нужна. В театре во время представлений нельзя было никому, кроме короля, присутствовать, и актерам приходилось порой играть в пустом зале, т. к. они не знали, пришел ли король в свою закрытую занавесом ложу или нет. Пьесы, между прочим, Людвиг II приказывал ставить из времен Людовика XIV. Этот человек и абсолютизм вообще вызывали восхищение баварского короля. Позже ему начали нравиться кровавые драмы.

В июле 1870 г. записывает будущий император Фридрих в своем дневнике: «Король Людвиг очень изменился: нервничает во время разговора, не дожидается ответа, спрашивает все время о вещах, не имеющих отношения к делу». В условиях полного одиночества, когда король весь был погружен в свои мысли и ощущения, врожденная предрасположенность его к душевным заболеваниям не могла не развиться в тяжелую болезнь.

Трудно точно установить, когда началась эта болезнь. Став взрослым, Людвиг жил, по существу, все время в окружении одних слуг, да и тем часто разрешалось приближаться к королю только в масках. Камердинер Майер утверждал, что он в течение целого года обслуживал короля только в черной маске, потому как тот не хотел видеть его «преступную физиономию». Последний секретарь кабинета Шнайдер короля вообще никогда не видел. Во время редких

докладов король отвечал ему из-за занавеса, а позже через слугу.

Из записей в дневнике Людвига, который был обнаружен после его смерти и сдан в государственный архив, следует, что он в течение многих лет вел жизнь, наполненную одними лишь мечтами. Его безудержная фантазия разыгрывала перед ним замечательные картины, которые он связывал с действительностью, в своем больном воображении создавал он целые романы.

Там, в дневнике, Людвиг приговаривал своего министра и других несимпатичных ему людей к смерти. Он пишет приказы о приведении приговоров в исполнение и делает рисовки различных видов казни. Особую антипатию испытывал Людвиг по отношению к будущему императору Фридриху, которому посвящены многие страницы дневника. Подобно графу Монте-Кристо, приказывал Людвиг бандитам схватить кронпринца в Италии и упрятать его в пещеру, где он должен был медленно умирать от голода. Чтобы усилить его страдания, Людвиг велит вырвать кронпринцу по одному все зубы и издеваться над ним по-всякому. Причем он требует ежедневно сообщать ему о выполнении приказов и о состоянии Фридриха. Как следует из газет, кронпринц находился в это время в Мюнхене и инспектировал баварскую армию. Чтобы избавиться от денежной нужды, Людвиг организует банды, которые должны грабить крупные банки. Кроме того, Людвиг надеется продать свои земли.

Подобные замыслы и желание создать себе империю на острове, где ничто не будет мешать реализации его абсолютистских устремлений, где никакие министры и никакой парламент не смогут нарушить его планы, побудили Людвига отправить Франца фон Лозра на поиски такого острова. Франца фон Лозра не раз обвиняли в том, что он старался выполнить этот приказ. Частично его оправдывает то, что этому путешествию мы обязаны появлением прекрасных картин.

Слова Бисмарка об умеренном пристрастии Людвига к алкоголю не распространяются на более поздние времена. То, что одичание и жестокость короля прогрессировали,

часто связывали с неумеренной любовью Людвига к горячительным напиткам, и это подозрение стало особенно обоснованным после того, как король почувствовал склонность к крепким винам и ликерам.

Очень грубо обращался король со своими слугами, которые в последнее время должны были приближаться к нему на коленях. При аресте короля оказалось, что у 32 его слуг имеются телесные повреждения.

Эта необузданность короля должна была послужить основанием подозревать у него психопатию. В газете «Züricher Sozialdemokrat» от 21 февраля 1884 г. описаны признаки психического заболевания Людвига и высказано предположение, что оно связано с его растущей потребностью в денежных средствах, — это вынуждало правительство вмешаться. В июне 1884 г. четверо врачей дали экспертное заключение о психическом заболевании короля, о его неспособности отвечать за свои поступки. Был сделан вывод о необходимости принять соответствующие меры и положить конец деятельности Людвига. Но тут рок ускорил ход событий.

10 июня в Швангау, где находился тогда король, отправилась специальная комиссия. По непростительной ошибке не был заготовлен в Мюнхене специальный приказ для стражи замка, и она отказалась подчиняться распоряжениям комиссии. Король же написал своей рукой собственный приказ «Содрать шкуру с предателей и уморить их голодной смертью». Это была удача. Прикази король расстрелять членов комиссии, его приказ, наверняка, был бы исполнен, когда члены комиссии оказались в руках стражи. Но выполнить столь чудовищный приказ не могли даже верные королю баварцы. Все же комиссарам пришлось пережить очень неприятный день, пока, наконец, не пришла из Мюнхена депеша, избавлявшая их от опасности. И они, радуясь избавлению, умчались прочь от негостеприимного замка, где им за целый день ни разу не дали поесть.

Два дня спустя все повторилось, но уже при более благоприятных условиях, и завершилось благополучным концом. Король был взят под стражу и днем позже увезен в Берг. Там настигла его в один из ближайших дней смерть в водах

Штарнбергского озера. Людвиг отправился в 6 часов 25 минут вместе с бароном фон Гудденем на прогулку в парк, а в 6 часов 54 минуты королевские часы остановились.

Где-то двадцатью годами раньше завершил свой кровавый путь Теодор Абиссинский. Тиран, напомнивший своими делами об Иване Грозном. Его молодые годы были трудными — вплоть до того времени, когда ему в ходе межпартийной борьбы, бушевавшей тогда в Абиссинии, удалось стать во главе отрядов мятежников. Король Раз Али отдал Теодору в жены свою дочь, рассчитывая получить поддержку своего зятя. Надежд короля Теодор не оправдал. В 1855 г. он отнял у своего тестя трон и провозгласил себя негусом. Так он получил возможность проявить свои способности мясника, и Абиссиния на 13 лет превратилась в арену событий, которые в самой варварской стране считались бы невероятно страшными. Неуверенность в своем положении и постоянный страх, что его ожидает такая же судьба, как и его тестя, заставляли Теодора быть недоверчивым и породили у него настолько выраженную манию преследования, что стало опасным вообще появляться в его окружении. Малейшее возражение приводило его в неистовство, и массовые казни стали обычным явлением. Пристрастие к алкоголю усугубляло его кровожадность. В 1860г. Теодор приказал вырезать безо всякого повода всю свиту своего кузена Гареда — около 1600 человек. Жен и детей убитых отправили в тюрьму. Эта беспримерная кровавая бойня принесла ему, впрочем, расположение английской королевы, т. к. падение Гареда было в интересах Англии.

С годами Теодор становился все более свирепым, и его свирепость проявлялась в бесконечной череде убийств. По беспочвенному подозрению в дезертирстве приказал он казнить 670 солдат своей собственной армии (1867), и в связи с каким-то пророчеством были убиты 10 000 коров — их трупы должны были истлеть. Эта сумасбродная выходка негуса, не получившая одобрения королевы, приблизила его конец.

Английская королева имела повод убедиться, что слишком явно выражать симпатию своему нецивилизованному родственнику не всегда уместно. Благорасположенность королевы безмерно подогревала самолюбие негуса и убеждала его в том, что он ровня английскому монарху. Именно об этом и написал негус в своем письме к «сестре-королеве». И не получил ответа... Это было ужасное преступление, на которое он ответил арестом английского посла. Всякие попытки английского кабинета избежать обострения конфликта наталкивались на упрямство негуса, и в конце концов английскому правительству не оставалось ничего другого, как начать войну — нежеланную, т. к. она стоила громадных денег. 13 апреля 1868 г. Напир взял штурмом крепость Магдала, а неистовый негус в последний момент успел застрелиться — сразу же после того, как приказал столкнуть в пропасть очередную партию заключенных (307 человек).

В это же время в другой части света разыгралась подобная же драма. Речь идет о правлении парагвайского диктатора Франциско Соляно Лопеса. Бывшую иезуитскую миссию диктатор Франсиа превратил в абсолютистское государство Парагвай, где он при помощи железного кулака стал неограниченным властителем, удерживая в своих руках все нити управления и судопроизводства. Его наследник Карлос Антонио Лопес пытался было привести государство в соответствие духу нового времени с помощью реформ и просвещения, но, чтобы привить народу совсем иной образ жизни, нужно было насилие, и он до конца своей жизни управлял страной при помощи диктатуры, а затем оставил ее в наследство своему сыну Франциско Соляно Лопесу (1862). О новом президенте было известно, что он с юных лет был безнравственным и властолюбивым.

Свои непомерные планы начал он претворять в жизнь с войны, которую вел в течение многих лет с огромной Бразилией. В годы этой жестокой и бесконечной войны проявлялась его разбойничья натура. Оказало влияние на характер диктатора и его пристрастие к алкоголю... В конце концов он стал в каждом встречном подозревать врага, и его ярость обрушивалась на всякого, кто к нему приближался. Вначале его

правления в страну приехало много иностранцев, в частности немцев из Пруссии, откликнувшихся на приглашение его отца. Они в первую очередь и вызвали недоверие нового диктатора. Он приказал заковать их в кандалы, и связанных, под ружьем, приказал гнать их за собой во время маршей, как стадо телят. Ежедневно отдавал диктатор приказы всех их казнить, а затем отменял эти приказы. То, что он приказывал убить тысячи пленных, можно было бы объяснить тем, что он не знал, куда их девать, но то, что он издевался над своей матерью, а затем собственноручно застрелил ее, что он приказал бичевать свою сестру, иначе, как потерей всякого человеческого образа, не объяснишь. К тому времени, когда он 1 марта 1870 г. погиб в сражении, Парагвай уже был превращен в пустыню. Почти все мужское население было уничтожено, и в стране остались только женщины.

Подобное тому, что происходило в Парагвае, можно найти и в других испанских республиках Южной Америки, — но разве примеров еще не достаточно? Потому и ограничусь тем, что приведу в заключение лишь длинный список безумств аргентинского диктатора Хуана Мануэля Роза.

Это был истеричный правитель, и в его внешности было много признаков вырождения, таких, например, как низкий лоб и выпуклые надбровья. Преступные наклонности аргентинского диктатора были явно выраженными. Он был гениальным изобретателем в манере Калло. Так, он приказывал продавать человеческие головы, как апельсины, на улицах Буэнос-Айроса, чистил своего коня лоскутом кожи, содранной с врага, раз за разом устраивал массовую резню ни в чем не повинного населения. Он изобретает различные инструменты для пытки — среди них особого типа пилы и раскаленные ножные шины. Приказывает он, чтобы казни сопровождалась музыкой ... Факт, что страна в течение 23 лет терпела этого диктатора и он был изгнан только в 1852 г., свидетельствует о том, что за годы испанского правления население привыкло ко всему и что человек многое способен был вынести.

Роза был, несомненно, моральным уродом — еще в детстве он любил мучить слуг и животных. Но подобные же наследственные качества, как мы знаем, характерны и для потомков Юлия Цезаря, и всегда они служили предпосылкой для развития всякого рода психопатий. На характер каждого человека влияют как наследственность, так и воспитание, и народные вожжи — не исключение.

Для иллюстрации картины «безумия цезарей» можно привести массу примеров, свидетельствующих о том, что чаще всего это заболевание можно заранее предсказать и, соответственно, быть осторожным. Зная же, что речь здесь всегда идет о людях, которым с детства присущи те или иные психические отклонения и которые не способны в полной мере отвечать за свои поступки, мы должны быть более снисходительными к этим злосчастным, и в этом случае, как и во всех прочих, вспоминать старое изречение: «Все понять — значит, многое простить».

И С Т О Р И Я

Александр Чайнов

к 100-летию со дня рождения

ВВЕДЕНИЕ К КНИГЕ «ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ»*

По всем вероятностям, очень многие из читателей настоящей книги — агрономы, инженеры, педагоги, — работники деревенской общественности, не раз опускали руки перед теми препятствиями, которые ставила их деятельности жизнь современной русской деревни.

Нужно, конечно, сознаться, что для этого почти всегда имеются достаточные основания. Никто не будет отрицать, что основной идеей современного хозяйственного, да и не только хозяйственного, строительства является идея крупных организационных мероприятий, объединяющих в своем захвате многие тысячи рабочих, десятки миллионов рублей капитала, гигантские технические сооружения и массовое производство стандартизированных товаров.

Машиностроительные заводы Форда, Волховстрой и другие гигантские гидроэлектрические установки, морские транспортные линии, обслуживаемые десятками сверхмощных трансатлантиков, банковские концерны, объединяющие в экономический ударный кулак миллиарды рублей капитала — вот те экономические факты, которые покоряют и увлекают мысль современного хозяйственного деятеля.

Немудрено поэтому, что многие из наших, особенно молодых, товарищей, сознание которых еще полно образов крупных организационных задач и достижений современной

*Печатается по 2-му изданию, «Книгосоюз», Москва, 1927 г. Александр Васильевич Чайнов — выдающийся ученый-аграрник, писатель, историк, искусствовед. Арестован ГПУ в 1930 г. Расстрелян в 1939 г.

индустриальной экономики, а руки чешутся проделать что-либо подобное в своей губернии, нередко приходят после нескольких месяцев работы в полное уныние и бывают близки к отчаянию, трясаясь ноябрьским дождливым вечером на крестьянской телеге по непролазным дорогам от какого-нибудь Знаменского через Бузаево к какому-нибудь Успенскому, всюду встречая бездорожье, бедность и безразличие крестьян, сидящих на небольших чересполосных наделах и с исключительной, «чисто мелкобуржуазной тупостью» замыкающихся в свои карликовые ячейки.

Мы говорим, что склонны понять отчаяние такого товарища, мысленный взор которого видит себя среди фордовских цехов, а действительность заставляет иметь объектом непосредственной работы двухдушника с двумя десятинами пахоты, одной коровой и нередко без лошади.

Однако, понимая *субъективное* отчаяние начинающего работника, мы *объективно* совершенно не склонны разделять его мрачные выводы.

Конечно, остается совершенно очевидным, что хозяйственная жизнь крестьянских стран — Китая, Индии, Советского Союза и многих других стран Восточной Европы и Азии не дает нам столь наглядных и очевидных достижений новых организационных идей, которые мы легко усматриваем в промышленных странах Запада.

Однако, всякое хозяйственное явление всегда следует рассматривать эволюционно и, по возможности, более глубоко.

И вот, если так подойти к сельскому хозяйству крестьянских стран, то для многих совершенно неожиданно окажется, что сельское хозяйство не только не безнадежно в смысле применения к нему самых широких организационных замыслов, но что именно в нем-то в современную нам эпоху весьма интенсивно протекают процессы, делающие *именно его* предметом необычайно широкого организационного размаха, не уступающего самым крупнейшим начинаниям индустрии. Поэтому было бы в высшей степени полезно, если бы наш, пришедший в отчаяние, читатель осознал, что именно в глубине застывших под осенним дождем Знаменских и Бузаевых таятся наибольшие возмож-

ности самых широчайших организационных заданий и самых крупных будущих достижений.

Все дело только в том, что эти процессы *пока* еще находятся в самых первых фазах своего развития, и что *зрительно* они не дают и не могут нам дать никаких эффектных картин для непосредственного созерцания и фотографирования.

Задачей нашей книги как-раз и является показать те пути развития нашей деревни и те формы ее организации, благодаря которым сейчас на наших глазах, внешне мало заметно, а на деле в самом корне перестраиваются ее организационные устои, и деревня, еще десять-двадцать лет назад представлявшая собою распыленную стихию полунатуральных мизерных хозяйств, готовится сделаться объектом самых широких по размаху организационных начинаний и стать базой для крупнейших хозяйственных предприятий.

Изучая, на основании сохранившихся и хорошо разработанных ныне материалов, исторические пути развития городской промышленности и банковского дела, мы легко можем заметить, что поражающие нас своею мощностью и грандиозностью современные формы их организации вовсе не были им всегда присущи, они являются результатом постепенного и притом весьма недавнего развития.

Еще не так давно, каких-нибудь полтора-два года тому назад, текстильная и даже металлообрабатывающая промышленность были организованы в форме небольших, часто семейных, ремесленных предприятий. И только постепенно развивающийся и крепнущий капитализм разложил патриархальные формы ремесленной организации производства и, захватив сначала торговый оборот, создал первые крупные предприятия в виде мануфактур, а затем умножил их в виде современных фабрик и заводов и укрепил в последних фазах своего развития объединением в тресты и синдикаты всякого рода.

Нам незачем излагать подробно этот процесс, — он известен нашим читателям из любого учебника политической экономии. Для нас в настоящей работе в этом процессе капиталистического развития важно только то, что в области сельского хозяйства процесс этот замедлился и

принял во многих местах несколько иные эволюционные формы.

Несомненно, конечно, то, что в сельском хозяйстве так же, как и в промышленности, крупные формы хозяйства давали значительные преимущества и снижали издержки производства. Однако в сельском хозяйстве эти преимущества не могли получить столь большого *количественного* выражения, которое они имели в промышленности.

Причина этого лежала в технических условиях сельскохозяйственного производства. В самом деле, главнейшей формой укрупнения и концентрации производства в промышленности была так называемая *горизонтальная концентрация*, т. е. та форма концентрации, при которой множество мельчайших разбросанных в пространстве предприятий сливались не только экономически, но и технически в одно сверхкрупное целое, которое концентрировало огромные массы рабочей и механической энергии на небольшом пространстве и получало от этого колоссальное удешевление стоимости производства.

В сельском хозяйстве провести в такой мере горизонтальную концентрацию было немыслимо.

Что представляет собою сельское хозяйство? В своей основе, это — использование человеком солнечной энергии, падающей на поверхность земли.

Человек не может солнечные лучи, падающие на сто десятин, собрать на одну. Он может улавливать их зеленым хлорофиллом своих посевов только на всем пространстве их падения. В самой своей сущности сельское хозяйство неотъемлемо связано с пространством и чем крупнее технически сельскохозяйственное предприятие, тем большую площадь оно должно занимать. Никакой концентрации в пространстве здесь нельзя провести.

Приведу небольшой пример. Фабрикант, имеющий двигатель в 100 лошадиных сил и желающий в 10 раз увеличить свое производство, может установить двигатель в 1000 лошадиных сил и тем значительно удешевить себестоимость работы.

Сельский хозяин, обрабатывая свою запашку одной лошадью, желает увеличить свои посевы в 10 раз. Он не может, конечно, завести себе лошадь в десять раз более

крупную по своим размерам, но принужден заводить 10 лошадей, таких же по качеству, как и первая лошадь. Некоторое удешевление работы будет достигнуто при переходе с лошадиной тяги на тягу тракторную. Но хозяин, уже имеющий один трактор, при десятикратном увеличении посева не может увеличить мощность трактора, но должен заводить десять таких же машин, работающих одновременно в разных пространствах, благодаря чем себестоимость работы уменьшится значительно. То же самое можно сказать относительно другого инвентаря — семян, удобрений, скота и прочего.

Сельский хозяин, увеличивая свое производство, в большинстве случаев должен умножать число предметов, а не увеличивать их размеры. Благодаря этому, количественное выражение выгоды укрупнения не может быть особенно значительным.

Помимо этого приходится отметить, что сама природа земледельческого производства ставит естественный предел укрупнению сельскохозяйственного предприятия.

Раз сельское хозяйство неизбежно разбросано в пространстве, то сельский хозяин должен по этому пространству передвигать огромное количество предметов. Должны передвигаться люди и животные, должны перевозиться машины, удобрения и полученные продукты.

Чем больше хозяйство, тем больше его обрабатываемая площадь, тем, следовательно, большее количество продуктов и на большее расстояние будет перевозиться, и все более и более будет возрастать стоимость внутрихозяйственных перевозок, как в расчете на все хозяйство в целом, так равно и на единицу получаемого продукта.

Чем интенсивнее будет хозяйство, тем глубже и тщательнее будет обрабатываться пашня, чем больше будет удобрений, — тем чаще и чаще будут происходить выезды на поля из усадьбы и тем дороже лягут эти переезды на себестоимость продукта.

При экстенсивной зерновой системе хозяйства в нашей Оренбургской или Самарской губернии хозяин может ограничиться двумя выездами: на посев и на уборку. Но как только он начал производить осеннюю вспашку под яровое, вывозить на поля навоз, — число выездов возрастет во много

раз, что мы можем наблюдать в наших центральных земледельческих губерниях. Дальнейшая интенсификация — переход к пропашной обработке, замена злаковых растений свеклой, турнепсом, картофелем, — настолько увеличивает массу передвижения, что каждая лишняя сажень отдаления полей от усадьбы становится чувствительной.

Вся выгода, получаемая от укрупнения производства, поглощается удорожанием внутривладельческого транспорта, и чем интенсивнее хозяйство, тем скорее наступает это поглощение. Наши оренбургские и самарские советские хозяйства часто ведутся из одной усадьбы на площади в двести тысяч десятин. В Воронежской губернии при переходе к парозерновым системам, размер оптимальной эксплуатационной единицы падает до 800 десятин. В Полтавской губернии такое укрупнение уже было бы невозможным. В губернии Киевской и культурных странах Западной Европы издержки внутривладельческого транспорта еще более сужают площадь хозяйств, доводя их оптимальные размеры до 200-250 десятин.

Нередки случаи, когда в старое время при интенсификации хозяйства крупные владельцы бывали принуждены дробить свои поместья на ряд отдельных хозяйств-хуторов. Являясь крупными землевладельцами, они были мелкими или средними земледельцами.

Таким образом сама природа сельскохозяйственного предприятия ставит пределы его укрупнению, благодаря чему количественное выражение преимуществ крупного хозяйства над мелким в земледелии никогда не может быть особенно большим.

Таким образом, несмотря на то, что и в земледелии крупная форма производства имела несомненное преимущество над мелкой, мы должны признать, что *количественное* выражение этих преимуществ было далеко не столь значительно, как в обрабатывающей промышленности.

Благодаря меньшему, чем в промышленности, превосходству в количественном отношении крупного хозяйства над мелким, крестьянские хозяйства не могли быть столь просто и решительно разгромлены крупными латифундиями, как, аналогичные им, ремесленные семейные хозяйства были разгромлены фабрикой. К тому же крестьянские

хозяйства проявили исключительную сопротивляемость и живучесть. Часто голодая в тяжелые годы, напрягая через силу свою рабочую энергию, иногда привлекая в свой состав наемный труд и тем принимая сами полукапиталистический характер, они почти повсеместно стойко держались, а кое-где даже расширяли свои площади за счет крупного капиталистического земледелия. Волна послевоенных аграрных революций, пронесшаяся по Восточной Европе и захватившая даже Мексику, еще более укрепила их положение.

Однако, из того, что крестьянское хозяйство проявило столь большую выживаемость во всеобщей экономической борьбе за существование, еще вовсе не вытекало, что оно должно было остаться в стороне от общекapиталистического развития мирового хозяйства.

Капитализм, не имевший возможности, в силу изложенных нами технических условий, организовать сельское хозяйство по принципам горизонтальной концепции, неукоснительно изыскивал иные пути к овладению и капиталистической организации земледельческой стихии. Взамен мало-пригодных форм горизонтальной концентрации овладение пошло в формах *концентрации вертикальной*.

В самом деле, новейшие исследования развития капитализма в земледелии указывают нам, что вовлечение сельского хозяйства в общую систему капитализма вовсе не должно обязательно происходить в форме создания крупнейших капиталистически организованных хозяйств, построенных на базе наемного труда. Повторяя этапы развития промышленного капитализма, сельское хозяйство, выходя из форм полунатурального бытия, попадает под власть торгового капитализма, который подчас, в форме весьма крупных торговых предприятий, вовлекает в сферу своего влияния массы распыленных крестьянских хозяйств и, овладев связями этих мелких товаропроизводителей с рынком, хозяйственно подчиняет их своему влиянию и, развивая систему кабального кредита, превращает организацию сельскохозяйственного производства чуть ли не в особый вид раздаточной конторы, построенной на «системе выжимания пота». Достаточно в этом отношении припомнить те примеры капиталистической эксплуатации, которые

московская хлопковая фирма Кнопа применяла к сартам-хлопководам, закупая еще весною их урожай, выдавая задатки на продовольствие и кредитуя семенами и средствами производства.

Нередко такая торговая фирма, заинтересованная в стандартности собираемого товара, начинает вмешиваться и в организацию самого производства, ставя свои технические условия, выдавая семенной материал и удобрения, обуславливая севооборот, и превращая своих клиентов в технических исполнителей своих предначертаний и своего хозяйственного плана. Характерным примером такого рода образований у нас были плантаторские посевы свеклы на крестьянских полях по договорам с сахарными заводами или подрядчиками.

Овладев путями сбыта и создав себе сырьевую базу, деревенский капитализм начинает проникать и в самое производство, отщепляя от крестьянского хозяйства отдельные отрасли, по преимуществу в области первичной переработки сельскохозяйственного сырья и, вообще, отрасли, связанные с механическими процессами. Переезжающие предпринимательские паровые молотилки на юге России, мелкие маслодельные заводики Сибири в конце XIX века, мастерские по льнообработке во Фландрии, и кое-где у нас в льноводных губерниях, дают этому наглядные примеры.

Если к этому прибавить в наиболее развитых капиталистических странах, как, например, в Северной Америке, широко развитый ипотечный кредит, финансирование хозяйств в оборотный капитал, диктующую роль капитала, вложенного в транспортные, элеваторные, ирригационные и иные предприятия, — то перед нами раскроются новые формы проникновения капитализма в земледелие, превращающего фермера в рабочую силу, работающую с чужими средствами производства, а земледелие, несмотря на видимую распыленность и самостоятельность мелких товаропроизводителей, — в систему хозяйства, капиталистически концентрированную в ряд крупнейших предприятий и входящую через них в сферу контроля высших форм финансового капитализма. Недаром, по исчислению проф. Н. П. Макарова, из доходов фермерского хозяйства,

реализуемых на оптовых биржах Америки, только 35% идет фермеру, а остальные 65% усваивает железнодорожный, элеваторный, ирригационный, финансовый и торговый капитал.

По сравнению с этой вертикальной капиталистической концентрацией, маленькой деталью являлся бы переход хозяйств от 10-гектарного размера к размерам в 100 или 500 гектаров и соответственному переходу значительной части фермеров от полупролетарского положения к явно пролетарскому. И если эта деталь не имеет места, то, очевидно, потому, что капиталистическая эксплуатация приносит большие проценты именно в форме вертикальной, а не горизонтальной концентрации, перекладывая к тому же риск предприятия в значительной доле с владельца на фермера.

Описанная форма концентрации сельскохозяйственного производства свойственна почти всем молодым земледельческим странам, ведущим массовое производство однотипных продуктов на далекие, по преимуществу экспортные, рынки.

Иногда эта вертикальная концентрация, сообразно сложившейся народно-хозяйственной обстановке, принимает не капиталистические, а кооперативные или смешанные формы. В этом случае контроль над системой торговых, элеваторных, мелиорационных, кредитных и перерабатывающих сырье предприятий, концентрирующих и руководящих процессом сельскохозяйственного производства, частью или целиком принадлежит не держателям капитала, а организованным мелким товаропроизводителям, вложившим в предприятия свои капиталы или же сумевшим создать капиталы общественные.

Возникновение и развитие кооперативных элементов в процессе вертикальной концентрации сельского хозяйства становится возможным только в известных фазах самого процесса и при обязательной предпосылке относительной слабости местного капитала. В данном случае мы умышленно подчеркиваем слово «относительный», так как эта относительная слабость местных предпринимателей-капиталистов может получиться не только в силу их собственной абсолютной слабости, но также и в силу, с одной стороны, зажиточности самого крестьянского хозяйства (Дания), а с

другой стороны, в силу того, что за кооперативными элементами могут стоять финансирующие их ресурсы государства или крупного экспортного или индустриального капитала, нуждающегося в нефальсифицированном сырье.

Наглядным примером этого процесса является развитие сибирской маслодельной кооперации.

В конце XIX века, после создания великого сибирского железнодорожного пути, в Западной Сибири сложилась на базе обильных кормовых угодий чрезвычайно выгодная конъюнктура для развития экспортного маслоделия. В районе Курганского, Ишимского и других округов появляются один за другим мелкие предприниматели, вскоре покрывшие район небольшими маслодельными заводами и тем начавшие в капиталистических формах процесс вертикальной концентрации западносибирского сельского хозяйства. Сибирское маслоделие, созданное мелким грюндером, сняло в течение десятилетия сливки с благоприятной конъюнктуры и наткнулось на жестокий кризис из-за чрезмерного количества понастроенных заводов и их ожесточенной конкуренции, как из-за молочной базы, так равно и при реализации масла. Продержавшись ряд лет не столько доходами от масла, сколько прибылями от заводских лавок и расчета товарами за забор молока, эти заводы влачили жалкое существование и начали, один за другим, закрываться. Для крестьянских хозяйств, уже перестроившихся в товарные молочные фермы, это закрытие угрожало тяжелыми убытками и, не желая возвращаться к формам натурального быта, они, с исторической неизбежностью, должны были поставить перед собою вопрос о взятии закрывающихся заводов в свои крестьянские руки на артельных началах.

Появившиеся таким образом кооперативные заводы выделились качеством своего товара над фальсифицированным предпринимательским маслом и получили в своем развитии финансовую поддержку торгового капитала в лице датских и английских экспортных фирм, имевших в Кургане и других городах свои сибирские конторы, и быстро вытеснили частного предпринимателя из сферы производства масла.

Таким образом концентрация сибирского маслоделения, начатая мелким промышленным капиталом, продолжается при поддержке крупного торгового капитала в кооперативных формах и, быстро вырастая, вскоре порывает свою связь с экспортным торговым капиталом.

«Сибирский союз маслодельных артелей» сам выходит на лондонский рынок и, опираясь на банковский кредит, освобождается от всякого влияния торгового капитала.

В несколько иных формах, но в том же типе динамики, и также проходя различные виды связи с капиталистическими группами развивались и другие виды сельскохозяйственной кооперации.

Сказанного совершенно достаточно для того, чтобы понять сущность земледельческой кооперации как глубокого процесса вертикальной концентрации сельского хозяйства. Причем необходимо отметить, что в кооперативных формах процесс этот идет гораздо глубже, чем в формах капиталистических, так как кооперативным формам концентрации крестьянин сам передает такие отрасли своего хозяйства, которые капитализму никогда не удастся оторвать от крестьянских хозяйств в процессе борьбы.

Таково наше понимание вертикальной концентрации сельскохозяйственного производства в условиях капиталистического общества, концентрации, проникающей как в чисто капиталистические, так равно и в кооперативные формы.

Просматривая кооперативную статистику, мы видим, что в настоящее время кооперативные формы вертикальной концентрации сельского хозяйства приняли весьма внушительные размеры.

Современные организации сельскохозяйственной кооперации насчитывают в своих рядах миллионы объединившихся хозяйств, а их обороты давно уже исчисляются сотнями миллионов рублей.

Вот именно на этот-то процесс кооперирования нашей деревни мы и хотели бы указать унывающему деревенскому работнику, как на начальную фазу того пути, который один может привести сельское хозяйство крестьянских стран к полной решительной персорганизации на началах самых крупных организационных мероприятий.

Наблюдаемые теперь формы проявления этого процесса скромны и совсем не видны. Что, в самом деле, замечательного на вид в том, что крестьянка, отдоив свою корову, чисто моет свой бидон и относит в нем молоко в соседнюю деревню в молочное товарищество, или в том, что сычевский крестьянин-льновод свое волокно вывез не на базар, а в приемный пункт своего кооператива? А на самом деле эта крестьянка со своим ничтожным бидоном молока соединяется с двумя миллионами таких же крестьянок и крестьян и образует собою кооперативную систему Маслоцентра, являющуюся крупнейшей в мире молочной фирмой и уже заметно реорганизующей ныне весь строй крестьянских хозяйств молочных районов. А сычевский льновод, обладающий уже достаточной кооперативной выдержкой, является частицей кооперативной системы Льноцентра, являющейся одним из крупнейших факторов, слагающих мировой рынок льна.

И это на самых первых шагах нашего движения.

Дальнейшие же перспективы несоизмеримо более грандиозны.

Однако, принимая в отношении к сельскому хозяйству программу вертикальной концентрации в ее кооперативных формах, мы должны предвидеть значительную продолжительность этого процесса.

Подобно последовательным фазам развития капитализма от первоначальных форм элементарного торгового капитализма к современной фабрике и трестированию всей индустрии, — вертикальная концентрация, развивающаяся в отношении сельского хозяйства в кооперативных формах, неминуемо должна также пройти ряд последовательных фаз своего исторического развития.

Начинаясь обычно с объединения мелких производителей в области заготовки средств производства земледелия, кооперация весьма скоро переходит к организации кооперативного сбыта сельскохозяйственных продуктов, развертывая его в формах гигантских союзов, объединяющих сотни тысяч мелких производителей. Поскольку операции этого посреднического типа приобретают надлежащий размах и прочность, на их базе слагается хорошо работающий и сильный кооперативный аппарат и, что особенно важно,

происходит, в аналогии с развитием капитализма, первоначальное накопление кооперативного капитала. В этой фазе своего развития сельскохозяйственная кооперация, под давлением требований рынка, с исторической необходимостью разворачивается в сторону организации, при сбытовых операциях, первичной переработки сельскохозяйственного сырья (кооперация маслодельная, картофелетерочная, консервная, льнотрепальная и пр.), выделяет соответствующие отрасли из крестьянского хозяйства и, индустриализируя деревню, овладевает всеми командными позициями деревенского хозяйства. В наших условиях, благодаря содействию государства и государственному кредитованию эти процессы ускоряются и могут происходить одновременно и взаимно переплетаясь.

Кооперируя сбыт и техническую переработку, сельскохозяйственная кооперация тем самым производит концентрацию и организацию сельскохозяйственного производства в новых и высших формах, заставляя мелкого производителя видоизменять организационный план своего хозяйства сообразно политике кооперативного сбыта и переработки, улучшать свою технику и переходить к усовершенствованным методам земледелия и скотоводства, обеспечивающим стандартность продукта.

Однако, добившись этого успеха, кооперация неизбежно развивает достигнутый успех далее в сторону еще большего охвата производственных отраслей крестьянского хозяйства (машинные товарищества, случные пункты, контрольные и племенные союзы, совместная обработка, мелиорация и пр.), причем часть покрытия расходов по этим производственным видам кооперации производится, и принципиально должна производиться, за счет прибылей по сбыту, закупке и кредиту.

При параллельном развитии электрификации, технических установок всякого рода, системы складочных и общественных помещений, сети усовершенствованных дорог и кооперативного кредита — элементы общественного хозяйства количественно нарастают настолько, что *вся система качественно перерождается из системы крестьянских хозяйств, кооперирующих некоторые отрасли своего хозяйства, — в систему общественного коопера-*

тивного хозяйства деревни, построенную на базе обобщения капитала и оставляющую техническое выполнение некоторых процессов в частных хозяйствах своих членов почти что на началах технического поручения.

Внимательно продумав все то глубочайшее значение, которое описанный нами процесс вертикальной концентрации в ее кооперативных формах имеет для сельского хозяйства, мы с полным убеждением можем считать, что появление земледельческой кооперации с народно-хозяйственной точки зрения имеет не меньшее значение, чем то, которое имело столетием ранее появление промышленного капитализма.

Однако, мы должны отметить, что это значение и, вообще, сущность сельского кооперативного движения в настоящее время еще далеко не достаточно осознано даже самими творцами и участниками его. Впрочем, это является вполне понятным, так как почти во всех экономических движениях теория является значительно позднее практики.

Капитализм, имеющий более чем столетний возраст, был более или менее охвачен исследованием только в конце прошлого века и многие наиболее сложные проблемы его до сих пор не закончены изучением. Земледельческая кооперация настолько молодое и несформировавшееся еще движение, что мы не в праве даже и ожидать ее законченного теоретического анализа.

За немногими исключениями все, что мы имеем, представляет собой скорее кооперативную идеологию, чем кооперативную теорию.

Для нас, тем не менее, является совершенно необходимым возможно детальнее установить, в каких именно организационных формах и с помощью каких хозяйственных аппаратов сельскохозяйственная кооперация осуществляет и может осуществить ту колоссальную народно-хозяйственную работу, которую мы только что описали; при каких условиях и под давлением каких факторов зарождаются и могут существовать кооперативные организации, и какие стимулы приводят в движение их энергию.

Не имея законченной и общепризнанной общей теории кооперации и ставя своей задачей уяснить сущность постепенно слагающейся новой народно-хозяйственной

системы, вырастающей на базе вертикальной концентрации крестьянских хозяйств, мы должны прежде всего возможно яснее установить, как понимается нами в данном случае само понятие «кооперация», являющееся предметом изучения в настоящей работе; какое организационное и экономическое содержание мы в него вносим и по каким признакам отмежевываем ее от всяких других образований. В виду самой широкой распространенности в нашем быту слова «кооперация», эта задача кажется элементарно простой. Однако, это далеко не так и можно, пожалуй, признать, что понятие это принадлежит к числу самых расплывчатых и неясных.

Обычно принято считать, что, нужно сказать, весьма сильно затемняет сущность вещей, что наша сельскохозяйственная кооперация есть только одна из разновидностей кооперативного движения, объединяющего собою и потребительскую кооперацию городов и всякого рода кустарно-промысловые кооперативные объединения. Их экономическая природа признается тождественной, и они и у нас (Межкоопсовет) и в Международном Альянсе сливаются даже и организационно в одно целое.

Несмотря на это или, может быть, именно благодаря этому, мы не имеем до сих пор, после многократных и многочисленных попыток различных авторов и продолжительной полемики в этом вопросе, никакой всеми признаваемой формулы, определяющей собой общее понятие «кооперации». Поэтому, подходя к выяснению этого термина, мы должны подойти к этому вопросу особенно осторожно и прежде всего постараемся пойти позитивным путем и посмотреть, *как сами работники кооперации определяют сущность своей организации, что считают они кооперативным и что таковым не признают.*

За последние пятнадцать лет, в течение которых автору этих строк приходилось беседовать с русскими, бельгийскими, итальянскими и немецкими кооперативными деятелями, приходилось слушать самые разнообразные, порой противоречивые, указания на те признаки, которые составляют сущность кооперативного движения.

Одн и указывали, что важнейшим в кооперации является характер добровольности вступления в ее члены, ее неза-

висимость, демократичность ее управления; другие находили важным отметить способы распределения прибылей и служебную роль капитала в кооперативных предприятиях; третьи отмечали весьма важным открытый характер кооперативных организаций и почитали некооперативным отказ в приеме новых членов; четвертые особенно настаивали на трудовом характере кооперативов и не допускали не только приема в их состав нетрудового элемента, но даже наемного труда в кооперативных предприятиях; пятые полагали сущность кооперации не в ее организационных формах, а в тех социальных целях, которые она себе ставит, в ее борьбе за неимущих, в ее социалистической в одном случае и клерикальной в другом подоплеке; шестые отличали кооперацию от коммун тем, что она представляет собой только частичное обобщение хозяйственной деятельности, а не слитие всех хозяйственных усилий в одно коллективное предприятие и т. д.

Вникая в существо указанных признаков и сопоставляя их между собой и явлениями жизни, мы должны отметить их пестроту и противоречие. Многие из них неприложимы к целым видам кооперации, кооперативная природа которых в интуитивном ощущении как будто бы не подлежит сомнению.

Так, например, в настоящее время чрезвычайно трудно встретить кооператив, не пользующийся наемным трудом; с другой стороны, так называемые артели и многие сельскохозяйственные кооперативы (мелиорационные, машинные, земельные и пр.), чрезвычайно часто замыкают круг своих членов и отказывают в приеме новых; нередко такие потребительские общества, вступление в которые обязательно для целых категорий служащих; наконец, далеко не во всех случаях кооперативные работники ставят перед собой социальные задачи, а если они их и ставят, то нередко они бывают резко противоположны, как это мы, например, наблюдаем в бельгийской клерикальной крестьянской и социалистической рабочей кооперации.

Поэтому, если мы стремимся во что бы то ни стало дать одну определяющую формулу для всех видов кооперации, то мы должны включить в нее то общее, что свойственно всем ее отраслям и что можно вынести за скобки.

Кооперативные теоретики так и поступают, давая весьма краткие и весьма отвлеченные формулы. Перед революцией этим определяющим общим формулам придавали очень большое значение, по поводу их велись ожесточенные споры, и в нашей литературе имеется не один десяток предложенных формулировок.

Для сравнения возьмем две из них, наиболее яркие и противоположные друг другу.

Так, например, Туган-Барановский определял кооперацию нижеследующим образом:

1) *«Кооператив есть такое хозяйственное предприятие нескольких добровольно соединившихся лиц, которое имеет своей целью не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, но увеличение, благодаря общему ведению хозяйства, трудовых доходов его членов или сокращение расходов последних».* (М. И. Туган-Барановский, «Соц.-экономич. природа кооперации»).

Совершенно иначе звучит определение К. А. Пажитнова.

2) *«Кооператив есть такое добровольческое соединение нескольких лиц, которое имеет своей целью совместными усилиями бороться с эксплуатацией со стороны капитала и улучшить положение своих членов в процессе производственных благ, т. е. как производителей, потребителей или продавцов рабочей силы».* (К. А. Пажитнов, «Основы кооперации»).

Все остальные формулировки или повторяют и развивают высказанное Туган-Барановским и Пажитновым, или же пытаются соединить их идеи в одну формулу.

Сопоставляя между собою вышеприведенные определяющие элементы, мы легко можем разделить их на две группы: с одной стороны, на элементы организационно-формального характера (роль капитала, способы распределения прибылей, форма управления и пр.), с другой стороны, на элементы социально-целевого порядка, (разрушение капиталистического строя, гармония классов, освобождение крестьянства от экономических пут и пр.).

Невольно поднимается вопрос, возможно ли соединять эти две категории в одной определяющей формуле, и возникает даже сомнение: об одном ли и том же явлении говорят эти определяющие моменты?

Действительно, приступая к определению кооперации, мы, по нашему глубочайшему убеждению, имеем перед собою не один, а два объекта определения.

С одной стороны, мы имеем кооперативное предприятие, как организационно-хозяйственную форму, могущую вовсе не ставить перед собой никаких социальных задач или даже ставить социальные задачи противоположные тем, которые содержатся в перечисленных формулах.

С другой стороны, мы видим перед собой широкое социальное кооперативное движение или, точнее, движения, обладающие каждое свойственной ему идеологией и пользующиеся кооперативными формами организации хозяйственных предприятий как одним из орудий (иногда единственным) своего конкретного воплощения.

Эти последние движения сознательно ставят перед собой те или иные социальные цели и вне их немыслимы.

Таким образом, по нашему мнению, понятие «кооперация» должно быть расчленено на два понятия: «кооперативное предприятие» и «кооперативное движение», и для каждого из них должны быть конструированы определяющие признаки.

«Кооперативное предприятие» весьма полно характеризуется формальным определением в стиле определения Туган-Барановского. Во всяком случае возможно найти несколько важных организационных элементов (роль капитала, трудовая среда и пр.), которые позволят дать *единое определение* всем кооперативам.

С формальной организационно-хозяйственной точки зрения бельгийский клерикальный кооператив, первый параграф устава которого гласит, что его членами могут быть только лица, признающие «семью, собственность и церковь единственными основами общества» и коммунистические кооперативные объединения рабочих могут быть совершенно тождественны.

Не гонясь за краткостью обобщающей формулы, мы могли бы считать *характерной чертой кооперативного предприятия то, что оно никогда не может являться самодовлеющим предприятием, имеющим собственные интересы, лежащие вне интересов создавших его членов; это предприятие, обслуживающее своих клиентов, кото-*

рые являются его хозяевами и строят его управление ответственно перед ними и только перед ними.

Все элементы определения Туган-Барановского и ему подобных вытекают, как логические следствия, из формулированной нами идеи, и она действительно может быть обща всем кооперативным предприятиям.

Подобное единство вряд ли возможно, коль скоро мы перейдем к характеристике кооперации как социального движения.

Правда, на первых порах, когда кооперация является скорее литературным и идейным движением, ее единство почти всегда имеет место; но как только кооперативное движение входит в самую толщу народного хозяйства и делается одной из неотъемлемых его основ — начинают проявляться классовые и иные противоречия, и идеологический мираж рассеивается, как дым. Внимательный наблюдатель отмечает обособленную рабочую кооперацию, рассматривающую себя как часть общего рабочего движения, городскую обывательскую кооперацию, кооперацию ремесленную и, наконец, кооперацию крестьянскую.

Каждая из них, поскольку они действительно вошли в жизнь и пустили корни, является плотью от плоти и кровью от крови тех классовых групп, которые ее породили.

И если в данной классовой группе возникает какое-либо осознанное социальное движение классового порядка, то *кооперация неизбежно используется как одна из слагающих этого движения.* Так, например, рабочее движение выражается тремя конкретными формами — рабочей партией, профессиональным союзом и рабочей кооперацией.

В Западной Европе нечто подобное наблюдается и в крестьянской среде (Бельгия, Швейцария и др.), где наряду с с.-х. кооперацией, резко обособленной и враждебной кооперации рабочей, действует клерикальная или какая-либо другая партия, опирающаяся на экономические интересы крестьянства.

При таком положении вещей было бы в высшей степени наивно в условиях классового общества все виды кооперативного движения объединять в одно целое, и подводить под общее расплывчатое понятие «борьбы за интересы трудящихся». С научной точки зрения это был бы отказ от

углубления и детализации социального анализа, а с политической — замалчивание противоположенных подчас классовых интересов, которые во всех смыслах всегда следует выявлять для пользы всех заинтересованных сторон.

Поэтому с социальной точки зрения мы всегда должны говорить не о кооперативном движении, а о кооперативных движениях.

По нашему глубочайшему убеждению, такое же размежевание следует делать и при организационном анализе кооперативных предприятий, как таковых.

Признавая возможным дать единое определение кооперативного предприятия, подходя к нему с формально административной точки зрения, мы должны все же подчеркнуть, что оно, благодаря своей общности, лишено конкретного содержания и потому практически почти бесполезно.

Подобная бессодержательность определения зависит от того, что в одни скобки формально-административного определения предполагают взять несколько совершенно различных по своей природе экономических явлений, имеющих общим только трудовой характер среды, в которой они существуют.

Столь старательно искомая о б щ н о с т ь понятия в данном случае покупается ценой потери почти всякого содержания.

В частности, в отношении сельскохозяйственной кооперации общее определение формально-организационного типа совершенно оставляет в стороне то организационно-хозяйственное содержание, которое вносится в кооперативную работу описанным нами процессом вертикальной концентрации сельского хозяйства, протекающей в кооперативных формах. А тем не менее, именно этот процесс постепенной концентрации и перерождения сельскохозяйственного производства для нас, организаторов нового земледелия, представляет собою главную суть дела. И в сельскохозяйственной производственной кооперации нам важны именно эти ее элементы, наличие которых составляет ее отличие от потребительской кооперации, а вовсе не формальные элементы, сближающие их между собой.

А кроме того, нам нельзя забывать и того, что социальная природа кооперации неизбежно отразится на

самих частно-хозяйственных задачах кооперативного предприятия и тем самым и на его организационных заданиях.

Особенно большое значение для организационно-хозяйственного уклона кооперативного предприятия имеет то место в производстве или товарообороте, которое занимают его члены-хозяева.

В самом деле, что может быть общего между потребительской лавкой и такой же точно по составу товара и технике лавкой трудовой артели инвалидов, часто помещающихся в непосредственной близости?

Конечно, с формально-административной точки зрения, эти оба экономические образования аналогичны, но с точки зрения народно-хозяйственной они имеют не только различную, но враждебную друг другу природу.

Еще большее отличие в своих организационных устремлениях будут иметь кооперативные склады, положим, овощей и фруктов в зависимости от того, потребитель или производитель являются членами содержащего их кооператива.

Никогда нельзя забывать того, что в условиях классового общества, которому чуждо плановое построение государственного хозяйства и государственное регулирование производства и рынка, кооператив представляет собою организованную на коллективных началах часть экономической деятельности той или иной группы лиц и призван обслуживать интересы этой группы и только этой группы.

Рабочий потребительский кооператив представляет собой организованную закупочную активность пролетарского класса и никаких интересов, кроме интересов пролетарского класса, не имеет.

Сырьевые товарищества ремесленников имеют значение и смысл постольку, поскольку они снабжают ремесленный труд материалами для работы.

Крестьянская кооперация, как мы знаем, есть часть крестьянского хозяйства, выделенная для организации ее на крупных началах.

Говоря короче, кооперация не может мыслиться изолированно от той социально-хозяйственной базы, на которой она стоит, и поскольку различны экономически

базы эти, постольку различна природа самих отраслей кооперации.

По нашему мнению, кооперация организует те интересы и стороны групповой и классовой жизни, которые существовали и до ее появления, и в условиях капиталистического общества, в первых шагах своего развития, ничего нового, надклассового, не вносят.

Так, кооперация крестьянская, по нашему мнению, представляет собой весьма совершенный организованный вариант крестьянского хозяйства, позволяющий мелкому товаропроизводителю, не разрушая своей индивидуальности, выделить из своего организационного плана те его элементы, в которых крупная форма производства имеет несомненные преимущества над мелкой, и организовать их совместно с соседями на степень этой крупной формы производства, часто используя наемный труд.

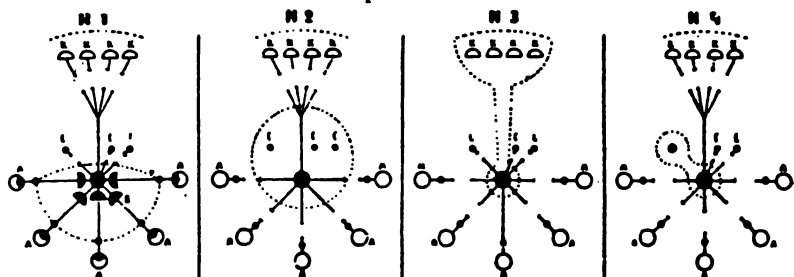
Потребительская городская кооперация никаких хозяйств не объединяет и не рационализирует их производительной деятельности. Ее задача — объединить покупательную активность своих членов и организовать более рациональное расходование членами своего дохода, полученного от производственной деятельности вне кооператива.

Артельное, кустарное, ремесленное и торговое дело не является союзом каких-либо независимых хозяйственных единиц, но представляет полное слитие в одном предприятии трудовых усилий своих членов, а потому должно скорее называться совместным производством, чем кооперацией.

Для того, чтобы возможно яснее подчеркнуть нашу мысль, мы позволяем остановить внимание читателя на одном частном примере, графически разработанном нами.

Чертеж № 1 представляет собою обычное маслодельное товарищество крестьян (а, а, а), которые выделили из своих хозяйств процесс изготовления масла и его продажу и организовали их в кооператив (В), который построил завод и нанял рабочих-маслоделов (с, с, с.); кооператив изготавливает из молока масло и продает его потребителям (к, к, к.), с которым, как равно и со своими рабочими, находится в антагонистических, в смысле противоположности интересов, отношениях.

График I. Социальное строение кооперативных предприятий.

Такова природа крестьянской кооперации.

Предположим теперь, что наш кооператив почему-либо должен был ликвидироваться, и его рабочие-маслоделы купили его маслодельный завод и организовали из себя трудовую артель маслоделов, экономическая природа которой видна из чертежа N⁰ 2.

Мы видим, что теперь кооператив покупает сырье (молоко) у крестьян и, переработав его в масло, продает его потребителям, находясь и с ними, и с крестьянами в антагонистических отношениях. Кооператив руководится волею рабочих и защищает интересы их труда, а не труда крестьянина и не интересы потребления городского потребителя. Предположим затем, что и наша трудовая артель принуждена была закрыться, и маслодельный завод был куплен организовавшимся в городе потребительским обществом, желающим снабжать своих членов дешевым и хорошим маслом.

Чертеж N⁰ 3 указывает нам схему экономических отношений в этом новом случае кооперативной организации. Руководящая воля совсем уходит из маслодельного производства и влияет со стороны. Маслодельное производство организовано на началах, близких к капиталистическим, и стоит в антагонистических отношениях как к крестьянам, так и к рабочим.

В чертеже N⁰ 4 указан случай, когда завод переходит к частному предпринимателю, предположим, одному из разжившихся мастеров-маслоделов, который организует

предприятие своей единоличной волей, и со всеми другими персонажами наших графиков находится в антагонистических отношениях.

Таким образом, несмотря на то, что наш завод остался нетронутым, работы на нем не прекращались, технически он был при всех четырех фазах своего существования тем же самым, — между персонажами графика, также неизменными во всех четырех случаях, слагаются совершенно различные отношения, и экономическая природа каждого из четырех вариантов весьма неоднородна с другими. Защищаются также и неодинаковые интересы. Крестьянское маслодельное товарищество стремится продать масло как можно дороже и заплатить по возможности меньше рабочим. Трудовая артель получает оплату своего труда в зависимости от разницы дешевой покупки и дорогой продажи. Потребительское общество стремится получить наиболее дешевое масло, а потому понижают, в пределах, ему доступных, плату за молоко и за труд. То же самое стремится сделать капиталист, добывающийся, к тому же, высоких продажных цен на масло.

Таково различие в природе и в интересах различных видов кооперации. Сторонники единства кооперативного движения думают слить три первых типа или, по крайней мере, первый и третий в одно предприятие. Возможно ли это?

Эти интересы настолько различны, что весьма многие попытки слить организационно разные классовые виды кооперации обычно приводили к плачевным результатам и ставили на очередь вопрос возможности единства кооперативного движения.

Как-то один средневожский губернский союз кооперативов, южные кооперативы которого производили хлеб и покупали валенки, а северные производили валенки и покупали хлеб, — задумал произвести внутри кооперативный обмен в целях взаимной выгоды. Через три года после начала операции нам пришлось встретить руководителей Союза и спросить их о судьбе начинания. «Дела идут хорошо», — был ответ. «Свои валенки продаем в Москву, а для себя валяный товар покупаем в Казани. Хлеб южных уездов гоним на Москву, а для северян покупаем в Вятке». «А внутрикооперативный обмен?». Собеседник только рукой

махнул. Была совершенно ясна большая выгода существующей комбинации.

Нам думается, что описанный случай может быть до некоторой степени ответом на поставленный вопрос об единстве кооперативного производства.

Крестьянская и городская кооперации могут не только не враждовать и вести взаимные торговые операции, но даже быть объединяемы на съездах и в общих организациях идейного или финансового порядка; но интересы, ими защищаемые, настолько противоположны, что их нельзя объединить в одной организации, воля которой неизбежно будет ослаблена внутренними противоречиями противоположных интересов, соединенных в одно целое.

Таковы общие соображения, заставляющие нас признать, что сельскохозяйственная кооперация представляет собою экономическое явление, только внешне и формально тождественное другим видам кооперации, но по природе своей глубоко от них отличающееся и нуждающееся в самостоятельном изучении. Необходимо подчеркнуть, что все изложенное нами было рассмотрено в плоскости народного хозяйства классового общества, находящегося в фазе капиталистического развития.

Изложив это понимание, мы подошли к основному, самому главному и самому важному вопросу сегодняшнего дня и должны уяснить себе:

1) Какие внутренние изменения должны произойти в процессах вертикальной концентрации земледелия и, в частности, в ее кооперативных формах, при замене режима капиталистического общества режимом переходной системы государственного капитализма и впоследствии режимом социалистической организации производства?

2) Нужны ли нам в нашей сегодняшней организационной работе над крестьянским хозяйством методы вертикальной концентрации и в каких формах?

Не нужно большого труда для того, чтобы ответить на этот второй из поставленных вопросов.

Поскольку организационное овладение процессами сельскохозяйственного производства возможно только при замене распыленного крестьянского хозяйства формами производства концентрированного, мы должны всячески

развивать те процессы деревенской жизни, которые ведут к этой концентрации.

Путь горизонтальной концентрации, с которым обычно связывают у нас представление о крупной форме производства в земледелии, в стране мелкого крестьянского хозяйства исторически должны мыслиться в формах стихийной дифференциации крестьянских хозяйств, образования из беднейшей части их пролетарских кадров, выпадения середняков и концентрации производства в зажиточных группах, строящих его на капиталистических началах и привлечении наемного труда. Этот процесс должен был бы при своем развитии привести к постепенному созданию крупных и технически достаточно хорошо организованных хозяйств, которые в известный момент образования социалистического хозяйства могли бы быть национализированы и образовали бы собою систему фабрик зерна и мяса.

Само собою понятно, что в условиях советской деревенской политики, при наличии нашего земельного кодекса и вообще режима национализации земель, этот путь отпадает совершенно. Исторически развитие пролетаризации крестьянства ни в коем случае не может входить в состав элементов советской политики. В процессе революции мы не только не могли концентрировать в производственные крупные единицы распыленные земли, но исторически вынуждены были распылить значительную часть земельного фонда старых крупных хозяйств.

Сообразно этому, единственной формой горизонтальной концентрации, которая в настоящее время может иметь место и фактически происходить, является концентрация крестьянских земель в крупные производственные единицы в формах всякого рода сел.-хоз. коллективов, в виде сел.-хоз. коммун, артелей и товариществ по совместной обработке земель, — поскольку, конечно, они создаются на крестьянских землях, а не на базе принятия в эксплуатацию старого имения. Процесс этот, как мы увидим ниже, протекает в значительных размерах, но все же не имеет и не может иметь того массового масштаба, на котором можно было бы строить всю политику концентрации сел.-хоз. производства. Поэтому главнейшей формой проведения концентрации в

области крестьянских хозяйств может быть только путь концентрации вертикальной и при том в ее кооперативных формах, так как только в этих формах она окажется связанной органически с сельскохозяйственным производством и может получить надлежащий по глубине захват.

Иначе говоря, единственно возможный в наших условиях путь внесения в крестьянское хозяйство элементов крупного хозяйства, индустриализации и государственного плана, это — путь кооперативной коллективизации, постепенного и последовательного отщепления отдельных отраслей от индивидуальных хозяйств и организации их в высших формах крупных общественных предприятий.

Изложенное понимание сельскохозяйственной кооперации придает ей значение едва ли не единственного метода вовлечения нашего сельского хозяйства в систему государственного капитализма. А это в настоящее время представляет собою основную нашу задачу.

Сельскохозяйственная кооперация возникла у нас задолго до революции. Она существовала и существует в ряде капиталистических стран. Однако, и у нас до революции, и во всех капиталистических странах она представляла собою не более как приспособление мелких товаро-производителей к условиям капиталистического общества, не более как оружие в борьбе за существование. Никакого нового общественного строя она не представляла и не могла представлять, и все мечтания многих кооперативных идеологов были в этом отношении утопичны.

Положение вещей совершенно изменяется, поскольку, вместо обстановки капиталистического общества, система сельскохозяйственной кооперации с ее общественными капиталами, высокой концентрации производства, при плановом характере работы попадает в условия социалистического общества или, по крайней мере, существующей у нас системы государственного капитализма. В этом случае, именно благодаря высокой вертикальной концентрации и централизации кооперативной системы, она в лице своих центров смыкается с руководящими органами государственного хозяйства и из простого оружия мелких товаро-производителей, созданного ими в борьбе за существование в капиталистическом обществе, превращается в одну из

главных слагающих социалистической системы производства. Говоря иначе, из технического орудия социальной группы или даже класса она превращается в одну из основ хозяйственного уклада нового общества.

Этот процесс перерождения внутреннего социально-экономического содержания кооперативного движения, при замене политического господства капитализма властью трудящихся масс, с особенной ясностью был освещен в предсмертных статьях В. И. Ленина о кооперации, в которых он, отмечая вышеизложенное значение кооперации в системе государственного капитализма, предвидит в дальнейшем возможность перерастания этой переходной формы и заключает свои рассуждения указанием, что *«строй цивилизованных кооператоров при классовой победе пролетариата над буржуазией, — это есть строй социализма»*.

Это понимание народнохозяйственного значения сельскохозяйственной кооперации в сущности предопределяет собою основную линию нашей земледельческой политики.

При национализации земли и политическом господстве трудящихся масс, эта система хозяйства, вводимая через союзы кооперативов и кооперативные центры в систему планового государственного хозяйства, может быть признаваема тождественной социалистической организации земельного.

Таково происхождение новых форм земледелия, построенного по принципу вертикальной концентрации. В своем настоящем положении кооперативное движение в разных районах находится в различных фазах своего постепенного развития; в то время, как в некоторых губерниях СССР мы видим перед собою только первые зачатки сбытовой и закупочной кооперации, такие районы, как знаменитая Шунгенская волость, Боровичско-Валдайский, Великие Соли, Бурцево и Курово, Московской губ., дают нам примеры глубочайшего проникновения элементов кооперативной концентрации в самую толщу сельскохозяйственного производства и сбыта. Внимательно следя за их развитием мы можем в некотором отношении проследить мощные контуры новых форм организации будущего земледелия.

НЭП И ОСКАР ЛАНГЕ

О НЭПе до недавнего времени писали в основном только экономисты и историки на Западе. В Советском же Союзе, начиная с тридцатых годов, обсуждения проблем НЭПа в официальных публикациях старательно избегали.

Правда, в период Хрущева некоторые видные экономисты-реформаторы затрагивали вопросы, связанные с НЭП-ом. Но в целом традиция замалчивания НЭПа до того упрямо соблюдалась, что даже в 1970 году, в столетие со дня рождения Ленина, Брежнев, в своей торжественной речи о НЭПе сказал всего одну лишь фразу: «А потом был НЭП» ...

Это вовсе не значит, что в Советском Союзе не было рецидивов НЭПа. Но все это были очень робкие (я бы сказал — жалкие) полумеры — причем ребенка никогда не называли по имени.

Можно насчитать четыре таких рецидива. Два — во времена самого Сталина. Первый рецидив в 1933 году, после «головокружения от успехов» сплошной коллективизации и, в ответ на нее, сплошной резни скота крестьянами, Сталин тогда ввел «колхозный рынок» и «по-отцовски» позволил колхозникам держать по одной корове. Второй рецидив был во время Второй мировой войны, когда даже государственным предприятиям и учреждениям разрешено было иметь подсобные хозяйства. Третий рецидив НЭПа имел место, когда Хрущев и Маленков, сразу же после смерти Сталина, ввели ряд экономических льгот для колхозников (что не помешало Хрущеву несколько позже разглагольствовать об упразднении крестьянского подсобного хозяйства и о строительстве коммунистических агрогородков). Четвертый рецидив «НЭПа с оглядкой» состоялся во время Брежнева, непосредственно после снятия Хрущева, когда он повысил цены на госпоставки зерна и расширил торговлю на колхозном рынке. Следует заметить, что рецидивы НЭПа заканчивались обычно большим политическим шумом, когда начинали вдруг бить в набат, призывая к борьбе с

«расхитителями государственного имущества» и извращениями партийно-государственной линии в сельском хозяйстве, — а лагеря в это время пополнялись новыми заключенными.

Так и вращается, словно в заколдованном кругу, советская экономика вот уже свыше полувека — с колебаниями от «реального социализма» к рецидивам НЭПа и обратно...

Единственным постоянным реликтом НЭПа в Советском Союзе, находящимся все время под обстрелом, остается подсобное хозяйство колхозников. Характерно, что, занимая всего лишь немногим более одного процента пахотной земли, подсобные хозяйства поставляют государству около 40% сельскохозяйственной продукции страны. Известный английский экономист Н. Ясный писал, что по интенсивности и производительности труда подсобные хозяйства советских крестьян не уступают уровню сельского хозяйства Дании и Голландии.

Поэтому не удивительно, что феномен НЭПа всегда привлекал внимание свободомыслящих историков и экономистов в Советском Союзе. В апреле 1984 года в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья Абарцумова на тему НЭПа. Но уже через полгода, в октябре 1984, когда генеральным секретарем стал Черненко, в «Коммунисте», теоретическом органе партии, автор статьи был резко раскритикован.

В последнее время тема НЭПа снова зазвучала на страницах советских журналов и газет. В этот раз — по инициативе сверху. Михаил Горбачев публично с трибуны XXVII съезда партии заговорил о НЭПе, призывая возвратиться к ленинскому продналогу. В конце прошлого года интересную статью под заглавием «На пути к социалистическому рынку» опубликовал Лев Воскресенский («Московские новости», 30 ноября 1986). Сейчас публикации о НЭПе уже привычное дело.

Казалось бы, что общего могут иметь проблемы модернизации народного хозяйства, внедрения новейшей технологии 80-х годов с НЭПом, этим коротким эпизодом в истории Советского Союза (1921 - 1927)?

Оказывается, увязка здесь не случайная. Ибо НЭП — это не просто исторический эпизод, это насильственно прерван-

ный, не доведенный до конца процесс, это — теоретически еще не разработанная серьезная экономическая концепция. По своему замыслу НЭП должен был стать целой исторической эпохой.

Поэтому вполне оправдан повышенный интерес к НЭПу нынешних советских экономистов — реформаторов, понятно их желание, увязывая свои экономические идеи с основными принципами НЭПа, вернуться к прерванному историческому процессу. Есть среди них и такие, кто, провозглашая свои лозунги децентрализации, реприватизации, ограниченной национализации, демократического самоуправления, не знают, что все это было уже высказано в трудах Ленина и Бухарина.

Чем же был НЭП, который Ленин поставил на повестку дня X съезда партии в марте 1921 года?

Посмотрим, как оценивают НЭП историки Запада.

Видный историк русской революции Е. Г. Карр пишет, что НЭП был отрицанием предыдущего этапа революции, известного под названием «военного коммунизма» (Е. Н. Carr «The Bolshevik Revolution 1917», p. 272). Проницательный биограф Бухарина Стивен Коэн отмечает, что НЭП был отходом от программы, принятой в 1919 г. на VIII съезде партии (S. F. Cohen, «Bukharin», pp. 146-147). Именно своим указанием на отрицание целого «*этапа* революции» и «*программы партии*» обе эти формулировки подчеркивают то новое, весомое и исторически положительное, что внес НЭП в развитие революции.

Но в чем же заключалось то положительное, с чем Ленин явился на X съезд партии 6 марта 1921 года? То есть, в чем смысл новой экономической политики?

В том-то, однако, и дело, что это еще не была «новая экономическая политика» — ни по замыслу, ни по сути, даже ни по наименованию. То, что Ленин предложил, было лишь первым шагом в направлении НЭПа — всего лишь первая, незначительная реформа, лишь «пересмотр» прежней экономической политики по отношению к крестьянству. Интересно, что Ленин не был даже автором этой идеи. Когда годом раньше Троцкий предложил введение свободной торговли, Ленин выступил против этого проекта, отвергнутого тогда II голосами (при четырех «за»).

Следует поэтому — для ясности и научной точности — ввести периодизацию в развитие понятия «Новой экономической политики». (К сожалению, принято обычно считать свободу торговли, т. е. только первый шаг, главной чертой НЭПа).

Объективно можно выделить три периода:

1) Март — октябрь 1921 г. 2) Октябрь 1921 г. — апрель 1925 г. 3) Апрель 1925 г. — январь 1928 г., преддверие сталинского «левого» курса.

Так как моя статья имеет цель показать взаимосвязь между НЭПом и теоретическо-экономической деятельностью выдающегося польского экономиста Оскара Ланге, я могу здесь лишь вкратце охарактеризовать эти периоды.

Особенность первого периода: Это всего лишь передышка, пересмотр старой экономической политики, упразднение продразверстки (конфискации зерна), введение продналога и свободной торговли только в ограниченной сфере — между мелкими производителями и торговцами, в частности в сельском хозяйстве, при сохранении между государством и крестьянством все тех же отношений «коммунистического продуктообмена», что и во времена военного коммунизма...

Прошло всего лишь полгода, и к октябрю 1921 г. обнаружилось, что стихия купли-продажи, в силу действия объективного закона стоимости и рыночных цен, перечеркнула всю установку на «коммунистический продуктообмен» и что эта стихия купли-продажи разлилась широкой волной по всей стране. Тогда-то Ленин и предназначил для государства лишь роль регулятора экономического процесса в стране. Начал обозначать сроки действия НЭПа десятилетиями («надолго и всерьез»). Трактовал торговую кооперацию (противопоставляя ее производственной: коммуна, колхозам) как столбовую дорожку, ведущую к социализму. Писал:

«... разве это не все, что нужно для того, чтобы из одной только кооперации которую мы прежде третировали, как торгашескую... разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества... для этого требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти... эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха» (В. И. Ленин, П.С.С., т. 45, сс. 370, 372).

В это время, на втором этапе НЭПа, исчезла боевая триада: «С бедняком, в союзе с середняком — бей кулака!» Была сделана ставка на «старательного хозяина». Вместо обострения социальных отношений — нужен «гражданский мир». Ленин пишет, что социализм это не обязательно централизация... Что касается военного коммунизма, то он, хотя и навязан извне ходом гражданской войны, был все-таки ошибкой. Наделал больше вреда, чем все поражения Красной Армии на всех фронтах с белыми генералами вместе взятыми. И Ленин приходит к заключению, что «мы *вынуждены* признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» (там же, с. 376).

Следует заметить, что НЭПу в этот (второй) период — еще при жизни Ленина, а в особенности после его смерти — оказывали очень сильное сопротивление всякие «леваки», которые в своем восприятии НЭПа задержались на первом его этапе, видя в нем только временное отступление революции, а возможно даже предательство, и считали, что с ним нужно поскорее кончать. Практические следствия этого отношения проявлялись в ряде ограничений экономической деятельности нэпманов, часто с некоторой антисемитской окраской, — при этом использовался арсенал мер, унаследованных от военного коммунизма...

Переломным моментом в развитии НЭПа был пленум ЦК партии в апреле 1925г., которым мы обозначаем начало его третьего (последнего) этапа. Этот этап характерен обострением противоречий. С одной стороны, решения пленума очистили НЭП от всего политико-административного и экономического хлама времен военного коммунизма, введя ряд новых экономических льгот для крестьян. Это случилось под давлением группы Бухарина, Рыкова, Томского, Рютина. Бухарин творчески, теоретически и практически, разработал идеи Ленина, добавив ряд своих тезисов, таких как мирное вращение капитализма в социализм, закон стоимости как единственный регулятор развития народного хозяйства в целом, закон равновесия между промышленностью и сельским хозяйством, децентрализация планирования и управления. Ему же принадлежит знаменитое обращение к крестьянам с призывом «обогащайтесь!»

Этот этап английский экономист Алан Бэлл в своей статье «Новая торговая практика» называет новым дыханием НЭПа (Alan Ball, «NEP's Second Wind: The New Trade Practice», *Soviet Studies*, vol. XXXVII, N 3, July 1985, pp. 371-385).

Но, с другой стороны, все леваки в партии и вне ее, которые до тех пор только стихийно-эмоционально сопротивлялись НЭПу и пытались на практике где только удавалось тормозить его развитие, теперь нашли своих идейно-политических руководителей в лице оппозиции Троцкого. К ней присоединились, после того как рухнул их триумvirат со Сталиным, Каменев и Зиновьев. Так возникла «Объединенная оппозиция».

Началась ожесточенная фракционная борьба. «Объединенная оппозиция» приняла решения апрельского пленума в штыки, назвав их кулацким уклоном, неонэпом Бухарина, приближением Термидора. Троцкий бил в набат: «Кулак стучит в окно политики!»

Сталин, который уже прочно сидел в кресле генерального секретаря вместе со своей группой аппаратчиков (Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым) стоял тогда на стороне Бухарина, формально возглавляя борьбу с «Объединенной оппозицией».

Но между тем политические события приняли объективно новое направление. В связи с рядом политических неудач Бухарина в 1926-1927 годах, в частности на международном поприще (он одновременно был председателем Коминтерна), и в связи с недобором во время хлебазаготовки в четвертом квартале 1927 года, который оппозиция объявила кризисом НЭПа, — позиция Бухарина пошатнулась. (Известный американский экономист Ежи Карч утверждает, что этот недобор легко можно было ликвидировать, повысив цену на зерно).

Тогда-то Сталин начал оглядываться. Сменил веху и начал говорить о грозящей опасности со стороны кулака... Эта смена позиции нашла свое выражение в решениях XV съезда партии, который состоялся в декабре 1927 г. XV съезд не только предвещал начало конца НЭПа, он стал роковым для судьбы революции в России. Антинэповский удар некому было отразить. После фракционных

схваток осталась только одна политико-экономическая платформа — платформа «Объединенной оппозиции» провозглашавшая курс на ускоренную индустриализацию страны и коллективизацию сельского хозяйства как единственное спасение революции и социализма в России...

Сталин не дал оппозиции наслаждаться плодами своей идеологической победы. На XV съезде он всех оппозиционеров при помощи Бухарина, изгнал из Центрального комитета. Но, разгромив их организационно, он одновременно присвоил себе их платформу. Биограф Троцкого Исаак Дойчер отмечает, что это событие было «победой (Троцкого) в его поражении»...

Растерянность Бухарина, приведшая его позднее к полному поражению в борьбе со Сталиным, не является проявлением малодушия (как утверждали троцкисты). Проблема сложнее. Ленин, как верно заметил известный чешский экономист Ота Шик, не успел создать целостную теорию НЭПа. Бухарин внес немалый вклад в разработку новой экономической политики. Но у него не было авторитета и смелости Ленина (нехватало ему, заметим, и той глубины научного анализа, что была присуща польскому ученому Оскару Ланге). В конце концов: НЭП был всего лишь одной из форм развития смешанной экономики как определенной исторической закономерности.

Что же все-таки успел дать НЭП за короткий период своего существования?

Был ли он только экономическим явлением?

НЭП был чудом. Я не мистик, но я не нахожу другого слова для определения этого явления.

Приведем несколько примеров.

На рубеже 1923-24гг. в России уже имела место стабилизация валюты — показатель экономического благополучия страны. Даже западные, более крепкие в экономическом отношении страны и менее пострадавшие в Первой мировой войне, отстали в этом от России на 2-3 года (Shepard B. Clough, «The Economic Development of Western Civilization», New York, 1959, p. 419. На это же обращает внимание и E. Carr, *Interregnum*, p. 134). «НЭП возвратил народное хозяйство к его довоенному уровню. Сельское хозяйство и промышленность оправились от потерь,

причиненных им в тяжелый период 1914-1921 гг.» (Adam B. Ulam, «Stalin», New York, 1974, p. 263). Уже в 1922 году легкая промышленность достигла уровня 1912 года. (E. H. Carr, «The Bolshevik Revolution 1917», pp. 310, 311). В 1927 году промышленность начала превышать довоенный уровень. (Н. Валентинов, «Доктрина правого коммунизма», Мюнхен, 1960, с. 61). Заработки рабочих в тяжелой промышленности в 1927-28гг. были выше на 11% уровня 1913 года. (Naum Jasny, «Soviet industrialisation 1928-1952», p. 43). В 1923 году на рынке появилось много сельскохозяйственных продуктов. Цены начали падать. В связи с этим на повестку дня XII съезда партии был поставлен вопрос об экспорте зерна. В 1923 году экспорт зерна составлял 4,6 миллионов тонн, т. е. в 6 раз больше, чем в 1923 году. Почти столько, сколько теперь составляет импорт.

Посмотрим на картину НЭПа глазами очевидца. Вот что пишет в своих воспоминаниях Вацлав Сольский:

«После двух-трех лет НЭПа голода уже не было и заметно возросла реальная заработная плата. Я бывал в это время в Москве и видел, как быстро менялся город из года в год. В 1925 году можно уже было купить в магазинах почти все. Было много ресторанов, а на Тверской (теперь улица Горького) вновь открылся дореволюционный „Елисей“, нечто в роде грандиозного храма, где продавали мясо всякого рода, рыбу, овощи, сладости, вина, икру и т. д.»

(Институт Литерацки, Париж, 1977, с. 242)

Еще одна сторона дела. Хотя НЭП, конечно был в основном экономическим явлением, но его значение было гораздо шире. Известен, например небывалый рост национальных культур в это время. Прав был Ленин утверждая, что НЭП изменил социальную структуру Советского Союза.

*

Хотя НЭП и представлял собой одну из форм системы смешанной экономики, но он развивался стихийно, был движением прагматическим, теоретического обоснования не имел. Продвигались вперед ощупью... Основателем теории смешанной экономики был Оскар Ланге.

Выдающийся польский экономист Оскар Ланге (1904-1965) с молодых лет был активистом социалистического

движения в Польше: сперва в Союзе независимой социалистической молодежи, потом в Польской социалистической партии (ППС), где занял место в ее левом крыле. Но в отличие от большинства в партии, которое в своей деятельности не соприкасалось с марксизмом, Оскар Ланге, изучая экономические науки, был хорошо знаком с идеями Маркса. Университет Ланге окончил в Кракове. В 1934 году как стипендиат поехал в Соединенные Штаты Америки, где занялся интенсивной научной деятельностью и вскоре получил профессорскую кафедру.

Характерно, что в своих трудах Ланге никогда не писал конкретно о НЭПе и даже не ссылаясь на него. Более того, свою концепцию *смешанной экономики* он этим именем не назвал. Но в действительности именно он был создателем *теории смешанной экономики*.

В 1936-37 гг. Оскар Ланге написал свою работу «On the Economic Theory of Socialism» (Об экономической теории социализма), которая прославила его имя среди ученых экономистов. Это была полемика с известным экономистом Л. фон Мизесом, пытавшимся доказать, что при социализме невозможно применение системы хозяйственного учета, ибо социалистическое хозяйство не в состоянии разрешить проблему рационального использования своих ресурсов. Оскар Ланге, поблагодарив Л. фон Мизеса за то, что он впервые в теоретической плоскости поставил этот вопрос, доказал обратное. Тем самым Оскар Ланге, тогда еще молодой научный работник, обогатил экономическую теорию социализма. В этой научной работе есть глава, посвященная вопросу, который непосредственно связан с темой моей статьи: О. Ланге как теоретик смешанной экономики. Глава эта называется: «Политика переходного периода». Обсуждая в ней вопрос решительной политики немедленной социализации командных экономических высот в той или иной стране, Оскар Ланге пишет:

«Одновременно, как добавление к решительной политике немедленного обобществления, социалистическое правительство должно объявить внятно, не возбуждая никаких сомнений, что всякая собственность на предприятия, не подлежащие распоряжению о социализации, останется впредь в частных руках и владельцам их следует дать

гарантию абсолютной безопасности. Правительство должно всем объяснить, что социализм не направлен против частной собственности как таковой, но только против определенной, особого рода собственности, которая создает общественные привилегии для отдельных людей, в ущерб огромному большинству населения, или же создает преграды для экономического прогресса. Вследствие этого всякая частная собственность на средства производства и все частные предприятия, выполняющие общественнополезную функцию, будут пользоваться покровительством и помощью со стороны социалистического государства.

Для того, чтобы в секторе частной собственности и частных предприятий не создавалась атмосфера паники, социалистическое правительство должно искренность своих намерений подтвердить тем, что немедленно проведет ряд мероприятий в пользу мелких предпринимателей и мелких собственников (в том числе владельцев сбережений, акций и облигаций)».

Но это еще не все. Оскар Ланге идет дальше. Для достижения успеха в этой политике социалистическое правительство должно мобилизовать все эти слои населения и

«...стать во главе массового движения против монополий и политики рестрикционизма, против империализма... Только опираясь на массовое движение, охватывающее большинство населения, правительство будет в состоянии провести смелую программу обобществления»(Oskar Lange, Dzieka, 2 tom, ss. 288, 289).

Перед нами *теория*, стратегия и даже тактика смешанной экономики. Никто до О. Ланге не высказывал таких мыслей, да и тогда, когда они были опубликованы, мало кто обратил на них внимание.

Если мы сопоставим эту теорию с политикой «Ограничения и ликвидации» частного сектора, начатой Сталиным после его поездки в Сибирь в январе 1928 года, мы увидим, какая бездна отделяет настоящего ученого-марксиста от множества «леваков» всех времен и народов, именующих себя «коммунистами», «социалистами», «анархистами» вплоть до тех невежд из «Новой левой», что при помощи террора, покушаясь на капитанов буржуазного общества, надеются уничтожить капитализм...

В другой своей работе «Как я понимаю социализм» («The Call», New York, 1940), написанной спустя три года, Оскар Ланге возвращается к вопросам, поставленным им ранее и уточняет некоторые понятия.

С характерной для него четкостью, отрицая «бюрократический и государственный социализм», господствующий в Советском Союзе, он указывает на необходимость, ради прогресса страны, соединения воедино политической и экономической демократии, которая «допускает разнообразие форм собственности, проявления инициативы и правления».

Констатируя тот факт, что в народном хозяйстве капиталистических стран действуют две сферы экономической деятельности — сфера, в которой господствуют монополии, и сфера, в которой сохранилась мелкая собственность и конкуренция, Оскар Ланге выявил противоположность законов их экономического развития и исторической направленности.

Вследствие того, что монополии, в силу их исключительно привилегированного экономического и общественно-политического положения в стране, цены и тем самым нормы прибыли устанавливают на рынках не в соответствии с действием объективного закона стоимости, а произвольно, их деятельность является паразитической, деструктивной, вредной, наносящей ущерб интересам подавляющего большинства населения. Поэтому монополии должны быть подвергнуты обобществлению. Такова их закономерная историческая судьба.

И наоборот, в сфере мелкой собственности, «в которой конкуренция является действенной и ведет к высшей производительности путем снижения общественной себестоимости производства», следует сохранить частную собственность на средства производства и частную инициативу.

Следовательно — необходимо мирное сотрудничество обобществленной собственности бывших монополий с частной мелкой собственностью.

Этим заключением Оскар Ланге завершил *теорию* смешанной экономики, обосновав, тем самым стихийное

явление НЭПа как историческую закономерность строительства социализма.

Но, к сожалению, теорию Оскара Ланге постигла в Польше та же участь, что и *практику* НЭПа в СССР. В 1947 году Оскар Ланге возвращается на родину. Политическая и социально-экономическая система в послевоенной Польше, т. е. «Народная демократия», была объективно такова, что могла бы дать основу для осуществления идеи Ланге о смешанной экономике. Тем более, что стратегическим лозунгом Владислава Гомулки был «*Польский* путь к социализму», а член политбюро Польской рабочей партии (ППР) Роман Замбровский, писал тогда, что «в Польше колхозов не будет»...

В том же 1947 году, сразу после приезда в Польшу, О. Ланге приступает к изданию своей книги «Об экономической теории социализма», одна глава которой была посвящена вопросу смешанной экономики (о чем была речь выше) и пишет предисловие для польского читателя. Этот факт может свидетельствовать, по-моему, о том, что Оскар Ланге связывал с этой работой свои общественно-политические надежды — он рассчитывал на воплощение своих идей в жизнь. Но в 1948 году его теория мирного сотрудничества и развития трехсекторной (социалистический, кооперативный и частный) политико-экономической структуры была снята политическим руководством Польши с повестки дня. В этом, конечно, нет ничего удивительного — именно в это время, в 1948 г., начался интенсивный процесс сталинизации Польши, как, впрочем, и других стран «народной демократии». Но странным и не совсем понятным было отношение самого автора к своей теории. Оскар Ланге начал проявлять колебания и растерянность, он сам способствовал разрушению того, что создавал. Столь трагическая ситуация заслуживает, конечно, особого внимания. Но это уже иная тема.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИИ

- 3 *Владимир Малинкович.* Две оттепели.
19 *Время решающих перемен (Материалы одной дискуссии).*
34 *Вадим Белоцерковский.* Заметки на полях перестройки.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 45 *Вячеслав Чорновил.* Правду надо сказать всю.
70 *Вячеслав Чорновил.* Кое-что о «демократии по-брежневски».
78 *Надеемся на Вашу поддержку (Письмо белорусских писателей).*
92 *Читатель из Белостока.* Двухязычие-двуличие.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

- 97 *Для целей личности высоких (Андрей Тарковский о себе).*
104 *Булат Окуджава.* Сильна еще инерция стиля (Интервью).
120 *Марк Захаров, Олег Табаков, Валерий Фокин.* Перестройка в советском театре.
130 *Белла Езерская.* Русская культура в эмиграции: Интервью с Василием Аксеновым.
Юрий Любимов на Западе.
158 *Вилен Барский.* «документа 8».

ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЭТИКА

173 *Карл Пельман. Безумие цезарей.*

ИСТОРИЯ

199 *Александр Чаянов. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации (Глава из книги).*

227 *Михал Мирский. НЭП и Оскар Ланге.*

**Условия подписки
на журнал «ФОРУМ»**

Цена одного номера:
Англия — 3 фунта.
Германия — 15 н. м.
США — 7 ам. долл.
Франция — 40 ф. фр.

В других странах — расчет по курсу немецкой марки.

Адрес: Ukrainische Gesellschaft für Auslandsstudien
e. V., für «Forum».

Bankkonto: Deutsche Bank A. G.
Promenadenplatz, 8000 München 2
Kto Nr. 22/20457, BLZ 70070010.

Postscheckkonto PScha München
Kto Nr. 22278-809.

Представители «Форума»

В Англии Лиана Померанцева
Liana Pomeranzev
4 Flat, 5 Sevington str.
Maida Vale, London W9

в Израиле Михаил Хейфец
M. Heifetz
Ramot 41/31
Jerusalem
Т. (2) 867451